

РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ СБОРНИК

Выпуск II

**РУССКИЕ МЫСЛИТЕЛИ
О НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОМ
РАЗВИТИИ РОССИИ (1861–1940 гг.)**

ТОМ I

РОССИЯ НАКАНУНЕ ДВАДЦАТОГО СТОЛЕТИЯ

ЧАСТЬ I

Государственная наука и политика России
в творческом наследии Б.Н. Чичерина

МОСКВА

1992

Редактор «Российского военного сборника» А.Е. Савинкин

Первая часть первого тома второго выпуска
составлена при участии Ю.Т. Белова и И.В. Домнина

Издается при содействии
Министерства обороны Российской Федерации
и Гуманитарной академии Вооруженных сил

© ГАВС, 1992

2

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ В КОНЦЕПЦИЮ «РОССИЙСКОГО ВОЕННОГО СБОРНИКА».....	4
ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАУКА И ПОЛИТИКА РОССИИ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ	
Б.Н. ЧИЧЕРИНА	8
1. ЗАКОНЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.....	8
2. ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО	33
3. ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИКИ	70
4. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ	195
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	229
РЕЧЬ Б.Н. ЧИЧЕРИНА, МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО ГОЛОВЫ, 16 МАЯ 1883 Г.	229
ЧЕСТВОВАНИЕ ПАМЯТИ Б.Н. ЧИЧЕРИНА В СЛАВЯНСКОМ КЛУБЕ В КРАКОВЕ 28 ФЕВРАЛЯ 1904 ГОДА (РЕЧЬ ПРОФЕССОРА М. ЗДЗЕХОВСКОГО)	232
Б.Н. ЧИЧЕРИН И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ РУССКОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ (РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ П.Б. СТРУВЕ В ЗАСЕДАНИИ РУССКОГО НАУЧНОГО ИНСТИТУТА В БЕЛГРАДЕ В 1928 ГОДУ).....	241

Введение

в концепцию «Российского военного сборника»

Первоначально «Российский военный сборник» предполагалось издать тремя выпусками. Впоследствии замысел изменился. Прделанная работа позволила представить его в концептуальном виде, соответствующем ключевым задачам создания современной армии России.

В основе своей Сборник будет носить военно-политический характер. Его первоначальное историческое основание слагается из работ известных русских генералов и офицеров: П. Пестеля, Н. Обручева, А. Редигера, Р. Фадеева, Д. Милютин, Д. Парского, Н. Корфа, Н. Нордова, Н. Кядо, С. Добророльского, А. Байова, Н. Головина, А. Геруа, А. Свечина, Ю. Данилова, А. Деникина, А. Колчака, В. Борисова, А. Незнамова, А. Зыкова, М. Галкина и многих других. Именно они составляют ядро созвездия русской военно-политической науки. Их мысли образуют духовный капитал, позволяющий серьезно начать процесс изучения непростых проблем современной военной политики, возрождения души и укрепления тела Вооруженных сил России на современном этапе. В различных выпусках будет представлено также общеполитическое наследие таких русских мыслителей, как С. Соловьев, В. Ключевский, П. Милюков, Д. Менделеев, Б. Чичерин, Н. Бердяев, С. Булгаков, Н. Федоров, Г. Федотов, П. Струве, Н. Тимашев, М. Вишняк, М. Таубе и других.

На сегодня общая концепция-проект Сборника включает в себя одиннадцать выпусков, первый из которых уже опубликован¹, а остальные будут представлены последовательной серией томов:

Второй выпуск «Русские мыслители о национально-государственном развитии России (1861–1940 гг.)»: Россия накануне двадцатого столетия (т.1) — Государственная наука и политика в творческом наследии Б.Н. Чичерина (часть I), К познанию России (часть II); Политические идеалы и действительность в России начала XX века (т.2); Русская революция и армия (т.3); Национальный вопрос в России (т.4); Прошлое, настоящее и будущее России (т.5); Национал-большевизм и евразийская идеология в русской эмигрантской мысли (т.6); Россия и демократия (т.7).

¹ П. Пестель, Н. Обручев, А. Медведев и другие военные писатели о русской армии. — М.: ГА ВС, 1992.

Третий выпуск «Русский военный ренессанс начала двадцатого века»: Общие основания военной реформы (т.1); Мысли об устройстве российской вооруженной силы (т.2); Русская военно-морская идея (т.3).

Четвертый выпуск «Русская мысль о войне и мире» издается одним томом в трех частях: Философия войны (часть I); Социология войны (часть 2); «Пути к миру» (часть 3).

Выпуск пятый «Стратегическая парадигма русской военной науки»: Политика и стратегия (т.1); Военная доктрина (т.2); Русский Генеральный штаб (т.3).

Выпуск шестой «Духовное развитие личности в русской армии»: Умственное развитие офицера и солдата (т.1) — Военное красноречие (часть I), Военно-педагогическая идея (часть 2), Культурная жизнь армии (часть 3); Дух армии и душа воина (т.2) — Опыт военной психологии (часть I), Религиозные основы в русской армии (часть 2).

Выпуск седьмой «Русское Зарубежье»: Государственно-патриотическая идея в «Русском Колоколе» И.А. Ильина (т.1); Военное творчество русской эмиграции (т.2); Белая Армия на Родине и в изгнании (т.3); Красная Армия в зеркале русской эмиграции (т.4); Казачество (т.5).

Выпуск восьмой «Иностранная военно-политическая мысль в России» публикуется по мере накопления переводного материала.

Выпуск девятый «Русские военно-исторические традиции»: Война в истории русского мира (т.1); Система и методы военного управления в российском государстве (т.2); Воинская повинность и народное ополчение (т.3); Воинская дисциплина (т.4); Специфика казачьих войск (т.5); Долг и честь русского офицера (т.6); Символика и военная форма в русской армии (т.7).

Выпуск десятый «Аннотированные указатели»: Военно-общественная тематика в русской периодической печати (т.1); Законы, постановления, приказы по русской армии, флоту и казачим войскам (т.2); Книги и статьи Русского Зарубежья: военный аспект (т.3)...

Выпуск одиннадцатый «Вооруженные силы новой России»: Эволюция военной реформы (т.1); Военные конфликты и российская армия (т.2); Будущая русская вооруженная сила (т.3).

Таким образом, появляется возможность, во-первых, представить в одном издании редкие книги (статьи) отечественных и зарубежных русских мыслителей по вопросам национально-государственного и военного строительства России.

Во-вторых, практически каждый из выпусков останется открытым для публикации результатов последующей архивной и научно-исследовательской работы. Причем последний, одиннадцатый, будет непосредственно связан с исследованием современных и перспективных проблем военной политики Российской Федерации.

Предварительная работа по наполнению «Российского военного сборника» конкретным содержанием велась в Институте научной информации по общественным наукам, Военно-научной библиотеке Генерального штаба, библиотеке Гуманитарной академии, Исторической государственной публичной библиотеке, Российской государственной библиотеке. Неоценимую помощь редакции Сборника оказали сотрудники этих учреждений Т.Г. Бутеева, А.Ф. Голенцова, Л.Н. Гончарова, С.С. Савельева, Н.Б. Крадецкий и другие.

Названия авторских работ не во всех случаях совпадают с оригинальными заглавиями соответствующих книг и статей, так как многие тексты собраны из разных источников. Отдельные мысли и предложения выделены (подчеркнуты) по тексту в соответствии с их современной значимостью.

Редакция рассчитывает на сотрудничество всех заинтересованных лиц, организаций и учреждений.

Вооруженным силам России необходимы прочные государственные основания. Пока они не определились, на первом плане стоит вопрос восприятия армией прогрессивной государственно-патриотической идеи России.

Сегодня представители национал-патриотизма пытаются реанимировать старую русскую идею, наполнить ее державным и мессианско-утопическим содержанием. Восстанавливаются славянофильские лозунги, раздаются призывы о «собрании России» любыми средствами, создании единого русско-имперского государства. Традиционная триада «Православие, самодержавие, народность» механически заменяется на новый вариант «русской идеи»: религиозность, государственность, народовластие. В печати (в том числе и военной²) появляются статьи, утверждающие историческую неизбежность державной, абсолютистской формы государственного устройства России. Высказывается сомнение в возможности осуществления либерально-демократических реформ.

² См.: Поздняков Э.А. Россия и национально-государственная идея // Военная мысль. — 1992. — № 4–5. — С.50-59.

Противодействовать этим процессам, проникающим в армейскую жизнь, можно только уяснением смысла истинной патриотической идеи национально-государственного развития, той, которая не имела отношения к ложному, гибельному пути России в последние десятилетия ее существования. До 1917 года содержание этой идеи развивалось альтернативно на отечественной почве, после — в среде русских эмигрантов. Она не потеряла доверия народа в ходе утопических экспериментов. Ее представители сохранили нравственный авторитет, не несут прямой ответственности за российские политические и военные катастрофы.

«Собирание» позитивной идеи развития российской национальной государственности составляет основную задачу второго выпуска «Российского военного сборника». Его по праву открывают работы замечательного русского патриота, ученого и общественного деятеля Бориса Николаевича Чичерина.

Редактор

Текст составлен по следующим источникам:

Законы развития человечества: Чичерин Б.Н. Основания логики и метафизики (Мистицизм в науке). — М., 1880.

Государство и общество. Политика: Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. I–III. — М., 1894, 1896, 1898.

Политический вопрос в России: Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. — М., 1862; Его же. Россия накануне двадцатого столетия. 3-е изд. — Берлин, 1901; Его же. Воспоминания. Т. 3–4. — М., 1929, 1934.

Приложения: 1) Речь Б.Н. Чичерина, Московского Городского Головы, 16 мая 1883 г. Эпизод из истории коронации в Москве. — Берлин, 1883; 2) Чествование памяти Б.Н. Чичерина в славянском клубе в Кракове 28 февраля 1904 года. — Краков, 1905 (речь М. Здзеховского); 3) Струве П.Б. Социальная и экономическая история России... — Париж, 1952. — С.323–331.

См. дополнительно: Зорькин В.Д. Чичерин. — М.; Юрид. лит., 1984.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАУКА И ПОЛИТИКА РОССИИ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Б.Н. ЧИЧЕРИНА

1. Законы развития человечества

Мы можем следующим образом формулировать общие законы развития человечества.

1) Развитие человечества идет от первоначального единства через раздвоение к единству конечному.

2) Это движение совершается сменой синтетических периодов и аналитических. Первые характеризуются господством религий, вторые — развитием философии. Аналитические периоды представляют движение от одного синтеза к другому.

3) Каждый как синтетический, так и аналитический период представляет один или несколько циклов, обнимающих собою развитие четырех основных определений мысли и бытия: первоначального единства, или причины производящей, двух противоположностей, то есть причины формальной и причины материальной, наконец, конечного единства, или причины конечной.

4) Так как эти четыре определения образуют две перекрещивающиеся противоположности, то движение может быть двоякое: или от первоначального единства к конечному через противоположности материи и формы и обратно, или от формальной причины к материальной через противоположности производящей причины и конечной и обратно. Первый есть путь субъективный, второй — путь объективный. Так как и тот и другой могут быть в обе стороны, то всех способов движения, или путей мысли, четыре.

5) Объективный путь господствует в начале развития, ибо первую точкою отправления мысли служит объективное бытие. Только постепенно она обращается к себе. Этот путь господствует в натуралистических религиях. Первобытные религии идут от явления к закону, философские — от закона к явлению.

6) Развитие древней философии точно так же начинается с объективного пути, но затем переходит к субъективному. В своей совокупности она представляет движение от объекта к субъекту, или разложение первоначального единства на противоположные определения.

7) В этом движении древняя философия проходит через три периода развития сообразно с тремя точками зрения, на которые становится мысль. В первом периоде господствует универсализм, во втором реализм, в третьем рационализм.

8) Первый и последний из этих периодов представляют полный цикл четырех основных определений мысли. Средний же период характеризуется раздвоением, причем, однако, каждая из противоположных отраслей включает в себе все четыре момента.

9) В период универсализма мысль идет объективным путем, в период рационализма субъективным путем, средний же период, как переход от одного к другому, представляет конец объективного пути в материалистической отрасли и начало субъективного пути в спиритуалистической отрасли. Совокупное же движение древней философии включает в себе совокупность всех четырех путей, а вместе с тем и полное изображение всего развития мысли.

10) Второй синтетический период, средневековый, представляет объективное движение от закона к явлению, опять же через все четыре момента.

11) Развитие новой философии идет в обратном порядке против развития древней философии: оно начинается с рационализма и затем идет через реализм к универсализму. Это — путь от субъекта к объекту, или путь сложения, тогда как развитие древней философии было путем разложения.

12) Первый период новой философии представляет опять полный цикл основных определений мысли; средний же характеризуется раздвоением, а последний предстоит еще впереди.

13) В период рационализма мысль идет опять субъективным путем, от субстанции к идее; период же реализма представляет, с одной стороны, завершение субъективного пути движением от идеи к субстанции, с другой стороны, начало объективного пути движением от закона к явлению. Остается завершение объективного пути движением от явления к закону, что и составляет задачу универсализма.

Из всего этого мы можем вывести, как общий закон, что человечество идет от раздвоения к конечному единству по тем же самым ступеням, по которым оно шло от первоначального единства, только в обратном порядке.

Читатель видит, что все эти законы вытекают из самих фактов. Это не умозрительное построение, которое, как внешняя рамка, налагается на историю. Все это каждый ученый может проверить на опыте, ибо данные находятся в руках

у всех. Факты удостоверяют нас в правильности сделанных нами умозрительных выводов и приводят нас к тому желанному сочетанию умозрения с опытом, к которому стремится человеческая наука. Опыт дает ответы на поставленные философией вопросы. Каждый из этих двух путей науки сам по себе недостаточен: философия без опыта пуста, опыт без философии слеп. Соединение же обоих путей озаряет ярким светом всю бесконечность мысли и бытия. Не темная область непознаваемого, а светлая область знания и веры открывается перед нашими взорами. Религия, философия, нравственность, право перестают казаться какими-то загадочными явлениями или, пожалуй, младенческими заблуждениями человеческого ума: они представляются нам как различные стороны или формы единой, вечной истины, присущей человеческому духу. История же раскрывает перед нами самое развитие этой истины по вечным законам духовного мира. Вместо хаоса случайных событий, среди которых теряется исследователь, мы видим в ней стройный порядок, управляемый общею идеею. Вооруженные выведенным нами законом, мы можем точно определить не только где мы стоим, но и куда мы идем. Основываясь на чисто научных данных, мы можем с такою же достоверностью предсказать все будущие ступени человеческого развития, как астроном предсказывает солнечные затмения, ибо закон исторического развития имеет точно такое же значение для человеческого духа, как закон тяготения для материального мира.

Опираясь на этот закон, мы можем с полною уверенностью сказать, что период реализма кончился и что настает век универсализма. Мы можем указать и самый путь, которому должен следовать универсализм в своем развитии: это — путь от явления к закону, или от материи к форме. Поэтому первое, что мы увидим в ближайшем будущем, это — новую и последнюю попытку материализма построить на основании своих начал общую мировую систему. Но так как эти начала радикально неспособны к такому построению, так как они одинаково противоречат и умозрению и опыту, то материализм окончательно рухнет и уступит место развитию других, высших начал бытия. Точно так же в другой области, политической, которая следует тому же закону, мы можем предвидеть, что в ближайшем будущем на Западе восторжествует демократия, не социальная, которая принадлежит к области утопий, а либеральная, которая одна имеет в себе условия существования. Демократия, как выражение чистого индивидуализма, представляет материалистическое начало государственной жизни, хотя по существу своему она стоит бесконечно выше теоретического

материализма, ибо она основана на признании свободной и духовной человеческой личности. Но и либеральная демократия, вследствие внутренней своей несостоятельности, должна будет уступить место высшим политическим формам, основанным на естественном преобладании классов, занятых умственным трудом, над классами, преданными материальной работе. Свобода не исчезнет, но она должна сочетаться с высшими требованиями общественной жизни. Наконец, мы можем быть убеждены, что этот предстоящий нам период универсализма приведет нас к новому религиозному синтезу, который, не уничтожая, а восполняя предыдущие, полнее раскроет нам существо Духа, сводящего противоположности к конечному единству. Это будет завершением всего человеческого развития.

Но, скажут нам, если мы, таким образом, на основании чисто научных данных можем заранее определить все те ступени, через которые должно пройти человечество, то не уничтожается ли этим самым внутренняя свобода, которая составляет краеугольный камень всего нравственного мира? Не превращается ли через это человек в слепое орудие, призванное лишь к тому, чтобы исполнить заданный наперед урок? На это возражение мы уже отвечали выше и можем только повторить сказанное. Свобода не создает законы, а только исполняет их. В нравственной области она составляет необходимую принадлежность человека, как нравственного существа; а между тем, нравственный закон не создается, а только сознается человеком. От нас зависит единственно его исполнение. Точно так же и в истории, сознание управляющего ею закона нисколько не уничтожает человеческой свободы, ибо закон исполняется не иначе, как через посредство свободы. Человеку намечен путь, но способы прохождения этого пути зависят от его воли. Он может сокращать и удлинять свое шествие, избирать орудия мира или войны, уклоняться от цели и снова возвращаться к ней, испытавши тщету своих усилий.

Свобода имеет здесь тем более простора, что те ступени, которые ей предстоит пройти, несмотря на общее сходство с предыдущими, не составляют простого повторения. В движении истории от первоначального единства к раздвоению противоположности на каждой ступени находятся еще в более или менее слитном состоянии; разнообразие жизни еще не развилось вполне. В движении от раздвоения к единству, напротив, требуется сложить уже разложившееся. Здесь противоположные начала достигли уже полной самостоятельности, и эта самостоятельность должна сохраниться при высшем

объединении. Поэтому здесь ни одна ступень не похожа на предыдущие. Тут каждый раз предстоит объединить бесконечно более богатое содержание, и это объединение есть дело свободы. Поэтому и результат обратного движения от раздвоения к единству не состоит в простом только возвращении к началу. То единство, к которому стремится человечество в своем развитии, вовсе не похоже на то, которое составляло для него точку исхода. Одно включает в себе первые зачатки исторической жизни, другое — полное их развитие. Одно есть единство Силы, все производящей, другое — единство Духа, сводящего противоположности к конечной цели, к Добру.

И здесь и там, и в начале и в конце, сочетание всех жизненных элементов в общее синтетическое мирозерцание составляет дело религии. Человечество исходит от Бога и снова возвращается к Богу. Религиозный синтез занимает и середину исторического пути, связывая исходную точку с конечной целью. Каждая из этих форм религиозного поклонения раскрывает человеку известную сторону божественного естества. Первоначальный синтез есть откровение Силы, средний — откровение Слова, последний же, восполняя остальные, должен быть откровением Духа, все собою завершающего. Первый есть откровение Бога в природе, второй — откровение Бога в нравственном мире, третий, наконец, — откровение Бога в истории, которая движется Духом Божиим к конечному совершенству.

Таким образом, история, как положительная наука, сама приводит нас к Богу. Близорукий взор, устремленный на одни частности, не видит в ней ничего, кроме частных; но вникая в смысл и связь явлений, мы открываем в них действие высших начал. В истории земное сочетается с небесным; в конечном осуществляется бесконечное. Абсолютное само становится явлением и развивается в сознании человека. Поэтому на каждой ступени исторического движения мы встречаем Божество. Бог есть начало, середина и конец истории, так же как Он — начало, середина и конец всего сущего...

Всякий, кто излагает исторические законы, необходимо должен провести их через все существенные моменты исторической жизни человечества, не пропуская ни одного выдающегося явления без надлежащего объяснения, ибо только этим путем можно убедиться, что выведенный закон согласен с действительностью. Вследствие этого и сам Гегель не довольствовался одним умозрительным выводом закона. Хотя г. Соловьев уверяет, что последовательного

и полного применения этого закона к истории человечества сделано не было, однако мы знаем, что Гегель написал целую философию истории... И несмотря на то что закон был выведен правильно, приложение его к истории человечества оказалось неверным. Ибо иное дело вывести умозрительно общий закон, иное — указать, как он отражается в фактах. Последнее требует совершенно другого рода работы. Недостаточно подвести поверхностно схваченные факты под заранее подготовленную схему: надобно подробно изучить самые факты, не производя над ними насилия, а раскрывая их внутреннюю сущность и их взаимную связь. Тогда только можно видеть, действительно ли в них проявляется общий закон и нет ли чего-нибудь упущенного из виду. Только будучи проведен через явления, закон получает значение достоверного знания. В этом состоит существенная сторона опытной науки.

То ли мы видим у г. Соловьева? Прочитавши тот скудный очерк, в котором он излагает свой взгляд, мы, к сожалению, должны сказать, что автор не только не изучал основательно истории, но даже и не отнесся к ней серьезно, как требуется от ученого...

Зачем г. Соловьев, указавши на объединяющую деятельность государства, заключает свой обзор утверждением, что начало новых веков характеризуется в общественной сфере решительным обособлением государства? Ведь обособление было с самого начала с противоположением государства церкви; оно представлялось завершением всего исторического развития древнего мира. В чем же заключается смысл средневековой истории?

Очевидно, г. Соловьеву не удалось сколько-нибудь последовательным образом провести свое воззрение, несмотря на то, что он берет только самые скудные черты исторических явлений. Факты слишком громко против него говорят. Справедливо, что средневековая жизнь, и всего более в Западной Европе, представляет противоположение и борьбу двух миров, духовного и светского, религиозного и гражданского. Справедливо также, что средневековый гражданский мир зиждется на начале личного права, представителями которого являются преимущественно германцы. Это собственно даже не государство, а гражданское общество, основанное на началах частного права. Вследствие этого оно дробится на бесчисленное множество мелких союзов, связанных весьма шаткою связью. Отсюда его слабость и трудность сопротивления притязаниям церкви. Последняя во имя нравственно-религиозных начал хочет внести единство в этот хаос. Она хочет осуществить именно тот идеал, за который ратует г.

Соловьев; и, по-видимому, она имеет для этого все данные, ибо никогда человечество не было так склонно подчиниться нравственному синтезу, как в средние века. Если же эта попытка не удалась, то это произошло не от того, что церковные начала еще недостаточно проникли в гражданское общество, а просто потому, что это противоречит природе вещей. Объединение всех общественных элементов деятельностью нравственно-религиозного союза не могло совершиться, потому что нравственно-религиозный союз по своему отвлеченному характеру не способен на такое дело, а гражданский союз, основанный на противоположном начале права, не поддается такого рода единству. Отсюда бесконечная борьба, которая наполняет историю средних веков.

Но так как борьба не может быть вечна и сама собою вызывает потребность соглашения, то над противоположными мирами, церковным и гражданским, возникает новый, третий союз, государство, союз уже не отвлеченный, а конкретный, сосредоточивающий в себе все общественные интересы, а потому способный объединить стремящиеся врозь элементы. Он борется равно против феодализма и против церкви, и окончательно подчиняет их своей верховной власти. В этом состоит характеристический признак политического развития нового времени. Ясно, что сущность этого процесса заключается не в обособлении государства, как утверждает г. Соловьев, а, напротив, в им же указанной объединяющей деятельности государства, что совсем другое. Этот новый шаг был не результатом средневековых начал, а реакцией против этих начал и возвращением к государственным понятиям древности, обстоятельство, на которое г. Соловьев не обратил никакого внимания. Для него эпоха Возрождения не существует, все представляется только последовательным развитием средневекового порядка.

Однако, возвращаясь к старым началам, новое государство, в отличие от древнего, не поглощает уже в себе религиозного и гражданского общества. Процесс обособления совершился и принес свои плоды, которые должны сохраниться и для будущего. Новое государство воздвигается только над обоими союзами, подчиняя их себе, но не уничтожая их относительной самостоятельности. Это есть истинное решение общественного вопроса, решение, выработанное всемирною историею и составляющее неотъемлемое достояние человечества. К сожалению, г. Соловьев при своем взгляде на государство, как на отвлеченно-юридический союз, ровно ничего в этом не понял, а потому вся деятельность государства в новое время осталась для него непроницаемою

тайною. Ложная теория отразилась на совершенно неверном изображении исторических явлений.

Понятно, что при таком взгляде все последующее развитие западноевропейской истории представляется в радикально ложном свете. Там, где является реакция против средневековых начал, г. Соловьев видит только последовательное развитие этих начал, где создается новый порядок вещей, он видит только постепенное разложение старого. Но и тут мы не находим у г. Соловьева ясного представления об этом процессе. Понятия перепутываются, факты представляются в искаженном виде, и в уме читателя опять-таки остается одно недоумение.

Процесс разложения западной цивилизации изображается у г. Соловьева в следующем виде: обособившееся государство, восторжествовав над церковью и феодализмом с помощью земства, то есть третьего сословия, вступает в борьбу со своим прежним союзником. «Королевская власть, — говорит г. Соловьев, — в силу общего принципа западной цивилизации стала стремиться к полному обособлению, стала присваивать себе абсолютное значение в своей исключительной централизации и вместо служения народным интересам явилась как подавляющая и эксплуатирующая народ враждебная сила». Отсюда реакция со стороны земства, которое, в свою очередь, торжествует и наконец превращает государство «в различную форму, в исполнительное орудие народного голосования». Это превращение составляет главный результат Французской революции, которой начала проникли всюду и повели к замене прежней абсолютной монархии монархией конституционной. Но и на этом результате движение не остановилось. Торжествующее земство, в свою очередь, распадается на враждебные классы, а затем и на враждебные личности. Общественный организм Запада в силу последовательного развития положенных в основание его начал раздробляется, наконец, на последние элементы, на атомы общества. Среди этого всеобщего разложения существенное значение сохраняет один элемент — материальное богатство, которое одно дает силу и власть. Отсюда противоположность богатых и бедных, между которыми опять возгорается борьба. Господство капитала, по мнению г. Соловьева, лишено всякого оправдания. Оно опирается исключительно на факт, на исторические условия; но исторические условия могут меняться. Отсюда стремление со стороны труда завладеть капиталом. Это и составляет ближайшую задачу социализма, который имеет, сверх того, и принципиальное значение: он представляет собою

окончательное выделение и самоутверждение общества экономического в противоположность обществу политическому и духовному. Современный социализм требует, чтобы общественные формы определялись исключительно экономическими отношениями, чтобы государственная власть была только органом экономических интересов народного большинства. Таково, по мнению г. Соловьева, последнее слово западной цивилизации, которая на пути разложения последовательно идет от господства к наступающему ныне господству третьей общественной организации — экономической. Этот процесс г. Соловьев считает совершенно последовательным и необходимым; но эта необходимость чисто историческая, следовательно, только временная и условная. Торжество социализма столь же мало может удовлетворить вечным потребностям человеческого духа, как и господство католической церкви или абсолютизм государства, а потому остается только искать новых начал, которые здесь не обретаются.

Итак, г. Соловьев предсказывает нам наступающее торжество экономического общества в лице социализма как последнее слово западной цивилизации. Но зачем же нужно еще торжествовать экономическому обществу, когда оно и без того уже восторжествовало во Французской революции и превратило государство в исполнительный свой орган? Очевидно, что у г. Соловьева в распоряжении находится только один шаблон: общество духовное, юридическое и экономическое, и к этому шаблону он безразлично подводит самые разнородные явления. И третье сословие, и весь народ, и пролетариат, и Французская революция, и конституционная монархия, и социализм — все у него смешивается в одно понятие экономического общества. Между тем известно, что либеральное движение, охватившее Европу, как реакция против абсолютизма королевской власти, было движением не экономическим, а чисто политическим. Оно возникло в Англии и затем перешло в Америку, хотя ни здесь, ни там не было речи об экономических вопросах. Какими началами руководилась сама Французская революция, это лучше всего можно видеть в том памятнике, который составляет характеристическую ее особенность, в Объявлении прав человека и гражданина. Эти начала суть свобода и равенство, то есть именно то, что сам г. Соловьев признает основанием права. Свобода есть начало юридическое и политическое, столько же, сколько и экономическое. Оно было подавлено в первый период развития новой государственной жизни в Западной Европе. Но это произошло не вследствие того, что королевская власть в силу

общего принципа западного развития стала стремиться к обособлению, как уверяет г. Соловьев; как будто на Востоке абсолютизм монархической власти не достиг еще больших размеров, нежели на Западе! Свобода была подавлена вследствие того, что объединяющая деятельность государства и борьба его с враждебными ему элементами требовали сосредоточенной власти. Когда же государство восторжествовало, свобода снова предъявила свои права, и тогда начался обратный процесс, не процесс борьбы экономического общества с политическим, а процесс приобщения к политической жизни нового элемента народного, во имя начала свободы.

Результатом этого процесса является водворение конституционной монархии, а в некоторых странах и республики, на место прежнего абсолютизма. Г. Соловьев и в конституционной монархии видит только плод разложения западноевропейской цивилизации. Но если идеальной политической формой должна считаться та, которая призывает все способные к политической жизни элементы к совокупной деятельности на общую пользу, то конституционная монархия отвечает именно этому признаку. Эта форма не везде приложима: там, где общественные элементы не приготовлены к совокупной деятельности, там неизбежно устанавливается или держится абсолютизм, наоборот, где по той или другой причине недостает монархического элемента, водворяется республика. Самый успех конституционной монархии зависит от доброты входящих в состав ее элементов. Но нет сомнения, что эта форма является плодом не разложения, а созидания, она представляет не упадок, а высший цвет политической жизни.

Но этого мало. Западноевропейская история не только создала высшую политическую форму, неизвестную ни древнему миру, ни средним векам; она в эту форму вдыхает новую жизнь, притом жизнь не возбужденную извне, а зародившуюся в собственных ее недрах. Это совершается у нас на глазах. Провозглашается как общее правило, что государство должно быть выражением народности; во имя этого начала создаются новые политические тела, собираются рассыпанные храмины, пробуждается новый дух, который подвигает народы на великие дела. Мы не станем разбирать здесь, везде ли приложимо это начало и может ли оно быть признано абсолютным правилом политической жизни; это увлекло бы нас слишком далеко. Но нет никакого сомнения, что это новейшее явление западноевропейской цивилизации отнюдь не служит признаком разложения. Г. Соловьев представляет нам западный мир более и более раздробляющимся на атомы, можно подумать, что тут происходит борьба всех

против всех. И что же мы видим? Никогда еще в Европе не собирались такие грозные силы, как именно теперь. И эти силы создаются и движутся единым, оживляющим их народным духом, который крепнет, мужает и проявляется с неведомою прежде энергиею. Главными историческими деятелями являются те лица, которые лучше всех понимают и воплощают в себе этот новый дух. Таким образом, явление прямо обличает ложную теорию. Факт у всех на виду, но так как теоретический мыслитель не в состоянии его объяснить, то он предпочитает просто отвернуться от него и выводить свой фантастический закон, умалчивая обо всем, что может ему противоречить. Но разве это научный прием? Того ли следует ожидать от серьезного мыслителя?

Столь же несостоятельны мнения г. Соловьева насчет экономического развития Западной Европы. Здесь противоречие в мыслях автора прямо поражает читателя. Владычество экономического общества представляется крайним пределом атомистического разложения; и кто же оказывается представителем этого направления? Социализм, то есть именно то учение, которого вся сущность заключается в отрицании индивидуализма. И будущее торжество этого учения представляется нам как окончательное разложение общества на ничем не связанные единицы! Как же объяснить такую несообразность?

Здесь опять обнаруживаются последствия уже известного нам ложного взгляда г. Соловьева на социализм. Не изучивши его надлежащим образом, он понял его как выражение того самого начала, которого он является отрицанием. В действительности, социализм не есть результат всего развития Западной Европы, а, напротив, протест против этого развития, но протест бессильный, ибо он противоречит природе вещей. И в этой области западноевропейская цивилизация создала нечто такое, чего не было ни в древности, ни в средние века, именно, всеобщую свободу экономических отношений, свободу труда и обмена, откуда проистекли те чудеса промышленного производства, которые нас изумляют. Свобода не разрешает всех многосложных экономических вопросов; нередко она, как и всякая свобода, влечет за собою прискорбные явления; но она представляет единственную почву, на которой можно искать разрешения этих вопросов, и все, что ей противопоставляется, ведет не к улучшению, а к ухудшению созданного ею порядка вещей. Критика социалистов, которой без всякой проверки вторит г. Соловьев, могла указать на темные стороны современного экономического быта, но она не изобрела ничего, чем бы можно было его заменить. Несмотря на предсказания г. Соловьева, социализм не осуществится, потому что утопии

неосуществимы. Он может возбуждать народные страсти, производить смуты и потрясения, сбивать с толку робкие умы, которые, видя его грозные полчища, считают нужным входить с ним в компромиссы, но сила вещей возьмет свое. Западная Европа еще не закончила своего развития. Последние результаты предстоят еще впереди.

Не абсолютизм Гегеля, а внутренняя необходимость заставили человеческую мысль перейти от рациональной философии к опытной науке. Рациональная философия, исходя от чистого разума, вывела общие законы мысли и бытия, но это все-таки не более как форма, которая должна наполниться содержанием, а содержание дается опытом. Отсюда необходимость стать на иную точку зрения, идти обратным путем. Если рациональная философия, исходя от мысли, углубляется в бытие, то опытная наука, наоборот, исходит от бытия, чтобы потом возвыситься к мысли. И на этом пути человеческий разум в западноевропейском мире пришел к изумительным результатам, с которыми в древности ничего уже не может сравниться. Нужно ли на них указывать? Перед человеком открылась вся природа, и небо, и земля, и движение светил, и микроскопические животные. опытом исследованы незыблемые законы мироздания, а человеческая изобретательность обратила эти законы на свою пользу. Водяной пар как бы волшебством переносит человека на отдаленнейшие пространства, слово в мгновение облетает земной шар. Все это происходит у нас на глазах, но г. Соловьев опять ничего не видит. И тут он говорит только, что если мы будем смотреть на абсолютизм эмпирической науки «с общечеловеческой, а не с ограниченной западной точки зрения, то легко увидим его ничтожество».

Что односторонний и исключительный опыт не в состоянии дать нам ни полноты знания, ни еще менее полноты жизни, в этом нет никакого сомнения. Если форма требует содержания, то и содержание требует формы. Одно восполняется другим, и только взаимодействие обоих элементов и направлений человеческого разума способно привести нас к желанной цели — к всестороннему и гармоническому познанию истины. Но почему же это взаимодействие обоих элементов, из которых каждый доселе развивался отдельно, не может совершиться на той же почве? Откуда г. Соловьев взял, что позитивизм в области знания «представляет в своей сфере необходимое последнее слово западного развития» и что «поэтому всякий поклонник западной цивилизации должен признать себя позитивистом, если только хочет быть последовательным». Это

изречение г. Соловьева напоминает тех русских мыслителей, которые во времена второй французской империи утверждали, что Наполеон III представляет собою последнее слово западной цивилизации. Наступил 1870-й год, и оказалось, что они ровно ничего не видели и не понимали. Теперь последним словом стал князь Бисмарк. Если, как можно предвидеть, в недалеком будущем звезда Германии временно померкнет, то последним словом опять будет что-нибудь другое. Но ведь такое признание новейшего явления за последнее слово целой цивилизации служит только признаком близорукости. Наука же вооружает нас таким инструментом, который дает нам возможность смотреть и вдаль.

В самом деле, на каком основании можем мы признать последнее, возникающее перед нами явление за нечто окончательное, далее чего высшие представители современного человечества не могут идти? Разве мы имеем дело с цивилизаций, уже закончившей свое развитие? Разве перед нами стоят дряхлые, потерявшие способность к дальнейшему движению народы, а не могучие силы, смело идущие вперед, энергически пробивающие новые пути? Все недостатки западной цивилизации проистекают именно из того, что она еще не завершилась. И почему, наконец, мы должны признать позитивизм за единственное выражение западной цивилизации, тогда как в самом западном мире существуют и вновь возникают направления совершенно иного рода? Разве во Франции, родине позитивизма, нет философских школ, которые подвергают основные положения позитивизма весьма строгой и дельной критике?..

Г. Соловьев считает позитивизм и социализм явлениями аналогическими: по его мнению, «позитивизм в области знания совершенно соответствует социализму в области общественной». Он утверждает даже, что социалисты-мистики и социалисты-философы являются отдельными исключениями; вся же масса социалистов ищет теоретической опоры в положительной науке. Но ведь это значит идти наперекор и логике и фактам. Позитивизм исходит от того, что есть, что дается внешними чувствами, он отрицает самую возможность идти далее. Социализм же, напротив, отрицает то, что есть, во имя того, чего никогда не было, нет и не может быть. Какая же есть аналогия между голым фактом и чистой мечтою? Что касается до утверждения, что социалисты-мистики и социалисты-философы составляют не более как исключения, то не говоря уже об основателях школы, самые новейшие корифеи социализма, Лассаль и Карл Маркс, как известно, вовсе не позитивисты, а сбившиеся с пути гегельянцы.

Если же в самом западном мире раздается протест против одностороннего направления мысли, то на каком основании можем мы утверждать, что этот протест не приведет ни к каким результатам и что западная цивилизация не в состоянии идти далее данной односторонности. Западная мысль доказала свою способность, и способность необычайную, с которою никакое другое явление в области познания не может сравниться, равно в умозрении и в опыте; почему же мы должны признать ее неспособною сочетать то и другое? А в этом именно заключается высшее требование науки. Это — тот шаг, который составляет насущную потребность настоящего времени и который должен дать нам окончательные результаты всего предшествующего развития мысли. Для этого не нужно никакой новой силы, достаточно существующих и уже проявившихся на деле...

Самый закон развития, на который опирается г. Соловьев, отнюдь не требует, чтобы высшее соглашение было произведено иными силами, нежели те, которые проявились в развитии частных элементов. В физическом организме общее единство устанавливается собственным взаимодействием отдельных членов и систем, а не какою-нибудь извне получаемую ими связью. В человеческом духе, в силу присущего ему начала свободы, отдельные элементы могут выделяться и становиться даже во враждебное отношение к другим, но это обособление последовательно ведет к самоотрицанию, самоотрицание же в силу внутреннего закона приводит к высшему единству. Самоотрицание происходит оттого, что каждый элемент, будучи по существу своему частью высшего цельного, содержит в себе в неразрывной связи и себя и другое, а потому он не может отрицать другое, не отрицая вместе и собственной своей сущности. Как же скоро он, опираясь исключительно на самого себя, утверждает свою сущность, так он неизбежно вместе с тем утверждает и другое, а потому снова приходит к единению с этим другим. В этой способности выделяться, становиться особняком и потом снова соединяться с другими заключается истинное существо разума и свободы. Свободен тот, кто способен стоять на собственных ногах, отдельно от других, и кто затем, по собственной инициативе, а не в силу внешней для него связи, соединяется с другими. И тот только в состоянии свободно соединяться, кто в состоянии отделиться от других и стоять на своих ногах. Свобода есть отрицательное, но вместе с тем и зиждательное начало.

И то и другое связаны в ней неразрывно, ибо оба составляют то присущее разумному существу бесконечное, которое делает его абсолютным источником

собственных действий и вместе с тем связывает его как с необъятным материальным миром, так и с верховным началом всего сущего.

Коренная ошибка г. Соловьева заключается в том, что он началу свободы придает только отрицательное значение. Он прямо даже это высказывает, несмотря на все свои требования свободной теократии, свободной теософии и свободной теургии. Поэтому он в обособлении отдельных сфер знания и жизни видит одно отрицание и ищет спасения единственно в возвращении их в лоно мистики. По той же причине он и в свободном развитии не замечает ничего, кроме отрицательного движения. Там, где воздвигается новое здание, он видит только разложение старого. Оттого он вопреки кидающимся в глаза фактам, вопреки вновь пробудившемуся началу народности, вопреки собирающимся государствам, вопреки колоссальным предприятиям, требующим громадного соединения сил, вопреки социализму, вопреки новейшим пантеистическим системам, признает последним словом западноевропейской цивилизации атомизм в жизни, атомизм в науке, атомизм в искусстве.

Вследствие этого он и не ожидает ничего большего от этой цивилизации, которая, в его глазах, высказала последнее свое слово, доведши разложение до крайних пределов. Не в свободе, по его теории, мы найдем лекарство против разрушительного действия свободы, а в высшем, сверхчеловеческом начале. Чтобы спастись от этого бесконечного раздробления, чтобы оживить накопившийся мертвый материал, по мнению г. Соловьева, необходимо внешнее, сверхъестественное наитие. Ибо то безусловное содержание жизни и знания, которое одно может вдохнуть новую жизнь в это разложившееся тело, не находится в самом человеке и еще менее в окружающем его внешнем мире. Оно составляет принадлежность другого, безусловного, божественного мира, к которому принадлежит и сам человек по своему вечному началу. «Итак, — заключает г. Соловьев, — третья сила, долженствующая дать человеческому развитию его безусловное содержание, может быть только откровением того высшего, божественного мира, и те люди, тот народ, через который эта сила имеет проявиться, должен быть только посредником между человечеством и сверхчеловеческою действительностью, свободным, сознательным орудием этой последней».

Мы видим здесь последовательное приложение тех мыслей, которые лежат в основании всего мирозерцания г. Соловьева. Отвлеченные, то есть односторонние начала, выработанные человеком, оказываются ничтожеством:

надобно их бросить и погрузиться в мистику. Но если в области теории это воззрение обнаружило уже всю свою несостоятельность, если там оно ведет к отрицанию всей разумной стороны человеческой природы, то есть именно того, что делает человека человеком, то здесь, на поприще исторического движения, оно является вдвойне неверным. Не только оно идет наперекор очевидным фактам, искажая весь смысл развития, но оно заключает в себе отрицание самого развития, можно сказать, даже отрицание всякой человеческой деятельности. Ибо в чем состоит сущность того закона развития, который сам г. Соловьев положил в основание своего исторического изложения? Развитие есть внутренний процесс, осуществление собственной природы известного существа при взаимодействии с внешним миром. Сперва она является в слитном состоянии, где все частные определения содержатся только в возможности, потенциально, развитие же состоит в том, чтобы эту возможность перевести в действительность. В силу этого начала природа развивающегося существа составляет не только исходную точку, но и цель развития, или идею, им управляющую. Но осуществленная идея содержит в себе в полноте определений то, что уже содержалось вначале в слитном состоянии и что содержится в разнообразных видах и на каждой последующей ступени. Все это ничто иное, как осуществление собственной природы данного существа, которая, движимая внутреннею, присущею ей силой, сначала излагает все заключающиеся в ней частные определения и затем эти самые определения сводит к высшему единству. Каждый шаг в этом процессе обуславливается взаимодействием с окружающим миром, без чего невозможно никакое движение вперед, никакой переход от низшей ступени к высшей. Но это взаимодействие опять-таки определяется собственной природою развивающегося существа, которое воспринимает в себя единственно то, к чему приготовило его внутреннее развитие, и которое затем этот получаемый извне материал разлагает и перерабатывает собственною, внутреннею силою, обращая его в свою плоть и кровь. Никогда, ни на какой ступени развивающееся существо не становится простым органом или орудием внешнего действия.

В человеке, которого природа представляет сочетание бесконечного и конечного, самое это взаимодействие, составляющее необходимое условие дальнейшего движения, должно быть двоякое: взаимодействие с окружающим его материальным миром и взаимодействие с осеняющим его бесконечным началом. Вследствие этого религия составляет вечный и необходимый элемент истории человечества. Никогда не было, нет и не может быть исторического момента, в

который бы человечество было его лишено. Но в этом взаимодействии, которое сопровождает его на каждой ступени, человечество воспринимает только то, к чему оно само себя приготовило, и в этом заключается значение чисто светского развития. Божество от века и до века одно и то же, но человечеству раскрываются те только его стороны, которые соответствуют данной ступени развития, а данная ступень развития определяется не Божеством, которое вечно и неизменно, а опять же собственно природою развивающегося существа и изменяющеюся деятельностью внутренних его сил. Поэтому никогда не было, нет и не может быть такого момента, когда бы человечество принуждено было сказать: «Я вижу, что мои собственные усилия напрасны; они привели только к разрушению. Бросим все это и будем ожидать высшего наития». Это было бы отречение от собственной природы, от вложенных в человека сил, от того, что составляет цель развития, наконец, от самой возможности развития. Это было бы шагом не вперед, а назад, в область первоначальной слитности, где частные определения лишены еще всякого самостоятельного значения и содержатся в лоне всепоглощающего единства.

И если это справедливо для всякой ступени развития, то тем более это справедливо относительно того всеединства, которое г. Соловьев признает конечною целью всего исторического движения. Это всеединство понимается им как Дух, который должен оживить раздробленные и борющиеся между собою элементы, произвести между ними примирение и свести их к высшему согласию. Это единство — не внешнее, а внутреннее; а между тем, г. Соловьев требует, чтобы оно явилось извне, и ожидает даже, что оно проявится через отдельный народ, который будет только орудием и посредником между человеком и сверхчеловеческою действительностью. Станный способ понимать внутреннее единство! Элементы существуют, но их внутренняя жизнь должна прийти к ним извне, через кого-то другого! Если мы не хотим играть словами, то мы должны признать, что внутреннее единство присуще самим вещам: это их собственная жизнь, столь же необходимо им принадлежащая, как и их раздельность. И если на известной ступени развития преобладает раздельность, то тут же, на той же ступени, никогда не исчезающее внутреннее единство противодействует раздроблению, и снова, путем борьбы, стремится привести расшедшиеся элементы к высшему соглашению. Это внутреннее единство и есть та идея, которая составляет цель развития и которая руководит этим развитием на всех его ступенях, начиная от первобытного единства, проходя затем через раздробление и

противоположение и кончая высшим единством представляющих полное осуществление идей. Свою идею развивавшееся существо не получает извне, ибо это собственная его природа, его внутренняя сущность, движущее им начало, вечно присущая ему жизнь. В области органической природы идея является как известный органический тип, который осуществляется развитием каждой особи; в области же духовной идея есть общий дух, присущий человеческим обществам и управляющий их развитием. Этот дух присущ человечеству не на той или другой только ступени его развития, а всегда и везде. А так как человек по бесконечному элементу своей природы находится в постоянном взаимодействии с Божеством, то дух человеческий является в этом смысле вечным органом бесконечного Духа Божьего, ведущего человечество к высшему совершенству, но органом не страдательным, а деятельным, ибо Дух Божий действует в человеке путем сознания и свободы.

Из всего этого ясно, что человеческий дух не может быть понят только как посредник, получающий извне свое содержание и переводящий это содержание во внешний мир. Свое содержание он получил искони; он сам в себе носит вечные начала, которые он осуществляет путем развития. Вследствие этого человек является органом Духа на всех ступенях исторического движения, всякий раз, как он действует для общих целей человечества, в периоды разложения, так же как и в периоды сложения, ибо и то и другое равно необходимо.

Органом Духа является и рациональный философ, умственным взором окидывающий всю вселенную и указывающий человеку высшие начала познания и жизни, и ученый, опытным путем исследующий законы природы, и государственный человек, совершающий преобразования в гражданской сфере, и промышленник, покоряющий природу и заставляющий ее служить целям человека. Дух живет внутри нас и является во всем. Чтобы получить его откровение, нужно не ожидать внешнего наития, а только оглянуться кругом себя и понять то, что делается теперь, что делалось вчера, что делалось с самого начала истории человечества. Это понимание не всегда возможно, оно дается только на известной ступени развития, человек должен к нему подготовиться собственной работой и собственной деятельностью. Ибо хотя Дух живет и действует всегда и везде, но не всегда он понятен для собственных своих органов. Каждый из них преследует свои частные цели, не сознавая того общего закона, который связывает эти цели и делает из них одно целое. Сознание этого закона составляет необходимое условие для откровения духа, а это сознание вырабатывается

именно теми отвлеченными началами, против которых ратует г. Соловьев, рациональной философией, опытной наукой, и наконец, сочетанием обеих, что составляет высшую ступень человеческого разумения. Здесь поэтому лежит истинное поприще для деятельности мысли и вместе с тем истинное приготовление для высшего религиозного синтеза, который должен свести к конечному единству все отдельные сферы и элементы человеческой жизни. Кто хочет понять существо Духа и управляющие им законы, тот должен прежде всего обратиться к идеалистической философии нового времени, которая бросила в эту область такие глубокие взгляды, с которыми ничто не может сравниться. Тот же, кто рациональную философию считает пустым признаком, кто во всем развитии нового времени не видит ничего, кроме ничтожества, и ожидает новой жизни от внешнего наития, тот наверное ничего не поймет ни в природе Духа, ни в его проявлениях. Вместо работы и деятельности он будет указывать на покой; вместо ясного сознания он будет проповедовать мистицизм; все светские сферы потеряют свою самостоятельность, и свобода превратится в пустой звук, под которым будет скрываться порабощение.

Русский человек не без некоторой грусти увидит, что эту роль страдательного посредника г. Соловьев предназначает именно русскому народу. Когда говорится о внутреннем единстве всех элементов, выработанных историей человечества, то казалось бы, что это начало должно быть одинаково присуще всем. Откровение Духа всеединства не может быть специальным делом какого-нибудь особенного народа; оно может проявляться только в общении всех народов, призванных к осуществлению совокупными силами общих задач человечества. Но г. Соловьев, который так решительно восстает против всякого обособления, почему-то находит необходимым, чтобы именно всеединство открылось особому народу и через него сообщилось бы уже всем другим. Вдобавок, этот народ не должен иметь никаких качеств, которые делали бы его достойным такого высокого призвания. Он «не нуждается ни в каких особенных преимуществах, — говорит г. Соловьев, — ни в каких специальных силах и внешних дарованиях, ибо он действует не от себя и осуществляет не свое». Он него «требуется только свобода от всякой исключительности и односторонности, возвышение над узкими специальными интересами, требуется, чтобы он не утверждал себя с исключительной энергией в какой-нибудь частной, низшей сфере жизни и деятельности, требуется равнодушие ко всей этой жизни с ее мелкими интересами, всецелая вера в положительную действительность высшего

мира и пассивное к нему отношение». Именно эти свойства, по мнению г. Соловьева, принадлежат славянскому племени и в особенности русскому народу. Г. Соловьев утверждает даже, что самые исторические условия не позволяют искать иного посредника, носителя третьей божественной силы. Восток всецело предан уже первой силе, первобытному единству. Запад — второй, дроблению и множеству; свободным от обоих начал осталось только Славянство, и в особенности Россия, которая, таким образом, одна может стать историческим проводником третьего начала. Но две первые силы совершили уже свое дело и привели подвластные им народы к смерти и разложению. Нужно вдохнуть в них новую жизнь, а на это способна одна Россия, которая доселе «могла только инстинктивно, без ясной сознательности, ждать своего призвания». Г. Соловьев видит подтверждение своей мысли даже в наружном образе раба, который будто бы доселе лежит на нашем народе, а равно в неудовлетворительном положении России в экономическом и других отношениях, ибо, говорит он, «та высшая сила, которую русский народ должен провести в человечество, есть сила не от мира сего, и внешнее богатство и порядок относительно ее не могут иметь никакого значения». Читатель, без сомнения, с некоторым удивлением увидит эти строки, подписанные именем Соловьева. Неужели же в самой деле русский народ в течение тысячелетнего своего существования ограничивался тем, что бессознательно ждал своего будущего призвания, оставаясь равнодушным к делам мира сего? Ведь русская история представляет белый лист только для не умеющих читать. Кто носит имя Соловьева, тот должен бы знать это лучше других. На каждой странице этой истории он может прочесть, в чем состояла та великая задача, которую в течение тысячи лет исполнял русский народ. Все свои великие, дарованные ему Богом силы, всю свою несокрушимую энергию, всю свою способность выносить всякого рода тяжести и невзгоды ввиду указанной цели он посвятил одному делу, составляющему его исторический подвиг, именно тому, которое г. Соловьеву представляется пустою и формальною отвлеченностью — созданию русского государства. Медленно, шаг за шагом, но с неуклонною последовательностью и упорством воздвигается это колоссальное здание. Оно начинается с незаметных почти зачатков: небольшое княжество на берегах Москвы-реки, состоящее из нескольких сел и обгороженных городков, подвластное татарам и внутри себя дробящееся, как поместье, — вот начало русского государства. Но князья этого ничтожного владения сознают свое призвание; они начинают собирать земли, покоряют соседних владельцев,

свергают, наконец, иго татар, расширяют свои границы во все стороны. И все члены этого союза, от мала до велика, от первого боярина до последнего крестьянина, становятся крепостными государству, посвящают себя всецело служению отечеству. Наконец, окрепшая Россия, одолевши внутренних врагов, победивши соседей, выдвигает из себя богатыря, открывает себе путь в Европу, становится членом европейской семьи. Новые подвиги знаменуют этот новый период ее жизни: разбивается наголову Карл XII, побеждается Фридрих Великий, сокрушается сила Турецкой Империи, низвергается Наполеон. Все растет это исполинское тело, занимающее седьмую часть земного шара, заключающее в своих недрах и бесконечные северные льды, и всю роскошь юга, и необозримые тучные поля и горы с несметными богатствами. Сотни разнообразнейших племен преклоняются перед русскою державою.

И семь морей немолчным плеском
Тебе поют хвалебный хор.

И доньше еще, после тысячелетнего существования, продолжается этот величавый рост русского Государства и проявляется мощь его сынов. На наших глазах русский штык проникает в самую глубь Азии и доходит до подножия Гималаев. Совершая чудеса упорства и отваги, он среди снегов переходит Балканы и водружает русское знамя у ворот Константинополя. А рядом с доблестью штыка является и подвиг гражданский. Где было крепостное право, водворяется общая свобода. Тяжелое служение отечеству сделалось ненужным; отечество окрепло и открывает всем сынам своим новое, широкое поприще для деятельности и развития. На наших глазах мирным, гражданским путем совершаются преобразования, для которых в других странах требовались века и потоки крови. Россия в два десятка лет по державному мановению вся обновилась, dokonчила расчеты со старым и готова зажечь заново новую гражданскую жизнь.

А г. Соловьев призывает ее к аскетическому отрешению от всего земного, к страдательному ожиданию какого-то будущего наития! Право, вся наша предыдущая история вовсе не означает такого равнодушия к делам и благам мира сего, какое требуется для подобного призвания! Если Россия — великая страна, если она играла и играет роль в истории человечества, то она обязана этим именно тому, что она никогда не пренебрегала мирскими делами, а всегда упорно

преследовала практические цели. И если есть в ней коренной недостаток, о котором не может не сокрушаться всякий истинно русский человек, так это именно то, что ее цели всегда были исключительно практические. Подвигами военными и гражданскими наполнена русская история, но работа ума, интересы знания обозначены в ней лишь в скудных чертах. А потому самым пламенным желанием русского сердца может быть только восполнение этого недостатка. Что русский человек способен на такое дело, мы это знаем: достаточно указать на работы по русской истории. Но доселе государственные требования стесняли свободу умственного труда. Ныне это препятствие устранено, свободное поприще открылось, и мы должны доказать свои способности делом. В этом, а не в мистическом ожидании будущего наития состоит наша ближайшая задача.

Но для того, чтобы исполнить эту задачу, необходимо усвоить себе плоды всей предшествующей работы человечества, ибо только опираясь на предшественников, можно идти вперед. Эти плоды даются нам европейским просвещением. Если же мы в европейском просвещении будем видеть ничтожество и мертвечину, если, отвернувшись от него, мы будем искать чего-то нового, неведомого доселе миру, то мы не только не пойдем вперед, а глубже и глубже потонем в невежестве и мраке, в которые мы и без того довольно долго были погружены.

Конечно, усвоение плодов европейского просвещения не означает погони за всякою новою, и преимущественно передовою идейкою, появляющейся в европейской печати, как будто этот мимолетный цвет представляет собою последнее слово науки и жизни. Это легкомысленное скакание, которое прикрывает себя либеральным знаменем, но всегда готово отдать свободу на жертву радикализму и социализму, можно предоставить многочисленному полчищу известного направления русских журналистов и тех ученых, которые не умеют возвыситься над уровнем журналистов. Пускай они единственно истинным признают то, что родилось сегодня; пускай они религию и философию считают отжившими свой век, а доведенный до уродливости реализм — высшим плодом человеческой мудрости; пусть они в самых крайних и поверхностных мыслителях видят руководителей европейского просвещения, а на всякое возражение против так называемых передовых идей смотрят как на проявление подлежащих уничтожению реакционных взглядов; пускай корифеи социализма представляются им какою-то святынею, которой непозволительно касаться; пускай они с высоты своего из ветра сотканного величия торжественно поучают

русское общество насчет всяких научных, литературных и общественных вопросов, вселяя в него ту пустоту, которая господствует в них самих; пусть они невежество принимают за ученость, а науку за невежество: все это составляет неизбежное проявление той умственной пошлости, которая в значительной степени имеет силу всегда и везде, а в малообразованном обществе более, нежели где-либо. Против этого зла существует только одно лекарство: основательное образование, то есть также европейская наука. Истинно образованный человек не примет цену просвещения за самое просвещение. Он истину видит не в том, что появляется сегодня с тем, чтобы исчезнуть завтра, а в том, что составляет общую связь явлений, что заключает в себе залог будущего, потому что имеет корни в прошедшем. Плоды просвещения даются только всем предшествующим развитием мысли, и только в совокупности этого развития можно обрести твердую почву для дальнейшего движения вперед.

Но если мы станем отвергать весь этот предшествующий ход и видеть в нем только ничтожество и тление, то мы потеряем уже всякую почву и впадем в еще большее легкомыслие, нежели то, против которого мы ополчаемся. Тогда нам останется только предаваться безграничному разгулу фантазии, презирать непонятную нам действительность и услаждаться мечтами о собственном превосходстве, основанными единственно на том, что мы доселе ничего не делали, то есть опять же на совершенной пустоте. Этим некогда занимались славянофилы в те блаженные времена, когда Хомяков писал «Семирамиду», а Киреевский фантазировал о всемирной истории. Но и тогда серьезные умы, прошедшие через научную школу, враждебно относились к такого рода направлению. У Хомякова в одном из его писем как-то раз невольно вырвалось признание: «Досадно видеть, что за нас одни инстинкты, а мысль и знание не хотят с нами мириться». И точно, в научном отношении результаты славянофильских мечтаний оказались равными нулю, несмотря на то, что они исходили от весьма умных и даровитых людей. Но в то время позволительно было мечтать, ибо пути для науки были закрыты; это был запрещенный товар, который тайком только провозился в Россию. Теперь же двери растворились и настала пора для серьезной учебной работы, которая одна может вывести русскую мысль на твердую дорогу, освободить общество от владычества журнального верхоглядства и положить прочное основание будущему зданию русского просвещения. От крепости этого фундамента, от качества положенного в него труда зависит вся будущность России как образованного государства. А потому в

настоящее время не может быть ничего вреднее этого презрительного отношения к умственной работе человечества и прославления страдательного ничегонеделанья как признака высшего призвания народа. С каким горьким чувством должен просвещенный русский человек, принимающий к сердцу высшие интересы и нравственное достоинство своего отечества, смотреть на молодого русского ученого, который, превозносясь своим только что вчера зародившимся научным сознанием, обращается к старым западным народам с высокомерною речью: «Вы в течение многих веков работали неутомимо, стараясь пробивать для мысли новые пути; вы извели вдоль и поперек законы неба и земли; вы сделали изумительные открытия и покорили природу целям человека; вы углублялись мыслью в высочайшие вопросы, какие могут представляться человеческому уму, исследуя их со всех сторон, совершая исполинские подвиги логического построения: так я же скажу вам, что все это дрянь и ничтожество! А вот мы в течение тысячелетия сидели, сложа руки; наш ум был празден; наши таланты были зарыты в землю; не заботясь о своих собственных делах, мы прозябали в бессознательном ожидании будущего призвания. Но именно поэтому мы и считаем себя избранниками Божьими. Нас непременно постигнет высшее наитие, и мы укажем вам новые начала и вдохнем в вас новую жизнь». Какое назидательное поучение и какой нравственный пример и для Европы, и для русского юношества, жаждущего слова истины, ожидающего указания цели для своих стремлений и надежд!

В чтении, изданном под заглавием «Три Силы», г. Соловьев, нападая на так называемых западников, поклоняющихся европейскому просвещению, говорит, что до сих пор русская интеллигенция вместо образа и подобия Божьего продолжает носить образ и подобие обезьяны. Если это относится к некоторой части нашего общества, которая в настоящее время специально величает себя интеллигенциею, потому что пишет в журналах, то это, может быть, недалеко от истины. Но нельзя не опасаться, чтобы русский человек в чересчур усердном старании совлечь с себя образ обезьяны не надел на себя образ другого животного, которому наш баснописец влагает в уста известные стихи:

Ну право, порют вздор!

Я не заметила богатства никакого;

Все только лишь навоз да сор...

Носить образ и подобие Божие значит быть в истинном смысле человеком. Но человек в истинном смысле тот, кто следует известному изречению: «Я человек и ничего человеческого не считаю себе чуждым». Для человека в истинном смысле так же, как и для истинного христианина, «несть Еллин ни Иудей», нет Востока, ни Запада. Принадлежа к известной народности, он живет общею жизнью человечества. С этой точки зрения вся прошедшая история мира есть наше собственное прошлое. Не отталкивать его от себя с отрицанием и презрением, а усвоить его себе, понять его смысл, радоваться его радостями и скорбеть его скорбью, такова великая задача, которая предстоит русской науке, если она хочет стать на высоту своего человеческого призвания. Об этом мы мечтаем и к этому мы стремимся, не презирая свой народ, а, напротив, именно любя свой народ и считая его способным совместить в себе все человеческое. Это тот идеал, который завещан нам нашими предшественниками на поприще труда и науки. Его носили в душе своей просвещеннейшие русские люди, которых ряды, к сожалению, становятся более и более редки.

Но призвание должно быть доказано не словами, а делом, не пустым самопревознесением и презрительным отношением к старейшим работникам, а серьезною и упорною работою, соревнованием на поприще умственного развития человечества. Мы не должны забывать, что России далеко еще до поучения других; она должна сначала доказать, что она в деле мысли и науки способна стать в уровень с образованными народами, чего мы до сих пор, к нашему прискорбию, не видим. На эту цель должны быть направлены все лучшие силы русского общества. Превозноситься же, ничего не сделавши, перед теми, кто думал и работал, трубить на весь мир о своем будущем призвании, когда в прошедшем оно не оправдывается ничем, это такого рода прием, который оскорбителен для нравственного достоинства русского народа. Во имя этого нравственного достоинства мы считаем своею обязанностью протестовать против него всеми силами...

2. Государство и общество

Существо государства. Государство, говорит Аристотель, есть известный союз людей, а всякий союз заключается для известного блага. Высший из всех союзов будет тот, который заключается для высшего блага, обнимающего все остальные. Это и есть союз политический, которого цель есть самодовлеющая и совершенная жизнь. Поэтому государство определяется как союз родов и сел для жизни совершенной и самобытной...

Таким образом, здесь государство определяется его целью, полнотою и самобытностью жизни, чем оно отличается от других союзов, преследующих те или другие частные цели.

Ту же мысль выражает Гегель, когда он определяет государство как осуществление нравственной идеи. Нравственная идея, представляющая высшее сочетание свободы с разумным порядком, составляет природу государства, или внутреннюю цель, которую оно осуществляет в своем устройстве.

Иные элементы принимает Цицерон. Как Римлянин, он вводит в свое определение, с одной стороны, свободу граждан, с другой стороны, юридический закон как связующее начало общества. Государство, по его определению, есть устройство народа; «народ же не есть всякое собрание людей, соединенных каким бы то ни было образом, а собрание людей, связанных согласием права и общением пользы». В другом месте, указавши на то, что «закон есть связь гражданского общества», он спрашивает: «Что такое государство, как не общение права?»...

Тот же признак верховной власти, в связи с теорией происхождения государства из договора, полагает в основание своего определения Гоббес. «Государство, — говорит он, — есть единое лицо, которого воля, вследствие договора многих людей, считается волею всех, так что оно может употреблять силы и способности каждого для общего мира и защиты».

То же понятие о единении воли на основании договора было усвоено и защитниками теории народовластия. По учению Руссо, в силу договора, которым отдельные лица соединяют свою волю в одну общую волю, образуется нравственное, или собирательное, тело, которое от этого акта получает свое единство, свое общее я, свою жизнь и свою волю. Это публичное лицо, образуемое единением всех, называется государством.

Теория происхождения государства из договора, как известно, не выдержала критики и ныне всеми оставлена. Поэтому и вытекающие из нее понятия не могут входить в определение государства. Оно должно заключать в себе лишь то, что необходимо принадлежит к существу государства и без чего оно немислимо. Изложенные выше определения содержат в себе всю совокупность этих необходимых элементов, а именно: соединяющиеся свободные лица, связывающее их юридическое начало, или закон, общую цель, во имя которой происходит соединение, и, наконец, верховную власть, составляющую характеристическую принадлежность государственного союза. Соединяя все эти элементы, мы получим следующее определение: «Государство есть союз народа, связанного законом, в одно юридическое целое, управляемое верховною властью для общего блага».

Все эти элементы: власть, закон, свобода и общая цель, — входят в состав всех других союзов, в которые слагается человеческое общежитие. Без них не обходится ни один. Эти союзы суть: союз кровный, гражданский и церковный. Первый основан на физиологических и нравственных отношениях мужа и жены, родителей и детей; второй — на частных отношениях свободных или несвободных лиц, живущих под общими нормами права; третий — на нравственно-религиозном законе, связывающем верующих в единое религиозное общество. Основные элементы всякого общежития: власть, закон, лицо и общая цель, — присущи им всем, но в каждом из них один элемент является преобладающим: в кровном союзе — полнота целей, образующая общение всей жизни для совокупного блага; в гражданском союзе — лицо с его частными правами и интересами; в церковном союзе — религиозно-нравственный закон; наконец, в государстве преобладает начало власти. Существенный признак, отличающий государство от всех других союзов, состоит в том, что все они юридически подчиняются государству, государство же владычествует над всеми. Верховный, державный, владычествующий союз называется именно государством. Другие союзы могут случайно быть совершенно самостоятельными. Отец семейства на необитаемом острове не подчинен никому. Средневековый предводитель дружины был вольный человек, не знавший над собою власти и командовавший другими такими же вольными людьми, состоявшими с ним в договорных отношениях. Но эта случайная самостоятельность есть не более как фактическое явление, а не юридическое начало, вытекающее из самого существа этих союзов. Государству же верховная

власть принадлежит по самому его существу; это признак, отличающий его от других союзов. Самое понятие о верховной власти заключает в себе полноту права, которое делает из этого начала особый юридический принцип, неприменимый ни к какому другому союзу и специально свойственный государству. С этим объяснением можно вкратце определить государство, в отличие от других союзов, как союз народа, живущего под верховною властью.

Примечание. Русское слово «государство» точнее обозначает этот отличительный признак политического союза, нежели греческое-латинское *civitas* или новейшее *etat, Staat*.

Разберем подробное определение с целью установить точное понятие о всех входящих в состав его признаках.

1. Государство есть союз. Многие публицисты, например Моль, определяют государство как учреждение. Если под именем учреждения разуметь всякое постоянное устройство, определяемое нормами права, то государство есть учреждение. Но это понятие слишком общее. Учреждения бывают и такие, которые не суть союзы, а места и лица, исправляющие известные общественные должности. В этом смысле государство может быть понято не как союз народа, а как система мест и лиц, стоящая над народом и им управляющая. Такое воззрение ведет к ложным последствиям, ибо через это граждане перестают быть членами государства, они не входят в его состав. Недостаточность этого понятия очевидна. Народ, устроенный в государство, образует одно целое, в состав которого входят, с одной стороны, соединяющиеся лица, с другой — система учреждений, которые служат ему органами. Все это вместе составляет одно юридическое тело, состоящее из лиц и учреждений; как таковое, оно должно иметь свое название, и это название есть государство. Публицисты, которые держатся понятия о государстве как об учреждении, сами принуждены признать эти начала. Моль постоянно называет государство организмом народного сожительства.

2. Государство есть союз народа. Слово «народ» имеет два значения: этнографическое и юридическое. Народ в этнографическом смысле есть совокупность людей, связанных естественным происхождением и духовным единством. Внешним выражением этого единства служит общий язык. Народ в этом смысле может вовсе и не быть устроен в государственный союз. Один и тот же народ нередко входит в состав разных государств. В юридическом же смысле народ есть совокупность лиц, составляющих одно политическое тело. С точки зрения права, народ образуется именно соединением людей в государство. А так

как союз состоит из множества лиц, связанных в одно целое, то и в юридическом смысле слово «народ» может быть понимаемо в двояком смысле: как единство и как множество. Как единое юридическое тело, народ тождествен с государством; но в это понятие, кроме лиц, входит и все юридическое устройство, связывающее народ в одно тело, то есть правительство. Государство составляется из граждан совокупно с правительством. Напротив, как множество, народ есть совокупность отдельных лиц или граждан, подчиненных высшей власти. В этом смысле народ противопоставляется правительству и подчиняется последнему, причем, однако, граждане, как свободные лица, имеют и права, которые могут простираются до участия в верховной власти.

Народ есть первый и необходимый элемент государства, ибо союз составляется из лиц. Но для того, чтобы он мог образовать государство, нужно общее сожительство. Государство не составляется из рассеянных лиц, как церковь, как сословие, как племя, ибо в таком случае нет самостоятельного, полновластного целого. Для этого необходимо иметь свое, занимаемое союзом пространство, то есть территорию. Поэтому территория составляет необходимую принадлежность государства, и в этом смысле она входит в него как один из составных его элементов. Народ в юридическом смысле может быть определен как совокупность граждан, живущих на своей территории и образующих одно юридическое целое.

3. Народ, или составляющие его граждане, живут под общим законом. Человеческий закон есть постоянное правило жизни. Юридический закон есть принудительное правило, определяющее права и обязанности лиц. Этим он отличается от закона нравственного, который обращается к совести, но исполняется по свободному решению человека, а не в силу принуждения. Юридический закон подразделяется на гражданский и государственный. Первым определяются права и обязанности отдельных лиц между собою; вторым определяются отношения членов к целому и целого к членам. Этим самым государственный закон подчиняет лица постоянному высшему порядку и связывает их в единое тело. Подчинение лиц господствующей над ними власти совершается на основании закона: иначе это — право силы, а не юридическое начало. Закон, с другой стороны, ограждает и свободу, определяя права граждан. Следовательно, без закона невозможна гражданская свобода. Наконец, закон определяет устройство, права и обязанности Государственных властей, ибо власть

может повелевать только во имя законного права. Таким образом, закон составляет общую юридическую связь всех элементов государства.

4. Закон связывает народ в единое юридическое целое. Союз, составляющий юридически одно целое, называется юридическим или нравственным лицом. Таковое становится субъектом прав и обязанностей; оно имеет свою волю, органом которой является установленная в нем власть. Закон, связывающий лица в одно целое, вместе с тем подчиняет их воле этого целого, выражаемой установленною законом властью. Но этот верховный орган, в свою очередь, имеет подчиненные органы, через которые верховная воля переходит в исполнение. Вследствие этого система государственных учреждений образует цельный, связанный внутри себя организм, в котором выражается цельность государственного порядка. А так как и граждане участвуют в деятельности этих органов, то все государство в совокупности может рассматриваться как организм. Но, употребляя этот термин, не должно забывать, что это организм, составленный не из страдательных физических материалов, повинующихся непреложным физическим законам, а из разумно-свободных лиц, имеющих каждое свои права, свои цели и свои интересы. Это — организм духовный, который имеет свою специальную природу и свои свойства. Поэтому всякие заключения от свойств физических организмов и всякие уподобления физическому организму тут неуместны. Они составляют плод ненаучной фантазии и ведут к совершенно ложным последствиям. Столь же неуместно смешение государства с обществом и распространение на последнее того понятия об организме, которое присваивается государству в силу его юридического устройства. Общество, даже с чисто юридической стороны как гражданское общество, не составляет одного юридического лица; оно представляет совокупность частных отношений между входящими в состав его лицами, и этим самым оно отличается от государства. И тут смешение этих двух разных понятий ведет к радикально ложным последствиям, именно, к поглощению общества государством, а с тем вместе к уничтожению свободы лиц. Истинное отношение этих двух союзов будет выяснено ниже.

5. Государственный союз управляется верховною властью. Власть есть воля, имеющая право повелевать. Таковая необходима во всяком союзе, ибо она одна может охранять закон и порядок и ограждать свободу лиц от посягательства со стороны других. Свобода человека заключает в себе возможность нарушения чужого права, а вместе и уничтожения целей союза. При полной свободе лиц

никакой союз существовать не может. Человеческое общежитие основано на том, что общая сила заставляет каждого подчиняться общей воле. Но как скоро существуют власти, так необходима власть верховная; этого требует общественное единство, которое невозможно при существовании властей, друг от друга независимых. В обществе, составляющем одно целое, все частные власти в порядке юридических отношений должны подчиняться единой верховной власти как представительнице целого, властвующего над частями. Из человеческих союзов эта власть может принадлежать только государству, ибо оно представляет это высшее юридическое целое. По самой своей природе или по своему понятию государство есть союз, облеченный верховною властью.

б. Цель государства есть общее благо. Благо союза заключается в полноте и согласном развитии всех его элементов. В этом состоит истинная природа государства, его идея. Поэтому можно сказать, что цель государства состоит в развитии его идеи. Эта цель содержит в себе и юридическое начало и нравственное: юридическое, ибо она осуществляется путем принуждения; нравственное, ибо подчинение частных целей общей есть нравственное требование. Но государство не имеет целью осуществление нравственных требований лично деятельностью его членов. Эта цель составляет задачу церкви, а не государства, ибо церковь, а не государство, действует на совесть; принудительное же исполнение нравственных требований есть отрицание самых оснований нравственного закона, который есть закон свободы. Государство осуществляет нравственные начала в собственной своей деятельности, насколько ею определяются общие интересы союза. С другой стороны, государство не ставит себе целью частного блага своих членов. Частное благо есть цель гражданского общества, а не государства. Последнее содействует развитию частных интересов лишь настолько, насколько они входят в общий интерес. Государство есть союз, возвышающийся над другими союзами, а не поглощающий их в себе. Поэтому и цель его не совпадает с целью других союзов. Существенное отличие состоит в том, что цель его общая, а не частная. Но так как благо целого зависит от благосостояния частей, то косвенно целью государства становится содействие частным интересам. Насколько это содействие необходимо, это вопрос, которого решение зависит от изменяющихся условий жизни. Но коренное начало состоит в том, что вмешательство государства в область частных интересов составляет исключение, а не правило.

Таково существо государства, выраженное его определением. Из него вытекают и существенные его свойства. Они суть следующие:

1. Государство есть союз единый. Существо его состоит именно в том, что лица соединяются здесь в единое юридическое тело, имеющее одну цель — общее благо, и управляемое единою верховною властью, господствующее над частями. Однако этот признак прилагается вполне только к простому, единичному государству. Но могут быть государства сложные, составленные из других государств. В таком случае верховная власть, представляющая верховное единство, распределяется между целым и частями. Формы этих соединений могут быть разные; они будут изложены ниже.

2. Государство есть союз постоянный. Оно образуется не для временных целей, а во имя вечных начал, владычествующих в человеческой жизни и подчиняющих не высшему нравственно-юридическому порядку. Как юридическое лицо, государство не рождается и не умирает, а сохраняется неизменно, связывая следующие друг за другом поколения в одно целое. Эта связь не возобновляется беспрерывно, волею каждого поколения, как утверждают последовательные атомисты. Рождаясь в государстве, человек является на свет уже связанный государственным законом; он принимает все наследие предков, которое он точно таким же образом передает потомкам. Без этой преемственности сознания и воли нет духовной жизни, нет истории человечества. Эта преемственность не нарушается даже изменением всех учреждений. Государство есть союз, который остается тождественным с собою, хотя бы весь установленный в нем юридический порядок подвергся полному перевороту. Поэтому и обязательства государства сохраняют свою силу, несмотря на смену поколений и правительств. По идее, государство вечно, хотя, в силу обстоятельств, оно может разрушиться.

3. Как единый, постоянный союз, государство юридически нераздельно. Фактически оно, конечно, может делиться, так же как оно может разрушиться, уступая внешней силе или вследствие внутреннего распада. Части, которые не держатся вместе, могут разорвать свою связь. Но не может быть юридического закона, в силу которого государство было бы делимо, ибо это противоречит его существу. В средние века и на Западе, и у нас княжества нередко делились между сыновьями владельца; но это именно доказывает, что тут не было государственного порядка. Это были союзы, управляемые частным правом, а не государства в истинном значении этого слова.

4. Государство есть союз самостоятельный. Будучи облечено верховною властью, оно не подчиняется никому. Это — тело державное. Отсюда внешняя его независимость. Однако и тут могут быть уклонения от этого начала. В сложных государствах части пользуются неполною самостоятельностью. Государство может быть подчинено другому и в силу завоевания. Сохраняя часть своих прав, оно ограничивается в других. Через это оно не перестает быть государством, хотя не вполне соответствует этому типу. При полной зависимости оно превратилось бы в простую область; сохраняя часть своих прав, оно представляет нечто среднее между областью и государством. Подобные полусамостоятельные государства можно назвать полугосударствами. Действительная жизнь всегда представляет переходы из одной формы в другую; но это не мешает обозначить существенные признаки каждой формы.

В результате государство представляет организацию народной жизни, сохраняющейся и обновляющейся при непрерывной смене поколений. В нем народ становится исторической личностью и исполняет свое историческое назначение. Поэтому в государстве выражаются физиологические и духовные свойства народа. Каждый народ имеет свои особенности, данные природою и выработанные историей. Эти особенности он вносит и в государственную жизнь. Через это не изменяется сущность государства, ибо оно коренится в неизменной природе человеческого общежития. Но из присущих ему элементов получает перевес тот или другой. Этнографическим началом изменяется не существо государства, а действительная его жизнь.

Для отдельного лица эта общая, охватывающая его среда, в которой оно рождается, живет и умирает, к которой оно принадлежит как часть к целому, называется отечеством. Каждому человеку отечество представляется вечною идеей, которой он обязан служить всем своим существом, жертвуя для него даже жизнью. Любовь к отечеству составляет одно из самых высоких и священных человеческих чувств. Эта идея отечества, получая общую организацию, устроиваясь как одно целое, имеющее одну волю, становится государством.

Государство есть организованное отечество...

Высшая цель государства состоит в осуществлении его идеи, или в развитии его существа.

Существо государства изложено выше: оно представляет сочетание разнообразных общественных элементов в единый органический союз.

Следовательно, общая цель государства состоит в развитии этих элементов и в гармоническом их соглашении.

Это цель практическая, а не теоретическая. Государство не исследует истины, а осуществляет добро. Поэтому развитие науки, искусства, религии само по себе не составляет цели государства. Оно в этих вопросах не имеет голоса. Однако теоретические вопросы находятся в тесной связи с практическими. Разрешение практических задач, общественное устройство, порядок и развитие зависят от разлитых в обществе мыслей и убеждений, от степени его образования, а, со своей стороны, теоретические цели часто нуждаются в практических средствах, находящихся в распоряжении государства. В обоих случаях они входят в круг ведомства государства, которое им содействует, имея в виду приносимую ими практическую пользу.

Но это цель косвенная; прямая же цель состоит в гармоническом устройстве общественной жизни. Эта общая цель распадается на столько отдельных целей, сколько существует отдельных элементов в государстве, ибо каждый элемент, развиваясь, имеет свою, присущую ему цель. Отсюда разнообразие приписываемых государству целей и те разноречия, которые мы находим у писателей.

Характеристическим признаком государственного союза является, как мы видели, верховная власть. Она управляет государством, следовательно, служит верховным двигателем всех его целей. Но собственное ее назначение, независимо от других элементов, состоит в установлении безопасности. Это сила, побеждающая все другие силы, препятствующая нарушению порядка, а вместе охраняющая союз от внешних нападений. Итак, установление безопасности — вот первая цель государства. Эту цель приписывают ему Гоббес и другие писатели. Средством для этого служит развитие государственной силы, которая через это сама становится целью для государства. Очевидно, что эта цель чисто отрицательная; она состоит в устранении зла. Но устранить зло, или неправомерное насилие, можно только насилием, то есть новым злом. Следовательно, с этой точки зрения, власть, а потому и государство, не что иное, как неизбежное зло, установленное для избежания зла еще большего. Если бы все люди были добродетельны, то государства были бы вовсе не нужны. А потому идеал человеческого общежития состоит в упразднении государства...

Запрещая насилие, усыновляя безопасность, государство тем самым объявляет свободу и права человека неприкосновенными для других. Но для того,

чтобы охранять права, нужно сначала их определить. Свобода и права имеют границы, отделяющие область свободы одного лица от области свободы другого; следовательно, необходимо установить для них положительные нормы, а это опять дело власти как представительницы целого, господствующего над частями. Определение и охранение свободы и прав лица — такова вторая цель государства. Эту цель приписывают ему учения XVIII века...

Но свобода в государстве подчиняется высшему нравственному порядку. Свобода человека должна быть уважаема, ибо человек существо разумно-нравственное, носящее в себе сознание высших начал. В государстве он становится членом высшего нравственно-юридического союза, который, подчиняя части целому, тем самым осуществляет нравственный закон и служит средством для нравственного возвышения людей. Таким образом, осуществление нравственного порядка составляет также цель государства. Эту цель приписывает ему школа Лейбница, также Фихте и Шталь.

Однако не всякое исполнение нравственного закона может быть целью государства. Коренная область нравственного закона есть внутренний мир человека, в котором господствует свободная совесть. Человек действует нравственно, когда он действует по внутреннему побуждению, а не под влиянием внешних сил. На эту область государственная цель не распространяется, 1) потому что это сфера частная, а государственная цель общая; 2) потому что это область свободы, которая не подлежит действию принудительной власти. Принуждение к нравственным действиям есть притеснение совести, следовательно, отрицание нравственности в самом ее корне, в свободном побуждении человека. Принудительная нравственность есть безнравственность. В этой области может действовать только церковь своим нравственным влиянием и своим действием на совесть. Государство же имеет целью исполнение нравственного закона, насколько он осуществляется в общественной жизни. Нравственный закон исполняется установлением прочного законного порядка и справедливых норм жизни. Ему противоречат произвол и притеснение. Как представители этого высшего нравственного порядка, правители обязаны руководиться в своих действиях нравственным законом. Это не есть уже требование личной совести, в которой каждый является сам себе судьей, это — требование государственного союза, осуществляющего в себе нравственный закон.

Но в государственной жизни нравственные требования сочетаются с материальными интересами, насколько они касаются целого союза. Совокупность тех или других составляет общественное благо, которое и есть высшая и конечная цель государства, заключающая в себе все остальные. Государство не есть только внешнее учреждение, установленное для охранения права и безопасности, это и не чисто нравственный союз, как церковь. Государство есть организм народной жизни, личность народа как единого, постоянного целого, а потому все интересы народа суть собственные интересы государства. Все человеческие интересы, как материальные, так и духовные, в известной мере получают этот характер; частные интересы, в силу взаимной связи, становятся интересом общественным, ибо только в союзе с другими людьми человек достигает своего назначения. Таким образом, частное хозяйство находится в зависимости от промышленного состояния целого народа, личное образование — от состояния народного просвещения. Эти совокупные интересы, образующие то, что называется общественной пользой, составляют, следовательно, необходимую цель союза. Эту цель приписывают государству как скептическая школа, или утилитаристы, так и идеалисты, и, наконец, социалисты.

Последние, однако, доводят это начало до такой крайности, в которой личные цели вполне поглощаются общественной. Лицо в этой системе является только орудием общества. Между тем, всякая общественная жизнь слагается из тонкого элемента, личного и общественного; каждый из них имеет свою принадлежащую ему область, которая не может быть у него отнята. Идеал состоит в гармоническом их соглашении, а не в поглощении одного другим. Как уже было указано выше, область частных интересов, или частной пользы, относится к гражданскому обществу, где господствует свободная деятельность лиц. Государство, по принципу, в это не вмешивается. Оно не заботится о частном хозяйстве, об образовании отдельных граждан. Устройство личного благосостояния за счет общества есть нарушение обязанностей государства. Деятельность последнего начинается там, где интерес действительно становится общим, то есть там, где требуются общее законодательство или общие учреждения. Оно не вмешивается в частные промышленные предприятия, но заведывает общими условиями промышленной деятельности, каковы, например, монетная система или пути сообщения, находящиеся в общем пользовании; оно устанавливает общие условия безопасности и санитарные требования и т.д. Этим

оно, с одной стороны, содействует частным интересам, а с другой стороны, подчиняет их интересу общественному.

Таким образом, в начале общественной пользы заключается и удовлетворение личных целей, и осуществление высшего порядка. Цель государства состоит, следовательно, в сочетании противоположных элементов, входящих в его состав, личного и общественного. Это и разумеют, когда целью государства ставят сочетание порядка и свободы. Эту идеальную цель приписывает государству конституционная школа, а также Шлейермахер. Но еще полнее выражается также мысль изложенным выше определением, что цель государства состоит в развитии его идеи, то есть в полном развитии и гармоническом сочетании всех его элементов. В этой верховной цели заключается мир, свобода, порядок, общая польза, и все это приводится к высшему гармоническому единству. В этом состоит то совершенство жизни, о котором говорит Аристотель...

Назначение человека не есть только собственное его благоденствие, но и служение высшей цели, общему делу. Высшие способности, лучшие стремления человека развиваются именно в этом служении. Только этим служением человек достигает возможного для него совершенства и в нем находит высшее свое удовлетворение. В порядке взаимных частных отношений между людьми это высшее призвание, деятельность на пользу других, есть дело свободы. Здесь требование остается нравственным, а не юридическим. Но как скоро человек делается членом высшего нравственно-юридического союза, так в отношении к этому союзу как целому нравственное требование становится вместе и юридическим. И тут все, что есть дело личного призвания, исполняется добровольно; но есть принудительные повинности на пользу целого, одинаково распространяющиеся на всех. Все граждане обязаны отдавать часть своего достояния для общих целей, все обязаны по призыву власти идти на защиту отечества, подвергая опасности самую свою жизнь. Этим обнаруживается то, что цель государства состоит не только в ограждении личной свободы и в развитии частного благоденствия, но прежде всего в установлении такого порядка, где личная свобода и частное благо являются составными элементами, подчиняясь высшим началам, без которых невозможно и разумное счастье человека.

Таким образом, если, с одной стороны, государство служит средством для лица, то, с другой стороны, лицо служит средством для государства. Одно существует для другого. Это отношение целого и частей называется

органическим, а потому государство можно назвать организмом, памятуя только, что это организм духовный, состоящий из свободных лиц...

Государство и гражданское общество. Образую единое целое, входя в состав государства, как члены союза, граждане остаются раздельными единицами, состоящими между собой в многообразных юридических, экономических, умственных и нравственных отношениях. Совокупность этих отношений образует между ними связь, которая есть нечто совершенно иное, нежели связь государственная. Последняя исходит от целого и делает отдельные лица органами и носителями интересов этого целого; первая, напротив, исходит от отдельных лиц и представляет переплетение возникающих между ними частных взаимодействий. Эта область включает в себе всю частную жизнь людей, их семейные и общежительные отношения, их экономические связи, а также все сферы духовного творчества, в науке, в искусстве, наконец, нравственное влияние людей друг на друга. Сюда же относятся все те частные союзы, в которые люди вступают во имя частных своих целей. Очевидно, все это совершенно отлично в отношении политических. Подчиняясь государству как высшему целому, человек не перестает быть свободным лицом, то есть самоопределяющимся центром своей личной жизни; в качестве свободного лица он вступает в сношения с другими, из чего и образуется между ними совокупная связь. Эта совокупность частных отношений между людьми, подчиняющимися общей политической власти, и есть то, что называется обществом. С юридической стороны, насколько оно управляется нормами частного права, оно получает название гражданского общества...

Различение двух отдельных областей человеческой деятельности, частной и политической, а вместе и различение государства и общества, составляет основное начало всей государственной науки. Это — элементарное понятие, без которого нельзя сделать ни шага в научном исследовании общественных явлений, вне которого водворяется только полнейший хаос мыслей. Но, признавая это основное деление, не следует ограничивать понятие об обществе, как делают указанные выше ученые. Нельзя понимать общество исключительно как область экономических отношений и столь же мало можно ограничивать это понятие распределением духовных благ. Общество как совокупность частных отношений включает в себе и то и другое, ибо человек есть существо физическое и духовное вместе; взаимодействие людей представляет обмен как материальных благ, так и мыслей и чувств. Точно так же невозможно под именем общества разуметь только

постоянные частные союзы, с исключением чисто личных гражданских отношений. Свободно образующиеся союзы принадлежат к области общественных явлений, совершенно так же, как и личные связи. Те из них, которые становятся органами государства, тем самым получают, как мы видели, смешанный характер; но из этого не образуется отдельная, самостоятельная область общественных отношений: в промежуточных формах выражается только взаимодействие двух смежных областей, ведущее к смешанным явлениям. Общество не есть нечто отличное и от частных отношений и от государства. Совокупность частных отношений, заключающая в себе и частные союзы, противопоставляется государству как единому целому. Такова единственная теоретически правильная точка зрения...

Разделение этих двух сфер тем необходимее, что они не совпадают ни по объему, ни по содержанию. Область частных отношений сама по себе не имеет определенных границ. И физическое и еще более духовное общение людей простирается на весь земной шар. Государство в эти отношения вносит юридическую обособленность; оно каждой отдельной группе придает известное единство. Как юридическое лицо, государство составляет единое целое, с точно определенной территорией, с явными признаками принадлежности к нему тех или других лиц. Общество подчиняется этому высшему, господствующему над ним единству, но при этом сохраняет те внешние связи, которые постоянно выводят его из пределов, положенных государством. Так, в материальной области происходит постоянный торговый обмен с другими странами, даже с отдаленными частями света. Граждане одного государства живут в другом, приобретают там собственность, занимаются промышленностью и торговлей, не принадлежа к политическому порядку, но составляя существенный элемент общественной жизни. Еще большее общение происходит в сфере умственной. Обмен мыслей, влияние иностранных литературных произведений имеют громадное значение для общественного развития отдельных народов. Политические сношения касаются совокупных интересов, общественные же сношения несравненно шире и многообразнее. Наконец, и в религиозной области члены одного и того же церковного союза могут быть рассеяны по разным странам. Граждане одного государства могут подчиняться власти, находящейся в другом. Наглядный пример тому представляет католицизм. Таким образом, общество, подчиняющееся известной государственной власти, связывается с

другими таковыми же обществами многообразными связями, устанавливающимися помимо государства, и эти связи составляют существенный элемент его жизни.

Из этого можно видеть, что и по содержанию эти две сферы не совпадают. Государство управляет совокупными интересами народа; но вся область личной деятельности человека, материальной и духовной, в науке, в искусстве, в промышленности лежит вне его. Государство может иметь на нее большее или меньшее, во всяком случае, косвенное влияние; но самый источник деятельности, производящая сила, а вместе цели и побуждения заключаются в лице человека, который, как свободное существо, составляет самостоятельное начало жизни и деятельности. Из взаимодействия свободных единичных сил образуется то, что называется обществом...

Но отличаясь, по существу своему, от государства, как союз, основанный на свободном взаимодействии лиц, общество тем не менее находится с последним в самой тесной связи. Оба состоят из одних и тех же лиц, а потому между ними устанавливается постоянная взаимная зависимость. Мы видели, что в юридическом отношении гражданское общество подчиняется государству, сохраняя, однако, свою неотъемлемо принадлежащую ему самостоятельность. Общество как совокупность всех частных отношений: экономических, умственных и нравственных, — не только не образует свою самостоятельную область, но и само воздействует на государство. Физическое лицо, которое является в нем основным началом, составляет в реальном мире единственный источник всякого сознания и всякой деятельности, а потому государство все свои силы и средства черпает из общества. Органами и орудиями государства могут быть только физические лица, а они берутся из общества. Без сомнения, государство может выбирать наиболее способных, и в этом состоит одна из существенных его задач. Оно может даже готовить людей для различных политических поприщ, но все-таки материал получается от общества. Создавать людей по своей воле государство не в силах, и чем более развивается общественная жизнь, чем более начало свободы водворяется в общественных отношениях, тем более государство принуждено опираться на общественные элементы и употреблять те орудия, которые общество ему дает.

В такой же зависимости состоит государство и относительно материальных средств. В средние века князь имел свои отдельные имущества, которые служили главным источником для удовлетворения правительственных потребностей. Но с развитием государственной жизни казенные имущества

отходят на задний план. Главным источником государственных доходов становятся подати, а они получаются из частного достояния. Податное бремя волею или неволею должно соразмеряться со средствами плательщиков. Богатство государства всецело зависит от богатства народа, а народное богатство создается не государством, а трудом и сбережением частных лиц. Не юридическое, а физическое лицо является источником экономической деятельности. Поэтому экономическая сфера, по существу своему, составляет область общественных отношений. Государству принадлежит здесь только содействие.

То же самое имеет место и в сфере духовных интересов. Государство связано теми умственными, нравственными и религиозными убеждениями, которые разлиты в обществе. Оно не может идти им наперекор, не подрывая собственных духовных основ, на которых зиждется вся его сила. Все умственное развитие народа есть существенное дело общества; государство еще более, нежели в материальной сфере, ограничивается здесь косвенным содействием. Что касается до религии, то это — дело совести, которая не подлежит принуждению со стороны государственной власти. Если, преступая свои пределы, государство вторгается в эту область, то и в этом случае оно тогда только может рассчитывать на некоторый успех, когда оно опирается на убеждения значительной части общества. Без этого оно остается бессильным...

Идея государства, то есть умозрительная его природа, одна; но так как в нее входят различные элементы, то сочетание их может быть разное. Местные и временные условия и потребности дают перевес тому или другому, чем определяется и самое строение государства, которое, таким образом, становится в указанную выше зависимость от взглядов и направления общества. Но и со своей стороны государство воздействует на общество. Идея государства, осуществляясь в действительном мире, становится реальным лицом, которое властвует над физическими лицами. Оно разрозненные стремления общества связывает в единое целое и направляет к общей цели. Этим видоизменяется как состояние, так и сознание общества, которое действием государственной власти возводится на высшую ступень развития. Лучшим тому примером служит переход европейских государств от средневекового порядка к новому. Действием государственной власти средневековый порядок, основанный на частном праве, постепенно разрушался; политическое тело приобретало силу и единство; идея государства все больше и больше осуществлялась в действительной жизни. Точно так же у нас

в преобразованиях Петра Великого выразилось могучее действие государства на весь общественный быт. Но эти примеры доказывают вместе с тем, что всякое преобразование сверху должно сообразоваться с действительным состоянием общества. Оно тогда только может быть успешно, когда общество достаточно к нему подготовлено. Иначе самая безграничная власть остается бессильною.

Таким образом, мы имеем здесь взаимную зависимость двух противоположных общественных сфер, из которых в одной господствует единство, а в другой — различия. С одной стороны, центральная сила действует на подчиненные ей единичные силы, с другой стороны, единичные силы воздействуют на центральную. Это противоположение центральной силы частным составляет явление, общее физическому и духовному миру. Но только в области духа оно образует две противоположные сферы деятельности. В физическом мире целое и части связаны непреложным законом, который делает из них совокупную систему, роковым образом подчиняющую единичные силы центральной. Такова, например, солнечная система. В духовном мире, напротив, есть начало, которое делает единичные силы самостоятельным источником жизни и деятельности. Это начало есть свобода, или самоопределение разумного существа. Оно ведет к тому, что единичное лицо, подчиняясь целому во имя разумно сознанных начал, сохраняет, однако, свою самостоятельную сферу деятельности и вступает в свободные частные отношения к другим таковым же лицам. Отсюда противоположение двух сфер; отсюда и такие свойства общественного союза, которые делают всякие аналогии с физическим организмом совершенно неуместными и даже превратными.

Эта независимость общества от государства есть факт, не подлежащий ни малейшему сомнению. Если социалисты и социологи, смешивая совершенно различные понятия, хотят в экономической области превратить общественные силы в чистые органы государства, то никто еще не пытался сделать то же самое в области духовной. Никому не приходило в голову утверждать, что наука, искусство, религия суть функции государственной власти и должны вырабатываться повелениями сверху. А пока этого нет, пока все высшие духовные интересы являются плодом самостоятельной деятельности единичных сил, до тех пор общество, представляющее совокупность этих частных сил, остается независимым от государства как принудительно организованного целого. Если же человек в области духовной является самобытным и самоопределяющимся источником жизни и деятельности, то таковым он

необходимо должен быть и в области экономической, которая представляет отношение духовных сил к окружающей природе. Для покорения природы люди могут соединять свои силы и образовывать этим путем всевозможные союзы, но живым источником деятельности и отношений является все-таки свободное лицо, а никак не центральная власть, которая здесь, как и везде, может только оказывать содействие и частью давать направление, а не заменять собою частный почин. Независимость общества во всех сферах человеческой деятельности составляет непреложный закон духовного мира, вытекающий из свободы человека...

Взаимодействие свободных единиц, из которых образуется общество, влечет за собою, как мы видели, взаимное ограничение свободы, которое и есть право. Поэтому во всяком обществе господствует известный юридический порядок. Первоначально он устанавливается самим обществом, силою обычая и фактических отношений, которые признаются всеми и получают принудительную силу решением общественных властей. На высших ступенях учреждение юридического порядка становится делом государства, которое, возвышаясь над обществом как целое, владычествующее над частями, дает ему закон. Но, устанавливая общие нормы права, государство, как сказано, ограничивается чисто формальной стороной, общею для всех; самое же содержание этих общих норм, то есть определение юридической сферы того или другого лица, тех прав, которые оно имеет, и тех требований, которые оно может предъявлять другим, предоставляется взаимодействию самих этих лиц...

Гражданская область определяется взаимодействием отдельных единиц, которые, будучи свободными, являются все равными между собою; в политической области, напротив, человек становится членом высшего целого и получает настолько прав, насколько он способен исполнять цели этого целого. Поэтому чистый индивидуализм, выражающийся в началах свободы и равенства, по самой природе вещей должен господствовать в гражданской области, тогда как распределение прав и обязанностей, сообразное с требованиями высшей идеи, составляет принадлежность политического союза.

Разделение этих двух областей является существенным признаком общегражданского порядка. Оно составляет результат всего предшествующего исторического процесса. На низшей ступени и государство и гражданское общество находятся под влиянием физиологических союзов; на средней ступени государство поглощается гражданским обществом или состоит под его влиянием; на третьей и высшей ступени оно выделяется и образует свой собственный строй,

который, в свою очередь, воздействует на гражданское общество, полагая предел господству частных сил и порабощению одних другими.

Именно этим выделением политической области устанавливаются в гражданском порядке начала свободы и равенства. Мы видели, что родовой порядок, упрочивая внутреннее единство общества, ведет к полному подчинению внешних для него элементов: он основан на рабстве. Сословный порядок, напротив, ведет к внутреннему разобщению и к борьбе частных сил, результатом которой является подчинение слабейших сильнейшим: он держится крепостным правом. Наконец, в общегражданском порядке всякое принудительное подчинение упраздняется; человек остается подчиненным владычеству над ним целому, но в отношении к другим он является свободным лицом, по собственной воле вступающим во взаимные соглашения и принимающим на себя известные обязанности. Юридическая свобода здесь равная для всех; все подчиняется одному и тому же закону. А так как личная свобода составляет коренное определение человека как разумного существа, то порядок, основанный на свободном взаимодействии разумных существ, есть именно тот, который соответствует идее гражданского общества как области частных отношений между людьми. Он представляет третью и высшую ступень в развитии общественной жизни. На первой ступени господствует единство, но единство физиологическое, данное природою, а потому не соответствующее духовному естеству человека и осужденное на распадение. На второй ступени происходит именно это распадение: различные интересы образуют каждый свой собственный организм, определяющий права и препятствующий свободному их передвижению. Свобода человека заменяется сословною свободой или сословною зависимостью. Наконец, на третьей ступени с выделением политического союза как целого, владычествующего над частями, восстанавливается утраченное единство; но это единство уже не физиологическое, а духовное. Оно не поглощает лица, а господствует над ним, оставляя ему в гражданской области собственную сферу деятельности, преграждая только насильственные захваты и приходя на помощь там, где этого требует общий интерес. Такое отношение единства к различиям состоит именно в сведении разнообразия к высшему единству при сохранении должной самостоятельности частей. Такой порядок вполне отвечает идее обоих союзов, гражданского и государственного, а потому его следует признать окончательною формой общежития и прочным достоянием человечества.

Из этого ясно, что ни о каком новом общественном строе, имевшем установиться в будущем, не может быть и речи. Фантазировать можно, сколько угодно; можно воображать, что человечество в своем дальнейшем развитии изобретет нечто невиданное. В науке нет места для таких праздных измышлений. Элементы человеческого общежития все налицо. Они проявляются и развиваются в историческом процессе, который представляет и возможные их сочетания. Для того, чтобы явилось какое-либо новое сочетание, надобно, чтобы для этого существовали реальные основания в природе человека и в его истории. Но никаких реальных оснований для фантастических возможностей нельзя указать. Когда исторический процесс привел к осуществлению требований, лежащих в природе человека, когда самый закон этого процесса указывает на достижение высшей ступени, соответствующей идее союза, то ничего другого ожидать нельзя.

Менее всего можно допустить возможность осуществления социалистического строя, в котором свободное взаимодействие лиц заменяется направлением сверху. Такой порядок равно противоречит и свободе лица, которое становится чистым орудием власти, и природе общества, которое зиждется на индивидуальном начале, и, наконец, природе государства, которое есть юридическое лицо, призванное управлять совокупными интересами, но отнюдь не заменять личную деятельность в каких бы то ни было общественных сферах. Подобное устройство, поглощающее лицо в государстве, представляет возвращение к слитности обоих союзов, то есть к первобытным ступеням развития, но уже не в силу естественных определений, предоставляющих лицу естественно свойственный ему простор, а путем принудительного подавления личного начала и всецелого подчинения его общественной власти. Такого рода порядок может существовать только в голове утопистов...

Свободное взаимодействие лиц неизбежно влечет за собою борьбу, а за нею и победу сильнейших. Человек объявляется свободным и равным другим, но средств осуществить свою свободу он не имеет и волей или неволей принужден покоряться другим. Он вступает в отношения, которые признаются добровольными, но которые в действительности вынуждены. Лишенный средств пропитания, он в заключаемом им мнимом свободном договоре принужден принимать те условия, которые налагает на него богатый. Отсюда страшное неравенство состояний, составляющее вопиющее противоречие с провозглашаемым юридическим равенством. Отсюда фактическое крепостное право, которое хуже юридического, ибо господин не связан здесь никакими

взаимными обязанностями и не имеет никакого личного интереса в благосостоянии подвластных. При таких условиях юридические начала свободы и равенства теряют для массы всякий смысл. Действительное значение они могут получить только при установлении разных для всех условий взаимодействия. В этом, по мнению критиков, и состоит задача государства, которое призвано ограждать слабых от притеснения сильными.

Таково существенное возражение, которое делается общегражданскому строю. В основании его лежит коренная путаница понятий. Свобода и равенство, устанавливаемые юридическим законом, суть, по существу своему, начала юридические, а не фактические. Они дают лицу только право, то есть юридическую возможность действовать; пользование же этим правом предоставляется самому лицу, которое осуществляет его по мере сил и способностей, в зависимости от окружающих условий. Закон дает свободному человеку право двигаться, куда ему угодно и как ему угодно; но если человек параличом прикован к постели, он этим правом не воспользуется. Точно так же закон дает ему право покупать все, что хочет, но в действительности он может купить только то, на что у него достает денег. Давая ему право двигаться, закон не обязывается его лечить; давая ему право приобретать вещи покупкою, он не обязывается давать ему средства для этой покупки. И это присвоенное человеку право всегда есть добро, хотя бы он в этом или другом случае не мог им воспользоваться; оно ограждает его от внешнего насилия и признает его личную волю верховным источником его деятельности, а это и есть то, что вытекает из разумной природы человека...

Гражданский порядок устанавливает только форму, в которой проявляется свободное взаимодействие сил, и он не заменяет самой деятельности этих сил. Поэтому он сам по себе не в состоянии осуществить идеал человеческого общежития. Вся его задача заключается в том, чтобы всем человеческим силам дать простор и препятствовать насилию. В этом отношении можно сказать, что общегражданский порядок составляет идеал общественного строя. Ибо нет сомнения, что высшее развитие человечества достигается не путем принуждения, а путем свободы. Общегражданский порядок создает именно такую форму, в которой свободное движение сил может проявляться во всей полноте. От этой свободной деятельности зависят дальнейшие шаги на этой почве, достижение той внутренней гармонии, которая составляет высший идеал человеческого общества. Государство же, как верховный союз, представляющий общественное единство,

является высшим сберегателем и регулятором этого движения. Оно не заменяет собою личных сил, но содействует им там, где необходима совокупная деятельность, и указывает им общую цель. В этом состоит его призвание.

Признанием свободного взаимодействия частных сил во всех сферах человеческой деятельности устанавливается существенное различие обоих союзов: гражданского и политического. Из этого вытекают взаимные их отношения в действительной жизни.

Чем выше стоит народ, чем богаче он содержанием, чем более он способен своею деятельностью обогатить человечество, тем меньше он получает от других и тем больше он в состоянии им дать. Напротив, чем ниже он стоит на пути совокупного развития, тем больше ему приходится жить чужим добром. Народ, который долго оставался в стороне от исторического движения и, наконец, к нему примыкает, естественно и неизбежно должен пройти через период заимствования, то есть через историческую школу.

Таково именно было положение русского народа. У нас много восставали против слепого подражания всему иностранному; восставали против реформ Петра Великого, который русские национальные особенности заменял европейскими формами. Не хотели понять, что только этим путем русские могли сделаться историческим народом, самостоятельным деятелем на поприще всемирной истории. В средние века мы от Византии получили христианство; но усвоение греко-римского наследия в эпоху Возрождения и все вытекшее отсюда новое развитие жизни оставались нам чуждыми. У нас не было ни науки, ни искусства, а при таком низком умственном уровне самая общественная жизнь стояла на весьма невысокой ступени. Татарское владычество, оторвавшее нас от Европы, истребило в обществе и всякие начала права. Крепостная зависимость, в самом широком объеме, охватывала не только низшие сословия, но и высшие, которые признавали себя холопами государя. Нужна была вся изумительная энергия великого Преобразователя, чтобы находящийся в таком состоянии народ вдвинуть в европейскую семью. Но для этого нужно было пройти через европейскую школу, усвоить себе то, что было выработано другими, то есть вступить на путь подражания. И как всегда бывает при невысоком развитии, когда ум еще не окреп, сперва усваивается внешнее и случайное, и лишь впоследствии, путем долгой работы и углублением в предмет, достигается понимание сущности. По той же причине все сначала усваивается без надлежащей оценки, ученик не в состоянии разобрать, что верно и что неверно в том, что ему говорит учитель.

Напрасно твердить ему, что он должен все сам испытывать, для этого у него нет мерил. Только усвоив себе чуждое ему содержание и обняв предмет вполне, он в состоянии выработать из этого собственный взгляд и сделаться самостоятельным деятелем на умственном поприще. Доказательством зрелости служат веские вклады в общую сокровищницу мысли, а не пустые стремления сказать непременно что-нибудь свое, непохожее ни на что другое. Народ, одаренный способностью к высшему развитию, высказывает свое, только предварительно усвоив себе чужое. Период подражания необходимо предшествует периоду самостоятельности...

Народность в истории. Мы уже рассматривали народность как один из существеннейших факторов общественной и политической жизни. Мы видели, что в ней к этнографическому элементу присоединяется духовный, известный склад ума, понятий и чувств, который вырабатывается в историческом процессе, при взаимодействии с окружающими условиями. Народность как духовная единица есть главным образом продукт истории, однако, не страдательный, а деятельный, ибо она сама является фактором исторического процесса. Народ, так же как организм, будучи поставлен в известные условия, в значительной степени сам создает свою историю; он участвует и в создании истории человечества...

Народность в истории не представляет известной ступени или момента в развитии человечества. Это — одаренная своеобразными свойствами историческая сила, которая участвует в совокупном процессе, воспринимая и сообщая движение сообразно со своими особенностями. История, как процесс развития человеческого духа, проистекает из этого взаимодействия самостоятельных сил, вырабатывающих на себе, каждая в своеобразной форме, результаты совокупной деятельности. Поэтому каждая ступень развития отражается различно на различных народностях. В одних известное направление проявляется с полной силой и доводится до крайности, в других оно отражается слабее, в третьих оно не оставляет почти следа. Поэтому нет необходимости для каждого народа проходить через все те ступени, через которые проходят другие. Разнообразие содержания распределяется между действующими силами, смотря по свойствам каждой из них; чем известное направление одностороннее, тем менее оно способно быть усвоено всеми. Только элементы общие и необходимые для всякого человеческого развития могут рассчитывать на всеобщее применение. К такого рода элементам несомненно принадлежит свобода, которая вытекает из самой природы человека. Высшего развития достигают только свободные народы,

а не те, которые коснеют под крепостным правом. Но степень и формы применения свободы могут быть весьма разнообразны, смотря по особенностям того или другого народа.

К такого рода односторонним проявлениям свободы в политической области принадлежит демократия, то есть политическая свобода, общая и равная для всех. Мы уже указывали и ниже постараемся подробнее доказать, что демократия, по существу своему, не может быть целью развития человеческих обществ, а является только переходною ступенью. Как односторонняя форма, она, по самым свойствам человеческого развития, находит временное или даже постоянное применение в некоторых обществах, которые особенно к ней расположены по своему характеру или по своим историческим условиям; в другие она входит как один из составных элементов; в третьих она может даже совершенно отсутствовать, и это не служит признаком низшего развития, а свидетельствует только о крепости других общественных элементов, которым, в силу высших потребностей государственной жизни, принадлежит направляющее значение. Если верна высказанная выше мысль, к которой мы возвратимся ниже, что возрождение аристократии в умственной и в общественной сфере составляет насущную потребность современных обществ, то сохранение этих владычествующих элементов составляет залог будущего, высшего развития...

Как реальная сила, народность проявляется во все времена. Уже в племенном быте выражаются основные черты народного характера. Как сказано, германцы наложили свою печать на весь средневековый быт; появившись на историческом поприще, они внесли свой собственный элемент во всемирную историю. И в основании новых государств лежит начало народности. На низших ступенях развития народная связь, подкрепляемая неприязнью к иноплеменникам, может быть еще крепче, нежели на высших. Во времена наполеоновских войн наибольшее сопротивление оказали народы наименее образованные: испанцы и русские. Но во всех этих явлениях народность находится на степени темного инстинкта, а не сознательного начала. В средние века при анархическом брожении буйных сил, при господстве частного права о народности как историческом деятеле менее всего могло быть речи. И когда из этого хаоса стали возникать новые государства, имелось в виду не собиранье народа, а увеличение владений. Правители делили земли и присваивали себе области без малейшего внимания к характеру населения. Даже на Венском Конгрессе народы разрезывались на куски, в силу интересов тех или других держав.

Однако эти проявления государственного деспотизма вызвали, наконец, реакцию. В народных массах пробудилось живое чувство своей самобытности, а вместе и стремление к единению со своими соплеменниками. Философия пришла навстречу развивающемуся самосознанию. На государство перестали смотреть как на отвлеченную силу, опирающуюся на войско и деньги; его стали понимать как живое единство народной жизни. Философия выработала и понятие об исторической роли народов как представителей общечеловеческого развития. Все это привело к тому, что начало народности выдвинулось на первый план и сделалось господствующим фактором политической жизни. Даже подавленные народности, косневшие в тупом подчинении чуждым им силам, пробудились к самосознанию. Блистательные примеры такого возрождения представили Греция и Италия. Но еще любопытнее пробуждение народного сознания в славянских народах. Здесь не было ни великого исторического прошлого, ни национальной литературы. Все должно было созидать вновь, из глубины поработленного духа. Движение началось в чисто умственной сфере, со словарей, с исторических изысканий; но мало-помалу оно расширялось и охватывало народные массы, пока, наконец, оно сделалось такою духовною силой, с которою приходится считаться и в политике. Славянский вопрос сделался живым вопросом современности.

Это идеалистическое воззрение на народность, которое вырабатывалось и философией, и жизнью, естественно, вело к преувеличению. Каждый народ воображал себя первенствующим деятелем в истории человечества. Французы смотрели на себя как на великую, передовую нацию, призванную обновить человечество, посеять в нем начала свободы и права. Немцы украшали своих предков всеми добродетелями и признавали себя главными представителями всех начал нового мира, христианский период истории именовался германским. И мы, в свою очередь, не отставали от других. И у нас возникла патриотическая школа, которая считала Россию представителем будущего, призванным сменить гниющий Запад на историческом поприще и обновить весь мир началами православия и общины. Эта школа с ожесточением восставала против реформ Петра, сблизивших нас в Европою; в классах, причастных европейскому образованию, она видела отщепенцев от русского народа, а в русском мужике — идеал всех совершенств. Плоды европейской науки отвергали с презрением, как несовместимые с православными взглядами, а древнюю русскую историю строили на основании фантастических представлений о каком-то идеальном

согласии. В настоящее время трудно поверить, что все эти детские мечтания могли сочиняться и разделяться умными и образованными людьми, каковы, несомненно, были первые славянофилы. Чересчур легкий и научный дилетантизм, подбитый узкими религиозными воззрениями и доходящею до ослепления любовью к отечеству, объясняют это явление. В научном отношении это направление, конечно, осталось совершенно бесплодным; но в малообразованном обществе, каково наше, оно имело те вредные последствия, что сбивало с толку неподготовленные умы, возбуждало презрение к чуждому нам знанию и к отсутствующим в русской истории началам права, побуждало фантазии принимать за действительность и вместо основательных исторических исследований строить воздушные замки. Трудно определить всю ту массу ложных взглядов и понятий, которые под заманчивым покровом патриотизма и религии были пущены этим путем в русское общество.

Но еще несравненно вреднее было то патриотическое направление, которое пришло ему на смену. Идеализм заменился реализмом; возрождение народностей сделалось могучим реальным фактором современной истории. С этим вместе понятие о народности с неба спустилось на землю. Всякие идеальные, общечеловеческие цели были отвергнуты; народность ограничивалась областью практических интересов. Провозглашали, как великую истину, что народ должен иметь в виду только свои собственные выгоды и ничего другого, забывая, что интересы притеснителей не имеют нравственного права на существование, если не опираются на высшие начала. Насилие, нетерпимость, раболепство признавались специальными свойствами русского народа. Под покровом патриотизма взывали к самым низменным общественным страстям, к самым темным инстинктам масс. Если прежнее понятие о народности витало в облаках, то новое валялось в грязи. В сущности, нового тут ничего не было. Так называемый квасной патриотизм известен у нас с давних пор. Но в прежние времена литература, исходящая из образованных классов, старалась народные инстинкты облагородить и возвести на степень истинно человеческих чувств; реалистическая же публицистика стремилась искоренить всякие человеческие чувства и низвести их на степень животных инстинктов. Цинизм, с которым проповедовались эти начала, превосходит всякое вероятие. Люди с возвышенными стремлениями, искренно любящие свое отечество и желающие видеть его на высоте общечеловеческого просвещения, не могли не возмущаться до глубины души этим безнравственным загрязнением самых лучших

человеческих чувств, этим низменным пониманием своих народных особенностей. Им больно было видеть, какое пятно налагалось на русский народ последствиями этого направления!

Только указание на общечеловеческие начала, заключающиеся в универсализме, может вывести понимание народности из этой реалистической тины. Народность, как деятель в истории, настолько имеет цены, насколько она осуществляет в себе эти начала и сама содействует их развитию. Не внешняя сила, а внутреннее благоустройство и просвещение, вытекающие из глубины народного духа великие произведения науки и искусства, осуществление в своем гражданском быте начал справедливости и свободы, наконец, гуманное отношение к подвластным племенам — вот что дает народу право на высокую историческую роль и на признание со стороны других. Это именно то, что может пожелать ему всякий просвещенный патриот и чему он обязан содействовать всеми силами...

Общественные идеалы. Во всяком развивающемся обществе есть свои идеалы. Человек живет не одним настоящим днем; он простирает свои взоры на будущее, и притом не для себя одного, но и для потомства. Он принадлежит к союзу, который имеет свои корни в далеком прошлом и многовековое существование впереди. Он работает для этого союза, и чем пламеннее он ему предан, тем дороже для него идеалы, способные возвести отечество на высоту человеческого совершенства. Сознание этих идеалов и стремление к их достижению составляют высшую нравственную красоту жизни. Они поднимают дух человека и дают ему нравственные силы для плодотворной деятельности.

Эти идеалы одушевляют и целые народы или, по крайней мере, высшую, образованнейшую их часть. Общественное сознание ценится теми идеалами, которые в нем разлиты. Чем они уже и одностороннее, тем ниже умственный и нравственный уровень общества и тем скуднее плоды его деятельности. Наоборот, чем выше и шире его идеалы, чем более они имеют общечеловеческое значение, тем выше поднимается сам дух народный и тем способнее он становится быть историческим деятелем.

У христианских народов, в особенности, общественные идеалы необходимо носят общечеловеческий характер, ибо христианство, по существу своему, есть религия общечеловеческая, для нее нет ни эллина, ни иудея, а есть только общее братство людей, которым всем возвещается слово искупления. Поэтому исключительность вероисповедной точки зрения, отрицающей все

остальное, всегда является умалением христианского идеала, простирающегося на все человечество. Ему равно противоречат властолюбие папства, нетерпимость узкого православия и ограниченность протестантских сект.

Но христианский идеал есть только идеал нравственный, а потому чисто личный. Общественный же идеал гораздо шире. В нем к свободному влиянию нравственных начал присоединяется юридическое, то есть принудительное устройство общества, а с тем вместе и умственное образование и экономическое преуспеяние. Все это является плодом светского развития, совершающегося в аналитические периоды. Мы видели, что оно составляет совокупное дело новых народов. Они общими силами вырабатывают общественные идеалы. Ни один из них не может устраниваться от этого процесса, не обрекая себя на бессилие и бесплодие. Только приобщаясь к общим для всех идеалам, народ становится историческим народом...

Нравственный реализм несомненно заключает в себе более духовной силы, нежели реализм демократический. Об этом свидетельствуют его победы. Он сохранил в себе предания прежнего идеалистического периода, и это составляет основание его могущества. Но, спустившись на землю, втесненные в узкие рамки национальных интересов, прежние идеалы потеряли свое возвышающее значение. Погрузившись в эмпиризм, дух науки, столь высоко стоявший в Германии, понизился и опошвился. Особенно в общественных науках всякие твердые точки опор исчезли; водворилась всеобщая шаткость умов, среди которой один социализм, как зловещая сила, выдвигается вперед, пользуясь умственной слабостью своих соперников. В политической же области, после неслыханных военных успехов, оказалось полное бессилие совладать с внутренними задачами. Как противодействие либеральным стремлениям средних классов, вызвано было демократическое начало всеобщей подачи голосов, но оно послужило только на пользу социализма. С другой стороны, поход против клерикалов кончился полным поражением. Шаткость наверху и шаткость внизу — вот все, чего достигла объединенная и торжествующая Германия. И как внешняя связь этой плохо слаженной системы, над всем воздвигается напряженный до крайности милитаризм, которого развитие не может служить утешением обществу, достигшему высокой степени образования и некогда со славою носившему знамя общечеловеческих начал. Мудрено ли, что в нем неудержимо распространяется пессимизм?

Такое же разочарование постигло Италию. Народный дух в борьбе с иноплеменниками, призванный к защите отечества, временно поднимается до необыкновенной высоты и может порождать великие подвиги самоотвержения, но для прочного развития нужно иное содержание. Сознание государственной силы и одержанных побед недостаточно для удовлетворения высших потребностей человека. Самый этот подъем духа, который составляет последствие успешного напряжения сил, нередко ведет к тому, что народ, задержанный в своем развитии, в борьбе с врагами, стоящими на высшей ступени культуры, заимствует у последних новые идеалы. История наполеоновских войн представляет тому не один пример. Государственная сила, составляющая плод народного самосознания, есть все-таки не цель, а средство. Она дает народу возможность играть всемирно-историческую роль, но для исполнения этой роли нужно быть носителем всемирно-исторических идей.

Со своей стороны, демократический реализм с первого же шага ниспал со своей идеальной высоты. Оторвавшись от прошлого, он тут же наткнулся на реальные условия жизни, обнаружившие полную неприготовленность массы к управлению государством. Вместо свободы он обрел деспотизм. И если временно сознание военной славы могло служить некоторым вознаграждением за утрату других, высших начал, то окончательный, позорный разгром цезаризма доказал, что презрение к идеалам никогда не обходится людям даром.

Менее всего народная масса, призванная к политическим правам, могла найти в них удовлетворение своих потребностей. Участие в верховной власти не улучшает экономического быта, которого условия не зависят от государства, а между тем, именно в этом улучшении заключается вся цель пролетариата. При невозможности ее достижения в существующем общественном строе он хватается за самые крайние учения и во имя их стремится к разрушению установленного порядка. Это идеал своего рода, но не разумный идеал человеческого общежития, а фантастическое представление, которое обращается в орудие самых низменных страстей.

Социализм, по существу своему, не может быть идеалом человеческих обществ. Человек, по природе, есть существо свободное, и таким он останется во всех союзах, в которые он вступает. Свободным он является и в гражданском порядке, где свобода и равенство суть основные начала; и в отношении к нравственным требованиям, которые обращаются к его внутренней свободе, не подлежащей принуждению; наконец, в государстве, которое есть союз свободных

лиц во имя совокупных интересов, а не машина, подавляющая всякую личную самостоятельность. Между тем социализм отрицает свободу в самом ее корне; он превращает человека в страдательное колесо всеохватывающей машины, подводящей всех к одному уровню. Тот призрак свободы, который дается гражданину в государстве участием в совокупных решениях, служит лишь к тому, чтобы подавить лицо деспотизмом большинства, не знающего ни сдержек, ни границ. Идеалом человеческого общежития может быть только свободное общество в свободном государстве, а никак не порабощение лица во всех сферах его деятельности. Чем более в политической области расширяется власть большинства, тем необходимее человеку иметь убежище в частной сфере, где он остается полным хозяином. А именно тут ему отрезаны все пути; по выражению Иеринга, он становится вьючным скотом общества. Таков результат социализма. В погоне за материальными благами он уничтожает в человеке то, что делает его человеком, — самостоятельную и самодеятельную личность. Социализм не потому неосуществим, что он для человеческой природы слишком высок, а потому, что он слишком низок. Это — система годна для рабочего скота, а не для людей.

Но и умеренная демократия не может быть идеалом человеческих обществ. Устанавливая господство большинства, она тем самым вверяет верховную власть наименее образованной части общества, а такое отношение общественных сил не может быть высшей целью человеческого развития. Здесь мы имеем дело с теми свойствами человека, которые зависят от условий его земного существования... Количественный перевес есть свойство посредственности. Качество состоит именно в том, что в нем сливается воедино то, что в количестве рассеяно во многом. Но именно поэтому оно, а не количество, должно господствовать в нормальном состоянии человеческих обществ. Владычество числа может быть только переходной формой, низшей ступенью развития, над которой должен воздвигнуться высший порядок.

Однако демократия имеет и свою идеальную сторону. Не только лежащее в основании ее начало свободы составляет существенный элемент всякого истинно человеческого союза, но есть область, в которой свобода, равная для всех, действительно является идеалом общежития. Эта область есть гражданское общество. Мы видели, что общегражданский порядок, основанный на свободе и равенстве, представляется завершением юридического развития общества. Индивидуализм составляет коренное начало гражданского союза, в отличие от

государства, которое основано на понятии о единстве целого. Поэтому далее этих норм в гражданской области идти невозможно. Установлением строя, основанного на свободе и равенстве, идеал достигнут.

Но утверждением правильного юридического порядка в гражданской области не завершается развитие человеческих обществ. Напротив, оно составляет только начало нового, высшего развития. Формальный юридический строй есть не более как почва, на которой проявляются иные, высшие силы. Мы видели, что свобода естественно и неизбежно ведет к неравенству. На предшествующих ступенях, в родовом и сословном порядке, неравенство устанавливалось искусственными мерами, вследствие чего оно далеко не всегда соответствовало естественному отношению сил. С водворением общегражданского строя все искусственные преграды падают, и естественное превосходство одних над другими выступает уже беспрепятственно. Оно обнаруживается во всех сферах: и в экономической, и в умственной. Высшее развитие общества, освобожденного от старых пут, состоит именно в том, что эти высшие силы получают в нем должное значение. Это и есть то возрождение аристократии, о котором говорено выше как о существенном требовании современной жизни и необходимом результате законов развития человечества...

Где нет независимых сил, способных стоять на собственных ногах и не поддающихся всякому течению, там общество, лишенное устоев и не скрепленное внутри себя, носится по воле ветра и волн; оно не представляет никакой преграды ни деспотизму сверху, ни деспотизму снизу. Там невозможны ни прочная свобода, ни правильное развитие. Эти-то силы и составляют аристократический элемент общества. Где их нет или где они расшатались, там необходимо их создать или обновить.

Но для того, чтобы аристократия могла быть действительной общественной силой, надобно, чтоб она не отделялась от общества, а состояла с ним в живой и постоянной связи. Прежние общественные порядки, родовой и сословный, грешили именно тем, что они ставили искусственные грани, которые мешали свободному передвижению элементов. И это было неизбежно, пока средние классы, связывающие высшие общественные ступени с низшими, не получили надлежащего развития. Только в новое время, вследствие свободы промышленного труда, этот связующий элемент общественной жизни разросся во все стороны и занял подобающее ему место в общественном организме. Общегражданский порядок составляет плод и выражение того начала личной

свободы, на котором зиждется вся деятельность и все значение этих классов. В них заключается залог и всего будущего развития человечества, ибо они составляют не только опору, но и главный источник аристократических элементов. Из средних классов выходит как денежная, так и умственная аристократия. Самая родовая аристократия не в состоянии держаться, если она не обновляется приливом свежих сил из средних классов...

Если в области гражданской демократический строй представляется высшим идеалом, то в области политической он может быть только переходною ступенью. Сила современной демократии заключается главным образом в слабости ее соперников. Во Франции, которая является главным представителем этого начала в Европе, монархические партии имеют свой идеал в прошлом; ничего не забывая и ничему не научившись, они упорно держатся принципа, давно отжившего свой век и похороненного под развалинами истории. Клерикальная партия идет еще далее назад; ее идеал лежит в средних веках. В тех и других обнаруживается полное непонимание современной жизни и ее условий. Со своей стороны, радикализм точно так же имеет свой идеал в прошлом, только не в прочном порядке, а в минутных потребностях революционной борьбы. Деспотизм массы, не знающей сдержек и руководимой демагогами, представляется им нормальным состоянием человеческого общежития. Наконец, и социализм заимствует все свои идеалы у отжившего свой век утопического идеализма, который обращается в орудие разрушения. Перед всеми этими представителями пережитых моментов человеческого развития современная уравновешенная демократия имеет неоспоримые преимущества. Она стоит на твердой почве настоящего общегражданского строя и заключает в себе залог будущего развития. Из недр господствующих в ней средних классов могут и должны выработаться те аристократические элементы, которым принадлежит первенство в будущем. Но владычество их может установиться не путем насильственных переворотов и не подогреванием начал, отживших свой век, а признанием в политической области того фактического превосходства, которое вырабатывается свободным действием общественных сил.

Мы не раз уже указывали на то, что гражданская свобода естественно и неизбежно ведет к фактическому неравенству положений и влияний. Это неравенство составляет основание идеального политического строя, в котором все общественные элементы получают подобающее им место и значение в целом. В гражданской области должно господствовать равенство числительное, в области

политической — равенство пропорциональное. Этим способом высшие требования государственной жизни связываются с демократическим порядком, господствующим в гражданской области. Но пока это фактическое превосходство образованных элементов не получило надлежащего развития и признания, демократия составляет нормальный порядок политического строя. Тщетно толковать о монархическом начале, пока не выработалась аристократия, в особенности умственная, которой принадлежит верховное руководство в области идеалов. Пока умы погружены в эмпиризм, нечего говорить о высших началах жизни. Только умственное развитие может проложить путь развитию общественному.

Потребность этого дальнейшего развития заключается в неустойчивости демократии как политической силы. Поставленная между двумя направлениями, из которых одно прямо ей враждебно, а другое старается сбить ее с правильного пути, она держится только склоняясь попеременно то на ту, то на другую сторону. Господствующие в ней средние классы не имеют в себе ни крепкой внутренней связи, ни твердых начал, на которые бы они могли опираться. Это расплывающаяся масса, которая служит посредствующею стихией, склейкою общественных элементов, но сама нуждается в высшем руководстве. Она то готова с испуга броситься в объятия деспотизма, то склонна делать уступки неразумным требованиям народных масс. Последние же, поставленные на высоту, совершенно не соответствующую их внутреннему содержанию и их способностям, с одной стороны, поддаются влиянию клерикализма, который один дает им нравственные начала жизни, с другой стороны, увлекаются проповедью социализма, который говорит их страстям. Последний является самым опасным врагом демократии; толкая ее на ложный путь, он готовит ей падение. Демократия может быть более или менее прочна там, где социализм не имеет корней; но как скоро он усиливается, конец ее представляется лишь вопросом времени. Он может быть ускорен социальными переворотами, которые, грозя разрушением всему общественному строю, заставят все здоровые элементы общества сплотиться против буйных сил, выступающих с бессмысленными требованиями. Но прочная победа лучших элементов может быть подготовлена и обеспечена только высшим умственным развитием, обличающим всю нелепость социалистических стремлений, а вместе и несостоятельность такого порядка вещей, который низшие силы ставит наверху и вручает верховную власть классам, наименее способным ею пользоваться. Не в общественных порядках, а в

хаотическом состоянии умов заключается язва современной жизни. Излечить ее может только высшее развитие науки.

Только умственным развитием может быть подготовлено и то царство духа, которое представляется венцом и завершением всего исторического процесса.

Высказывая это ожидание, мы должны спросить себя: не уносимся ли мы, в свою очередь, в область утопий? Стоя на научной почве, можно говорить о современных идеалах человечества, ибо эти идеалы существуют; можно обсуждать и большую или меньшую возможность их осуществления; но пытаться определить тот порядок вещей, который должен быть конечною целью всего человеческого развития, не будет ли слишком смело? Не есть ли это тоже праздная мечта, лишенная всякой реальной почвы?

Это недоумение разрешается тем, что указанная цель человеческого развития составляет логически необходимый вывод из числа научного исследования законов исторического процесса. История удостоверяет нас, что раскрывающийся в ней дух не есть только мечта воображения, а реальная сила, действующая в действительном мире, по законам, вытекающим из ее природы. Фактический ход идей и событий дает нам возможность определить эти законы, а с тем вместе и те конечные цели, к которым клонится весь процесс. Чтобы прийти в этом отношении к совершенно точным выводам, нужно только свести к общему итогу все сказанное доселе.

Повторим, что дух не есть только собирательное имя для обозначения известной группы единиц. Это не есть также слово, которым обозначается общее направление, вытекающее из их взаимодействия. Дух есть общая сущность, связывающая единичные разумные особи в одно живое, развивающееся целое. В области человеческих отношений эта сущность не существует помимо особей, а живет и действует в них и через них. Сознание и воля принадлежат только единичным существам, которые являются органами и носителями руководящих историю идей. Тем не менее, это общее начало не простая фикция, а реальная сила, выражающаяся в явлениях. Человеческая действительность в ее историческом развитии и современном положении представляет тому неоспоримые доказательства.

В истории мы находим двоякого рода духовную сущность: частную и всеобщую, народность и человечество.

В народности мы можем наглядно исследовать отношение единичных существ к живущей в них общей духовной субстанции. Народ, очевидно, не есть простое собрание единиц, находящихся во взаимодействии. Он образует единую духовную личность, имеющую свои специальные свойства, рассеянную в пространстве и развивающуюся во времени, как единичная особь, изнутри себя, при постоянном взаимодействии с другими. Как единичная особь, народ имеет свои возрасты: свое младенческое состояние и свой период полного развития сил; многие имеют и свою старость. Как единичная особь, он вступает в отношения к другим и играет роль в истории. На этой реальной духовной основе зиждется вся государственная жизнь. Государство потому есть лицо, имеющее права и обязанности, что оно является представителем этой общей духовной сущности, действующей в реальном мире и на историческом поприще. Но народность шире государства. Она обнимает области духа, которые не поддаются государственной связи: таковы наука и искусство. Она существует и там, где вовсе нет политической связи и где она перестала существовать. Итальянцы признавали себя единым народом прежде, нежели установилось у них государственное единство; последнее вытекало именно из этого сознания. Евреи продолжают признавать себя единым народом, хотя они в течение более полутора тысячи лет рассеяны по всей земле и не связаны никакою юридическою связью.

Но, образуя единую духовную личность, живущую и развивающуюся в течение тысячелетий, народность все-таки не имеет иных органов сознания, кроме отдельных, переходящих единиц, которые являются носителями этого духа, передавая его от поколения поколению. А с другой стороны, сознанием и выражением этой общей народной сущности не исчерпывается содержание личности. Являясь членом единого целого, носителем идей и интересов, человек остается самостоятельным и свободным существом. Только таковые существа и могут быть органами духа. Поэтому он общую духовную сущность видоизменяет сообразно со своими личными свойствами. Он воспринимает из нее то, что ему приходится. Он может примыкать и не примыкать к общему движению, охватывающему общество в известные времена. В силу своей свободы он может даже совершенно оторваться от своей народности и примкнуть к другой, или же, воспринявши чуждые начала, пытаться внести их в народную жизнь. Одним словом, если народность несравненно шире лица, то лицо в силу свободного самоопределения шире народности: оно принадлежит всему человечеству. Это живое взаимодействие между общею духовною стихией и личным началом

составляет существо духовного процесса, который происходит путем сознания и свободы.

В человечестве это отношение видоизменяется тем, что органами его являются не только отдельные лица, но и целые народы, которые играют каждый свою роль в совокупном развитии. Поэтому, отрешаясь от своего народа, лицо не может отрешиться от человечества, которое заключает в себе всю полноту доступных человеку начал и свойственного ему развития. Оно представляет дух в том совершенстве, которое полагается границами земного бытия. Выведенные выше законы исторического развития раскрывают природу этого духа как единой сущности, развивающейся изнутри себя и излагающей в действительности всю полноту своих определений. От первоначальной слитности развитие идет к положению противоположностей, и затем эти противоположности оно сводит опять к высшему единству. Первая половина процесса состоит в том, что отдельные области духа выделяются из общей основы, получают самостоятельность и развивают каждая свой собственный мир на основании собственных, присущих им начал. Вторая половина процесса состоит в том, что эти самостоятельные сферы, находясь во взаимодействии, постепенно приводятся к высшему соглашению. Первый есть путь разложения, второй есть путь сложения. Последний совершается по тем же ступеням, как и первый, только в обратном порядке, но результат его не есть простое возвращение к точке исхода. Отдельные сферы сохраняют свою относительную самостоятельность, подчиняясь только высшему единству; а так как высшие из этих сфер, те, которые дают направления другим, не подлежат принуждению, то и единство их должно быть не принудительное, а свободное, не внешнее, а внутреннее. Совершенство есть согласие разнообразия, в нем полнота развития должна совмещаться с высшим единством. В области духа это согласие может происходить только на почве свободы, ибо органами духа являются не слепые силы природы, а разумные и свободные существа. Это и есть то царство духа, которое представляется необходимым логическим результатом и завершением всего исторического развития человечества.

Но мы видели, что этот конечный синтез должен быть синтезом религиозным. Религия одна способна связать в одно живое, духовное целое всю совокупность сил человеческого духа. Поэтому мы от человеческого духа должны взойти выше, к абсолютному Духу, составляющему определение Божества. Религия человечества, которую проповедуют некоторые мыслители, есть не что

иное, как пустая фантазия, обличающая полное непонимание существа и значения религии. Ничто относительное и преходящее не может быть предметом религиозного поклонения, которое относится только к незыблемому и вечному. Человеческий дух, связанный условиями земной планеты, имеющий начало и предвидящий свой конец, может быть только отдельным, преходящим явлением Духа Божьего, везде сущего и всему дающего жизнь. Присутствие Божьего Духа в человечестве и есть то, что понимается под руководством судеб человеческих божественным Промыслом. Оно полагает человеческому развитию непреложные законы, которые скрытым для него путем ведут его к конечному совершенству. Но наша земля с существующим на ней человечеством есть только песчинка в мироздании. На бесчисленных других мирах, существующих, существовавших и имеющих образоваться в будущем, без сомнения, действуют такие же духовные силы, совершающие свой путь в пространстве и времени, приводящие единичные разумные существа к высшему возможному для них совершенству жизни и сознания Абсолютного. Все эти бесчисленные миры связываются присущим им единым Духом Божиим, который составляет конечную цель всего сущего и совершенство всякого бытия. В Божестве разлитый в мире Дух, который в частных своих проявлениях сознается только единичными существами, находит высший, абсолютный центр сознания, без которого нет абсолютного и совершенного бытия. Таково убеждение, которое с неотразимой силой вытекает как из метафизических начал человеческого мышления, так и из развития этих начал в истории человечества. Оно составляет основание той религии Духа, которая представляется завершением исторического процесса и восполнением религии Силы, познаваемой в природе, и религии Слова, открывающегося в нравственном мире. В этом состоит высшая задача будущего. Опираясь на прошлое, мы можем с уверенностью ожидать ее разрешения.

Но если Дух действует путем свободы, то какова же в этом процессе роль государства?

Призвание и способы действия государства в исполнении исторических целей и в осуществлении народных и человеческих идеалов принадлежит к области политики. К ней мы теперь и переходим.

3. Основания политики

Политика как наука. Политика есть наука о способах достижения государственных целей...

В действительности, управление государством всегда руководится политикой. Всякий государственный человек преследует известные средства. В этом смысле политика есть не наука, а практическое искусство, существовавшее задолго до появления какой бы то ни было государственной науки. Здесь практика не только предшествует теории, но и указывает ей путь. Среди бесконечного разнообразия условий, в которых находится государственная жизнь, практический такт правителей показывает им, что в данную минуту осуществимо и какие для этого требуются средства. В этом состоит политический смысл, первое качество государственного человека, от чего зависит правильное течение государственной жизни и возможность исполнения ее задач. Политический деятель должен иметь ясное понятие о состоянии потребностей общества; он должен ясно сознавать и самые цели, которые можно иметь в виду при существующих условиях, определить, что на практике исполнимо и что должно быть отложено; наконец, он должен иметь понятие и об общем ходе истории, о том, к чему естественным движением жизни влекутся народы и государства, что следует поддерживать и с чем надобно проститься: иначе он рискует дать политической жизни ложное направление, потратить силы и средства государства на то, что обречено на погибель, и тем самым подорвать собственное его существование. Чем сложнее общественные условия, чем более развита политическая жизнь, тем, разумеется, труднее исполнение этой задачи и тем выше требования, которые предъявляются государственному человеку...

Политический смысл необходим не одним государственным людям, он нужен и гражданам. Правительство в своей деятельности опирается на общество; оно находит в последнем поддержку или противодействие. От политического смысла граждан зависит, чтобы то и другое совершалось в направлении, благоприятном государственным целям. Со своей стороны, общество воздействует на правительство. Самая неограниченная власть находится под влиянием течений, господствующих в окружающих ее сферах. С расширением участия общества в государственных делах это влияние растет, а вместе с тем возвышается требование политического смысла, способного отличать возможное и невозможное, желанное и нежеланное. Как практическое начало, политический

смысл очевидно приобретает лишь практикой. Только постоянное и долговременное участие в общественных делах развивает в обществе это высокое качество. Поэтому оно проявляется с особенною силою у тех народов, которые всего долее пользовались практикою политической жизни. В этом отношении англичане далеко опередили все другие европейские народы. Нельзя не удивляться не только прозорливости ее государственных людей, но и выработанному временем политическому такту периодической печати, ее сдержанности при обсуждении политических вопросов, ее презрению ко всяким звонким фразам и теоретическим увлечениям, ее тонкому пониманию различных сторон государственной жизни, умению разбирать осуществимое и неосуществимое, наконец, ее деловому языку, который может служить образцом для всех. Совершенно противоположную картину представляют общества, не привыкшие к политической жизни и внезапно выпущенные на простор. Стоит вспомнить хаотическое состояние русской общественной мысли в царствование Александра II. В ту пору именно самые крайние мнения находили всего более поддержки и могли рассчитывать на успех: с одной стороны, тайная и явная социалистическая пропаганда, какая-то безумная пляска, в которой исчезало всякое здравое понятие о вещах, с другой стороны, ярая реакция, взывающая к самым пошлым страстям и самым низменным стремлениям невежественного общества. Для разумного взгляда не оставалось места; он подвергался беспощадному гонению. Люди, привыкшие во времена деспотизма к непримиримой тайной оппозиции, считали непозволительным всякое слово, сказанное в пользу правительства, совершавшего величайшие преобразования, а с другой стороны, те, которые не успели отвыкнуть от векового холопства, считали всякую независимость преступлением. В странах, подвергавшихся глубоким революционным потрясениям, эта шаткость общественной мысли становится постоянным явлением. Ничто так не препятствует развитию политического смысла, как сохраняющийся в обществе революционный дух. Политика требует спокойного и здравого понимания существующих условий; она вступает в сделки, ищет возможного, а революционный дух питается крайностями, увлекается страстью, закрывает глаза на действительность и живет созданиями воображения.

Политика имеет дело со свободными человеческими действиями, о чисто механической необходимости в ней не может быть речи. Но мы видели, что самая человеческая свобода подчиняется общим законам. Человек волен выбирать тот

или другой способ действия; но не всякое его действие достигает цели, а лишь то, которое согласно с условиями окружающей среды, с законами физической, природы, с отношениями к другим людям. Мы видели, что история человечества представляет закономерное движение, в котором человеческая свобода является не только важнейшим деятелем, но и сознательным или бессознательным орудием тех внешних начал, которые лежат в глубине человеческого духа. Исследование всех этих законов и отношений составляет задачу науки, а вместе руководящее начало практики. Оно не заменяет практического смысла, который один способен решить, что именно нужно в данное время и в данном месте, но оно дает ему высшее освещение и опору.

В настоящее время в особенности всюду является стремление к образованию крупных соединений, которые одни в состоянии дать народу подобающее ему место на политическом поприще. Многие видят в этом даже общий исторический закон, ведущий к поглощению малых государств большими. Спенсер возводит интеграцию, то есть соединение разделенных масс в более крупные целые, на степень мирового факта, обнимающего как материальную, так и духовную сферу.

С этим взглядом, однако, невозможно согласиться. Для такого вывода мы не имеем достаточно данных. Проявляющееся в известное время стремление вовсе не означает, что оно будет идти все возрастая, не встречая противодействия в других силах. История представляет столько же примеров раздробления, как и соединения государств. Это зависит от характера сил, временно выступающих на первый план. Нынешнее расшатанное положение Европы, в особенности появление на сцену начала народности, которое нарушило прежнее равновесие, заставляет европейские народы соединяться в более или менее обширные политические союзы, которые дают им возможность отстаивать свою самостоятельность. Но такие соединения имеют свой естественный предел, и самое начало народности, которое является в них движущей силой, столь же часто ведет к отделению областей от большого целого. Если создалась единая Италия, то этим самым уменьшилась Австрия, от которой отторглось Ломбардо-Венецианское Королевство. Можно полагать, что пришедшие в брожение новые элементы наконец придут в состояние более или менее устойчивого равновесия, и тогда окажется, что для сохранения этого равновесия малые государства столь же необходимы, как и большие. Они нужны не только для того, чтобы не давать весам склоняться на сторону той или другой крупной силы, но и для того, чтобы

умерять между ними столкновения. Полезно иметь сеть небольших государств, отделяющих великие державы одну от другой...

В центре Европы нужен все-таки буфер, а не батарея. Это, конечно, не обойдется без кровопролитных войн, но их не миновать современному человечеству. Горючие материалы накопились в слишком большом количестве; просящиеся наружу силы находятся в слишком напряженном и неестественном состоянии; поставленные вопросы слишком настойчиво просят ответа, а временные их решения слишком мало соответствуют сколько-нибудь разумным требованиям, чтобы подобный порядок вещей мог считаться прочным.

Практический политик имеет в виду злобу настоящего дня; он довольствуется хотя бы и гнилым миром, лишь бы только отсрочить ужасы войны; он упорно охраняет настоящее, чтоб отдалить неизвестное будущее. Научная политика должна смотреть шире и дальше. Она не может не признать, что на голом праве силы нельзя утвердить прочного порядка. Действительный мир Европы будет обеспечен лишь тогда, когда существующим народным стихиям дозволено будет группироваться по своим естественным стремлениям и наклонностям. Тогда возродятся и подавленные ныне мелкие государства, которые будут смягчать столкновения крупных. Тогда, можно думать, возродится и Польша, которой исчезновение было несчастьем не только для нее самой, но и для европейского равновесия. В настоящее время более нежели когда-либо между Россией и Германией нужен буфер, так же как между Германией и Францией. Этого требует и здраво понятый интерес России, который с ее стотридцатимиллионным населением нечего опасаться слабого соседа, имеющего вдобавок враждебную ему многомиллионную империю с другой стороны. Конечно, все это вопросы более или менее отдаленного будущего; много крови будет пролито прежде, нежели Европа придет к сколько-нибудь сносному и справедливому порядку вещей. Но задача науки — смотреть вдаль и стараться уловить общий ход вещей, не довольствуясь мимолетными созданиями современной минуты.

С водворением более нормальных международных отношений самые цели государства должны несколько измениться. Главным предметом заботы будет не внешняя сила и величие, а внутреннее благоустройство. В этом отношении, как сказано, малые государства имеют значительные преимущества перед большими. При большем единении элементов и большей простоте отношений в них скорее может осуществиться тот идеал мирного и свободного сожительства, который

представляется высшим счастьем человеческого существования. И это, конечно, при современных условиях не более как отдаленная мечта. Пока в массах распространены социалистические теории и стремления, ни о каком внутреннем единении не может быть речи. Такое настроение ведет только к постоянной вражде, тем более ожесточенной, чем теснее круг, в котором она вращается. В этом отношении малые государства представляют особенные опасности. Нигде деспотизм толпы, на котором зиждется весь социализм, не становится до такой степени невыносимым, как именно в тесном кругу, где он охватывает всю частную жизнь и где уйти от него нет никакой возможности, иначе как эмиграцией. В малых государствах скорее возможно и временное торжество социализма, которое влечет за собою полное ниспровержение всего гражданского строя. Но именно эти уроки могут служить назиданием для других. Умственная борьба против социализма составляет задачу науки, не знающей политических границ; но для большинства человеческого рода, неспособного связывать отвлеченные понятия и более всего доверяющего внушениям чувств, живой пример служит гораздо более убедительным доказательством, нежели всякие общие рассуждения. В этом отношении малые государства могут оказать человечеству существенную услугу.

Они могут оказать ее и в совершенно противоположном смысле. Небольшое государство, не играя такой великой роли, имеет гораздо меньше обаяния в глазах людей. Оно не представляется расточителем всех земных благ, а ограничивается собственно ему принадлежащим призванием управлять совокупными интересами общества. Здесь на первый план выступают те мелкие союзы, частью принудительные, частью свободные, в которых вращается обыденная жизнь человека. От них, главным образом, зависят то внутреннее благоустройство и то гармоническое соглашение элементов, которое недоступно для государства, поглощенного общими вопросами.

Вообще, в политической сфере, как и везде, идеальное устройство состоит не в подавлении различных элементов, а в гармоническом сочетании всех при свободном развитии каждого, то есть в согласии разнообразия. В историческом развитии человечества большие государства и малые играют ту роль, которая предназначается им их географическими и этнографическими условиями. Часто это не зависит от произвола. Малое государство не может по своему хотению сделаться большим. В основании его лежит известная народность, которой объем и внутренняя сила определяют занимаемое государством пространство. Однако

государство может расширять свои пределы посредством завоеваний. Этим путем самое незначительное государство может сделаться громадным. Примеры представляют Римляне, которые, исходя из маленького города, покорили весь известный тогда мир...

Появление всякого нового народа с самостоятельным государственным устройством на политическом поприще изменяет равновесие политических сил, на котором покоится общий мир, а потому не может быть безразлично для остальных. Государство как державный союз прежде всего представляет известную силу и само остается судьей употребления этой силы. Задержку оно находит только в отпоре, который оно встречает в других. Поэтому чрезмерное усилие одного всегда встречает противодействие соседей, которые, в свою очередь, принуждены напрягать все свои средства для ограждения себя от возможных нападений. Из этих взаимных отношений возникает известная система равновесия, которой большая или меньшая устойчивость обеспечивает прочность сохранения мира. Всякое изменение этого равновесия влечет за собою новые отношения, которые только временем, после значительных колебаний, могут быть приведены к надлежащему уровню. Прочным равновесие может считаться лишь тогда, когда участвующие в нем силы находятся в замиренном состоянии. Когда же их разделяют самые жгучие вопросы, когда они в запуски друг перед другом увеличивают свои военные средства, о прочном мире не может быть речи...

В древности одно государство могло получить перевес над всеми другими и сделаться владычествующею силой в человеческих обществах; в новой истории при разнообразии и сложности элементов силы человечества распределяются между многими народами, имеющими каждый свое призвание. Политическое развитие происходит совокупною деятельностью всех. Здесь требуется равновесие сил, а не исключительное преобладание одной над другими. При настоящем положении Европы прочное равновесие, основанное на замиренном состоянии, может быть достигнуто только одним способом: ослаблением могущества Германии. Это послужит и к пользе человечества, и ко благу самого Немецкого народа, которого высокие духовные дарования страдают от неестественного преобладания политических интересов: умы тупеют и нравы дичают под гнетом чрезмерно развившегося милитаризма. Как бы ни превозносилась природная гордость в своем недавно приобретенном величии, беспристрастный политический наблюдатель должен сказать, что прочный мир в

Европе может установиться только тогда, когда Немцы будут побиты. С точки зрения общечеловеческого развития нет сомнения, что все народы вздохнут свободнее, когда этот гнет будет с них снят. Об уничтожении германского единства, конечно, не может быть речи, оно слишком глубоко коренится в потребностях народного духа. Но и для самой Германии и для Европы желательна форма союза, основанная не на преобладании военной силы, а на удовлетворении материальных и духовных интересов разнообразного населения, которое входит в состав Германской Империи. Рано или поздно это совершится, конечно, угадать невозможно. Может быть, на это потребуются период долгой и упорной борьбы; но это может произойти очень быстро, одним ударом. Пути истории скрыты от взоров человека...

Равновесие европейских сил может быть нарушено и с другой стороны. Начало народности, как источник новых политических формаций, не исчерпало своего содержания. После объединения Италии и Германии предстоит разрешение вопроса славянского. Почти одновременно с движением, охватившим другие европейские народы, пробудились национальные стремления и в славянских племенах. Возникла туземная литература, поэтическая и ученая. Сознание своих народных особенностей и общей духовной связи проявлялось все с большею и большею силой. В настоящее время это — элемент, с которым приходится считаться и в политике. Однако здесь вопрос ставится совершенно иначе, нежели в Италии и Германии. Тут нет места для дилеммы, поставленной великим поэтом:

Славянские ль ручьи сольются в русском море?

Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Можно, напротив, наверное сказать, что ни славянские ручьи не сольются в без того уже слишком обширном русском море, ни оно не иссякнет. Славянские племена рассеяны по огромному пространству, на Севере и на Юге; они перемешаны с другими, столь же, если не более, крепкими и не поддающимися чужому влиянию. Каждое из них имеет свой характер, свой язык, свою историческую судьбу; они разделены и религиозными верованиями. Стремясь к самостоятельности, они вовсе не желают быть поглощенными даже сродным племенем и таким образом лишиться своей личности. Сознание духовного сродства не влечет за собой политического единства. В политическом отношении славянский вопрос не означает создания единого, безмерно великого государства, а образование мелких самоуправляющихся единиц, связанных более или менее

тесною федеративною связью и состоящих под защитою и покровительством крупной державы. Но какая это держава: сродная им Россия или иноплеменная Австрия?..

Политика демократии. В демократии верховная власть принадлежит совокупности граждан. Основные ее начала суть свобода и равенство. Отсюда проистекают великие сопряженные с нею выгоды. Они состоят в следующем.

Во-первых, каждый член общества получает здесь высшее ограждение своих прав и своих интересов. Когда люди хотят или принуждены действовать совокупными силами, отдельное лицо не может уже руководиться единственно собственною своею волей, оно должно подчиняться совокупному решению: иначе это была бы анархия...

Во-вторых, господство начала свободы в государстве раскрывает полный простор энергии каждого. В человеке рождается сознание своей силы и уверенности в себе. Он делает все, что может сделать: и физический, и умственный труд, не стесненные ничем, достигают высшей степени производительности. А так как личный труд составляет коренной источник всякого движения и всякого прогресса, то свобода составляет первое и главное условие человеческого развития. Все силы народа возбуждаются в демократии; он проявляет всю свою духовную сущность. Примерами в этом отношении могут служить древние Афины, а в новое время — Северо-Американские Штаты...

В-третьих, участие каждого в верховной власти возвышает чувство личного достоинства человека. Он не знает над собою владыки; как член свободного народа, он преклоняется только перед общею волей. Отсюда возвышение нравственного уровня общества. Все раболепное, низкопоклонное, трусливое изгоняется из человеческой души. Римский гражданин не знал этих низменных чувств. Он гордо поднимал голову и смело высказывал свою мысль перед лицом всех. В демократии более, нежели где-либо, гражданин одушевлен этим высоким сознанием своей независимости и своего права.

В-четвертых, там, где каждый участвует в правлении, политическое образование распространяется на всех. Общие дела становятся делом каждого, они обсуждаются во всех углах. Партии стараются набрать себе приверженцев всюду; политическая жизнь нисходит до самых глубоких слоев общества, а это воспитывает народ, возвышает его умственный уровень и приучает его к самостоятельному управлению своими делами.

В-пятых, вопросы обсуждаются и решаются теми самыми лицами, до которых они касаются и которым они, поэтому, ближе известны. Никакая часть народа не призвана решать за остальных, поэтому не имеет возможности проводить свой частный интерес в ущерб другим. Участием всех в совокупном решении устанавливается владычество общего интереса, а это и составляет высшую цель государства.

В-шестых, там, где правительство выходит из общества, невозможен между ними разрыв. Тут связь устанавливается самая тесная; правительство является чистым представителем народа, от которого оно состоит в постоянной зависимости. Поэтому оно принуждено заботиться об удовлетворении всех его потребностей; только стараясь угодить избирателям, оно может держаться. Этим, с другой стороны, устраняется всякий повод к революционным движениям. Большинство имеет всегда возможность проводить свое мнение путем выборов, а меньшинство может действовать только путем убеждения: оно должно стараться смело сделаться большинством. В демократии попытки ниспровергнуть существующий порядок являются возмущением меньшинства против большинства, что не имеет ни теоретического, ни практического оправдания, ибо никто не имеет права ставить свою личную волю выше воли других, а путь убеждения открыт для всех.

В-седьмых, если каждый общественный строй требует соответствующего ему строя политического, то демократия является как бы естественным завершением общегражданского порядка, составляющего, как мы видели, венец гражданского развития человечества. Начала свободы и равенства, господствующие в гражданских отношениях, переносятся и в политическую область. Через это между обеими сферами устанавливается полная гармония. Отсюда неудержимое стремление к демократии всех новых европейских народов, установивших у себя начала общей гражданской свободы и равенства всех перед законом.

Таковы весьма существенные и наглядные выгоды демократии. Мы их выставили в полной силе. Но им противопоставляются не менее важные недостатки.

Во-первых, полезное для государства согласование гражданского порядка и политического не должно простирается до полного смешения начал, господствующих в этих двух сферах. Без сомнения, признание общей гражданской свободы рано или поздно ведет к свободе политической. Гражданин признается свободным, потому что свобода составляет принадлежность самой

природы человека как разумного существа; в силу этого во всех образованных странах отменяются рабство и крепостное состояние. А если это так, то человек должен быть признан свободным во всех сферах своей деятельности, не только как член гражданского союза, но и как член государства: в этом и заключается основание политического права. Тем не менее, правоспособность политическая существенно отличается от правоспособности гражданской. В гражданских отношениях человек заведывает собственными своими делами, и в этой области он полный хозяин. Хорошо или дурно он их ведет, это до других не касается. Здесь всякий совершеннолетний, обладающий здравым рассудком, признается вполне правоспособным. В политической области, напротив, он призван обсуждать и решать дела, касающиеся не только его самого, но и всех других; ему вверяется известная доля общественной власти. Для обсуждения такого рода дел, нередко весьма сложных, и еще более для пользования верховною властью нужна способность высшего разряда, необходимо известное умственное развитие. Между тем, начало равенства, последовательно проведенное, устраняет начало способности. Все граждане, за исключением женщин и детей, получают совершенно одинаковое участие в верховной власти. А так как высшее развитие всегда составляет достояние меньшинства, дела же решаются большинством, то здесь верховная власть вручается наименее способной части общества. Против этого не имеет силы возражение, что с призыванием массы к совокупному решению рассеянная в лицах невысокая способность собирается как бы в один фокус и неспособность одних восполняется способностью других. Сколько бы мы ни набирали людей, не знающих дела, совокупность их мнений не даст хорошего решения. Все чаще они, по незнанию, дадут предпочтение именно тому мнению, которое наименее полезно. На массу всего более действуют те, которые умеют низойти к ее уровню и говорить ее страстям...

Таким способом решения отрицается, во-вторых, самое значение образования для государственной жизни. Верховная власть на земле вверяется наименее образованной части общества. В этом заключается глубокое, коренное противоречие демократии, от которого она никогда не может исцелиться. Какое бы мы ни представляли себе развитие человечества в будущем, всегда, в силу самых условий земной жизни, будет масса, занятая преимущественно физическим трудом, и меньшинство, преданное труду умственному. Но только последний дает высшее развитие, а потому и высшую государственную способность; постоянное же занятие физическим трудом неизбежно удерживает человека на низшей

ступени: развитие определяется призванием. Никакая система обучения этому не поможет. То интегральное образование, о котором мечтают демократы, есть чистая мечта. Чем шире и выше образование, тем выше стоит образованное меньшинство над невежественной массой...

В-третьих, демократия представляет безграничное владычество духа партий, из которых каждая стремится захватить власть в свои руки с тем, чтобы проводить свои виды. Это составляет неизбежное последствие всякого свободного правления, и в этом, без сомнения, есть значительная выгода. Не только все мнения и направления имеют возможность высказываться и отстаивать свои точки зрения, но каждое направление, имеющее серьезное значение в государственной жизни, получает возможность проверить свои взгляды применением их к делу, когда оно находится у власти. Оппозиция может ограничиваться отрицательной критикой; пользование же властью требует положительных действий; многое из того, что высказывалось в пылу полемики, неизбежно смягчается или отпадает. Получая власть в свои руки, оппозиционная партия становится правительственной. Но эта борьба за власть имеет и свою оборотную сторону. Все направлено к тому, чтоб одолеть противников, и для этого не гнушаются никакими средствами. Государственный интерес затмевается партийными целями...

Последствиями такого порядка вещей является, в-четвертых, устранение лучшей и образованнейшей части общества от политической жизни. В Северной Америке это — общее явление. Уважающий себя человек неохотно вступает на поприще, где ему приходится вести борьбу с противниками самого низменного свойства, где сам он подвергается грязным нападкам и бессовестной клевете, где каждое его слово толкуется вкривь и каждый поступок представляется в ложном свете, где самая его частная жизнь и репутация близких ему людей становятся предметом публичной полемики, язвительных намеков и часто совершенно превратных разоблачений. Чтобы действовать на политическом поприще в демократической стране, нужно сделаться толстокожим; но для этого надобно в значительной степени потерять чувство нравственного достоинства. Многие на это не пойдут. Еще менее станет порядочный человек унижаться до того, чтобы заискивать в массе и льстить толпе, а без этого он не может надеяться на успех. Таким образом, руководителями народа остаются демагоги, которые умеют низойти к уровню массы, говорить ее языком, льстить ее самолюбию, потакать ее страстям, пускать в ход все те средства, которыми гнушается уважающий себя

человек. Противодействовать им можно только силою денег. Из всех аристократических элементов общества в демократии всплывает только денежная аристократия, то есть худшая из всех...

Однако и денежный перевес не ограждает высших классов от ограбления. Демократия, по существу своему, ведет, в-пятых, к тому, что государственные тягости сваливаются преимущественно на зажиточные классы, вопреки основному началу справедливости, требующему пропорционального распределения тягостей, ибо закон должен быть один для всех. При исключительном господстве верхних слоев это начало нередко нарушается в их пользу; при владычестве демократа происходит обратное явление: большинство состоит из неимущих, которые, пользуясь своим превосходством, стремятся все тягости свалить на меньшинство. Чем резче в обществе противоположность богатых и бедных, тем ярче выступает это стремление. В древних республиках оно вело к тому, что на богатых людей возлагались громадные издержки не только на государственные надобности, но и для увеселения народа, окончательно эти отношения разрешались кровавыми междоусобиями и водворением деспотизма. В новое время в возрастающем развитии средних классов противоположность имущих и неимущих не обозначается так резко. Средние классы и в демократии сохраняют свое положение и стараются оберегать себя от излишних поборов...

Опасность, истекающая из этого направления, особенно велика тем, что чистая демократия, в-шестых, не знает никаких сдержек. Неограниченный монарх опасается возбудить неудовольствие и вельмож, и народа, которые могут восстать и низвергнуть правление. Точно так же и правящая аристократия всегда опасается народного возмущения. Демократии же бояться нечего, ибо она составляет большинство и у нее власть в руках. Она не только юридически, но и физически всегда сильнее всех, а потому не знает пределов своей воле. Она в каждую минуту может решить и исполнить все, что она хочет. И этот деспотизм не ограничивается одною политической областью; он охватывает все и проникает всюду...

Здесь качество распускается в количестве и отдается ему всецело на жертву. А так как от высшего качества зависит весь прогресс человечества, так как свобода составляет необходимое его условие, то демократия является в этом отношении величайшею помехой человеческому совершенствованию. Разливая в массах материальные и духовные блага, составлявшие достояние высших слоев,

она бесспорно представляет значительный шаг вперед; но безграничное владычество массы есть шаг не вперед, а назад. Оно неминуемо должно вызвать реакцию.

Результатом этой ничем не сдержанной воли большинства является, в-седьмых, шаткость всех общественных отношений. Древняя демократия славилась своим непостоянством. В новой демократии введение представительных учреждений и в особенности господство средних классов, устремленных на экономические выгоды и ввиду этого дорожащих порядком, ослабило, но не искоренило это зло. Внешняя политика остается по-прежнему игрищем общественных увлечений. Только там, где страна находится в нейтральном положении или удалена от исторического поприща, демократия может держаться, не обнаруживая в этом отношении своей несостоятельности...

Еще в худшем положении, нежели законодательная деятельность, находится, в-восьмых, правительственная власть при таком непостоянном, своевольном и малопросвещенном владыке. Стоя во главе государства, призванное руководить обществом демократическое правительство становится, между тем, чистым игрищем партий. Своим минутным обладанием власти оно пользуется не для достижения каких-либо отдаленных целей, не для удовлетворения прочных потребностей государства, которые выходят из пределов его мимолетного существования, а, главным образом, для доставления выгод своим приверженцам. Оно является слабым относительно массы и произвольным относительно соперников. Власть, состоящая в полной зависимости от большинства, не смеет ему противоречить. Поэтому народ может безнаказанно позволить себе всякое нарушение закона...

Из всего этого ясно, что демократию ни в коем случае нельзя считать идеалом человеческого общежития. Тем не менее, она не может быть безусловно осуждена. Выгоды ее велики, и весь вопрос заключается в том, которая из двух ее сторон перевешивает, светлая или темная. Здесь, так же как в аристократии, это зависит прежде всего от состояния общества и от свойств правящих классов. Необузданная демократия, не знающая сдержек и преувеличивающая свое начало, бесспорно составляет один из худших образов правления. Но умеренная демократия, уважающая свободу, которая составляет самое ее основание, и дающая простор всем разнообразным стремлениям общества, может быть весьма хорошою политическою формой, способною удовлетворять самым высоким потребностям человека, как доказали Афины во времена Перикла. Есть общества,

в которых иное правление даже немыслимо. В небольших государствах, при однородном составе, при большей или меньшей простоте жизни и малоразвитых потребностях демократия составляет естественную форму, в которую вливается общественная жизнь. То же самое можно сказать и о больших государствах, которые образуются союзом такого рода малых, особенно если естественные условия доставляли обеспечение массе и широкий простор для деятельности каждого, не ведут к противоположности и борьбе классов. Таково положение Соединенных Штатов... Монархическое начало не имеет здесь ни преданий, ни почвы. Трудно даже себе представить, чтобы Северо-Американский Союз когда-либо обратился в монархию. Наконец и там, где история всем своим ходом вела к установлению демократии, где, как во Франции, этому всего более содействовали крупные ошибки следовавших друг за другом монархий, которые сами подрывали свое существование, и еще более аристократии, которая в непостижимом ослеплении связала судьбу свою с отжившим порядком вещей, где все прошлое было вырвано с корнем и надобно было новое общественное здание воздвигать снизу, начиная с основания, там приходится мириться с демократическим правлением как с единственным возможным при существующих условиях, памятуя, что образы правления имеют значение не абсолютное, а относительное, и что существующий имеет за себя уже то громадное преимущество, что он составляет закон страны и что ниспровергнуть его можно только переворотом, менее всего желанным с точки зрения охранительных интересов. Когда демократия установилась, здравая политика заключается в том, чтобы дать ей правильный ход, воспользовавшись ее выгодами и умеряя ее недостатки. Обязанность каждого доброго гражданина, в особенности консерватора, содействовать этому по мере сил, а не стараться тайными и явными кознями ниспровергнуть существующий порядок вещей во имя чисто теоретических убеждений. Такой способ действия может служить лишь прикрытием личного честолюбия...

Нищенствующее и необразованное большинство всегда будет пользоваться предоставленную ему властью для того, чтобы улучшить свое благосостояние за счет богатых и обратить государственные средства в свою пользу. Противодействие этому стремлению должно лежать в самых условиях экономического быта. Оно заключается главным образом в развитии средних классов, которые, связывая высших с низшими, составляют настоящее ядро всякой здоровой демократии. Развитие же средних классов сопряжено, прежде

всего, с умножением движимого капитала, который, разливаясь более и более в массах и по своему характеру способствуя непрерывному передвижению общественных элементов, служит главным связующим звеном экономического быта, а вместе и опорой порядка, основанного на свободе и равенстве. К тому же ведет, с другой стороны, развитие мелкой личной поземельной собственности. Внушая человеку привязанность к земле, она дает демократическому строю незыблемые основы и составляет вместе с тем самый крепкий оплот против социалистической пропаганды. Во Франции все усилия социалистов разбиваются о сопротивление созданного Революцией класса мелких поземельных собственников. Поэтому здравая экономическая политика демократии должна состоять в содействии всему, что ведет к разлитою движимой и недвижимой собственности в массах, и в противодействии всему, что ведет к колебанию этого начала. От этого зависит вся ее будущность.

Из сказанного ясно, каковы должны быть орудия и способы действия демократии.

Демократическое государство, стоящее посреди других и участвующее в историческом движении, естественно, нуждается в войске. Как уже замечено, вербованными войсками могут довольствоваться только государства уединенные или нейтральные. Но с демократией несовместна постоянная армия, выделенная из народа и образующая как бы особое сословие. Ею всегда можно воспользоваться для подавления народной свободы. Истинно демократическое войско есть всенародное ополчение. Здесь войско и народ составляют одно; в них господствует один дух, а потому первое не может грозить опасностью последнему. Такой именно характер носят все современные европейские войска. Всеобщая повинность, при краткости срока службы, делает то, что почти все народонаселение в годах мужества находится или под оружием, или в запасе. Это имеет свои весьма невыгодные стороны. Такой порядок, особенно когда вследствие взаимного соперничества держав силы напрягаются до крайности, ложится тяжелым бременем на народ. Но, для демократии в особенности, он имеет и весьма существенные выгоды: он приучает народ к дисциплине, к подчинению, к уважению авторитета, а это — качества, которые более всего нужны именно там, где свободе предоставляется полный простор, где она составляет краеугольный камень всего политического здания. Свобода тогда только способна служить основой общественного порядка, когда она умеет себя сдерживать и признает над собою высшие, руководящие начала, а этому она

учится в войске. Нет сомнения, что в чрезмерном развитии военных сил для демократии кроется опасность. Пока нет войны, всенародное ополчение служит только школою дисциплины; против революционного меньшинства оно представляет самый надежный оплот. Но усиленные ополчения рано или поздно разрешаются войной, а для демократии нет ничего опаснее войны. Здесь требуется сосредоточение власти, стесняющее свободу; выдвигаются крупные военные таланты, которые привязывают к себе солдат. Счастливый полководец легко может сделаться властителем государства. Однако и в этом случае народное войско труднее сделать орудием для подавления народных прав, нежели всякое другое ополчение. Для этого надобно, чтобы сам народ, который с войском составляет одно, наскучив своеволием или увлеченный военною славой, пал к ногам победоносного военачальника. Но при таком настроении демократия сама по себе не может держаться.

Другое, столь же важное орудие демократического правления, есть бюрократия. По-видимому, нет ничего более противоречащего демократическому духу, как бюрократический характер управления. Так как основное начало демократии есть свобода, то все здесь должно исходить снизу; администрация должна покоиться на самой широкой системе местного самоуправления. В значительной степени это справедливо, но именно недостатки этого устройства здесь, более нежели где-либо, требуют восполнения. Местное самоуправление всего лучше действует там, где оно не имеет политического значения и где, поэтому, нет резкой борьбы партий, особенно вредной в тесном кругу. В демократии же весь политический строй на этом зиждется; поэтому местное самоуправление неизбежно становится поприщем раздоров, а при полной бесконтрольности — орудием хищения... Сдержкою в этой области может служить только существование прочной, организованной бюрократии, привыкшей к ведению дел и остающейся на своих местах при смене партий. Она одна способна обеспечить в государстве управление от беззастенчивого вторжения всех присущих ей весьма крупных недостатков, которые отчасти уже упомянуты выше и о которых мы подробно будем говорить ниже, приносимая ею в этом отношении громадная польза делает ее необходимым восполнением демократического самоуправления. Поэтому одна из главных задач здоровой демократической политики заключается в том, чтобы дать ей прочность, оградить ее от произвола и обеспечить пополнение ее образованными силами. Чем менее

устойчива владычествующая масса, тем устойчивее должны быть сдерживающие ее элементы.

Теми же соображениями определяются и способы действия демократии. Они сводятся к основному правилу, приложимому ко всем образам правления: нужна сила в чрезвычайных обстоятельствах и умеренность в обычном течении жизни. Но здесь сила легко становится чрезмерною, а умеренность с трудом соблюдается. Необразованная масса менее всех способна руководиться разумными правилами, а потому демократия более всех других образов правления склонна преувеличивать свое начало и увлекаться минутными порывами. Нет силы страшнее той, которую проявляет возбужденная толпа. Террор 1793 года и ужасы Парижской Коммуны служат тому свидетельством. Если первый вызван был внешними и внутренними опасностями, против которых революционному правительству приходилось бороться всеми средствами, то последняя не имела никакого оправдания...

Свойственная демократии склонность уступать революционным стремлениям составляет величайшую помеху умеренной политике даже и в обыкновенном течении дел. Она поддерживается желанием задобрить малоимущее большинство избирателей. Выдвигаются нравственные цели, которыми прикрывается политика обирания богатых в пользу бедных. К этому присоединяется и то важное обстоятельство, что вообще умеренные партии, расплываясь в массе, менее способны к крепкой организации, нежели крайние, обособляющиеся в своих исключительных требованиях или преследующие личные интересы. Смелое и крепко организованное меньшинство вынуждает уступки, если не успевает захватить власть в свои руки. Зло усиливается там, где партии, поднимающие знамя охранительных начал, являются врагами существующего порядка и тем заставляют умеренных демократов вступать в союз с радикалами. Таково именно положение Франции. Все уступки радикалам вызваны были образом действия монархической реакции, которая заслуживает самого строгого осуждения с точки зрения не только нравственных требований, но и здравой политики. И наоборот, нельзя отказать в уважении умеренной республиканской партии, умевшей среди борьбы страстей сохранить не только свое преобладающее положение, но и образ действий, чуждый партийных целей и способный вести к общему умиротворению. Конечно, этому, как уже замечено выше, значительно способствуют внешнее положение Франции, опасность со

стороны грозного врага и потребность приобрести союзы и сохранить общее уважение европейских держав...

Когда новая сила выступает на историческое поприще, полезно, чтоб она выказала все, что она может дать. Появление демократии принесло человечеству ту прочную выгоду, что она впервые обратила общее внимание на положение и интересы низших классов, которые дотоле оставались в пренебрежении. Полезно, чтобы эти интересы всегда пользовались должною гарантией. С этой точки зрения, демократия всегда должна остаться существенным элементом государственной жизни...

Причины падения демократии могут быть внешние и внутренние. Первые происходят из столкновений с другими державами. Выше было уже замечено, что войны опасны для демократии. Несчастливая война обнаруживает ее слабость и рождает потребность сосредоточить власть в руках единого вождя. Успешная война ведет к непомерному самопревознесению и разнуздывает все страсти. Не опасаясь внешнего врага, партии начинают раздирать друг друга, пока счастливый полководец не положит конца внутренним смутам и не наложит узды на своеволие массы.

Внутренние причины упадка все сводятся к устранению сдержек, полагающих преграды своеволию или деспотизму большинства, а именно к избавлению себя от всяких сдержек народное правление всего более склонно. Демократия извращается и падает: 1) когда ослабляется или уничтожается авторитет верхней палаты, имеющей призвание сдерживать увлечения массы или непосредственных ее представителей; 2) когда судебная власть теряет свою самостоятельность; 3) когда закон перестает быть один для всех и устанавливаются привилегии для низших классов в виде прогрессивного налога, изъятия от податей и т.п.; 4) когда борьба партий обострится до такой степени, что сохранение внутреннего порядка становится затруднительным; 5) когда деспотизм большинства, посягая и на внешнюю и на внутреннюю свободу человека, делает не только общественную, но и частную жизнь нестерпимую и тем подрывает самые основы демократического правления.

Последние две причины достигают высшей степени напряжения с распространением социалистических учений. Нет общественного устройства более противоречащего коренным началам демократии, как то, о котором мечтают социалисты. Вся сущность и сила демократии заключается в свободе, а социализм есть подавление всякой свободы и замена ее всеохватывающею

деятельностью государства. Это деспотизм толпы, не знающий никаких границ и подавляющий все, что есть святого и независимого в человеке. Лицо превращается в чистое колесо громадной общественной машины. Подобный порядок вещей до такой степени противоречит всему существу и требованиям человеческой природы, что полное его приложение к жизни совершенно немыслимо. Но именно поэтому стремление к осуществлению такого общественного строя неизбежно производит в обществе глубочайший разлад. Не только высшие, но и средние классы, все, что имеет некоторый достаток и образование, не могут не противиться всеми силами учениям, грозящим разрушить все их благосостояние, а вместе и всякое разумное общежитие; и чем больше сопротивление, тем больше, с другой стороны, ожесточение социалистов. Они всеми средствами разжигают страсти невежественных масс, морочат их теориями, в которых они ровно ничего не понимают, вдыхают в них зависть и ненависть к высшим классам и ведут их сомкнутыми полчищами на разрушение существующего общественного порядка. Политическое право служит для них только удобным орудием борьбы; истинная же цель, не скрываемая фанатическими последователями этих учений, состоит в насильственном ниспровержении не только политического, но и всего общественного строя, во имя безобразного и неосуществимого идеала, носящегося в отуманенных головах. Плодом этих стремлений могут быть только страшные междоусобия, примеры которых мы видели в июньские дни и во времена Парижской Коммуны. При таких условиях демократия, очевидно, не может существовать. Самым опасным ее врагом является социализм именно тем, что, доводя до крайности все присущие ей недостатки, он тем самым подрывает ее основы и обнаруживает ее несостоятельность. Там, где социализм становится грозною силой, демократии предстоит неизбежное и быстрое падение.

Мы видели, что существенный недостаток как чистой аристократии, так и чистой демократии заключается в отсутствии сдержек, мешающих власти выходить из должных пределов и делаться притеснительною. Этот недостаток устраняется там, где обоим элементам дается участие в правлении. Этим способом образуется смешанная республика. Она имеет то значительное преимущество перед аристократией, что она не исключает народа из правления, следовательно, интересы массы ограждены перед демократией, что она дает самостоятельную силу аристократическим элементам, следовательно, устраняет безграничное владычество массы, а вместе и унижение или ограбление высших

классов низшими. Наконец, она имеет то преимущество перед всяким чистым образом правления, что тут устанавливается система сдержек и взаимный контроль властей. Там, где верховная власть сосредоточивается в одних руках, чьи бы они ни были, произвол не встречает преград. Неограниченная власть может изменять законы и прилагать их по своему усмотрению; тут нет ни контроля, ни сдержки. Поэтому всякий чистый образ правления, каковы бы ни были другие выгоды, может, по самому существу своему, превратиться в деспотизм; а так как для власти нет большего искушения, как ее безграничность, то в каждом из них существует эта склонность. В смешанном правлении, напротив, верховная власть разделена; одна власть воздерживается другою, от нее независимую, следовательно, каждая привыкает к умеренности и законности, злоупотребления становятся затруднительнее, одним словом, здесь властвует не произвол, а закон. Поэтому разделение властей составляет первую и главную гарантию свободы граждан.

Оно имеет и другие выгоды. При таком устройстве самые решения гораздо обдуманнее и осмотрительнее; здесь необходимо принять в соображения все интересы, ибо отдельная власть не может решать общественных дел по своему усмотрению. Независимые друг от друга органы принуждены совокупными силами искать наилучшего решения; оно устанавливается вследствие сделки между различными элементами. Сделки же составляют первое условие умеренной политики; посредством взаимных сделок и уступок каждый общественный интерес получает свое место и значение в общем государственном строе.

Но эти весьма существенные выгоды имеют и свою оборотную сторону. Всякий смешанный образ правления страдает коренным недостатком: здесь власть разделена, и потому нет единства направления; а где нет единства, там легко возникает борьба. Из этой дилеммы невозможно выйти: сосредоточенная власть рождает произвол, разделенная власть рождает борьбу. От состояния общества и от взаимного отношения входящих в состав его элементов зависит, которое из этих двух зол оказывается меньшим. Первая общественная потребность всегда состоит в охране порядка, для чего необходима сильная власть; борьба остается безвредною, только когда она не нарушает порядка и не расшатывает общественных основ. Если независимые власти способны действовать согласно, воздерживая друг друга лишь в тех случаях, когда они выходят из должных пределов, то подобное сочетание порядка и свободы представляется наиболее желательным; но для того чтобы такое устройство могло

правильно действовать, нужно много практического смысла и в правительстве и в народе. Надобно, чтобы все деятельные элементы общества привыкли к самовоздержанию и чтобы противоположность интересов не была такая, которая бы вызывала непримиримую борьбу...

Можно сказать, что из всех образов правления смешанная республика заключает в себе наименее условий прочного существования. Однако, несмотря на все это, история показывает нам примеры смешанных республик, которые не только существовали очень долго, но и достигали высшей степени величия и славы. В этом отношении Рим является неподражаемым образцом политической мудрости для всех времен и народов. Ясное сознание целей и средств, обдуманность решений, неуклонное постоянство в исполнении задуманных предприятий, непоколебимая твердость в величайших опасностях, полное единение против внешних врагов, несмотря на внутренние раздоры, пламенная любовь к отечеству, которому все приносилось в жертву, привели к тому, что маленькая община сделалась властителем мира. Недаром Макиавелли видел в Римлянах идеал политического поведения. Изучение их истории показывает, при каких условиях и какими средствами смешанные республики держатся и растут...

Преобразование сословного порядка в общегражданский совершается обыкновенно действием сверху. Но когда этот шаг сделан, когда привилегии отменены, когда исчезло крепостное право, изъятие от податей и повинностей, преимущества по службе и все граждане одинаково подчинены общим законам, тогда главные невыгодные стороны представительных собраний отпадают и остается приносимая ими польза: живое участие общества в делах государства, знакомство правительства с местными нуждами, всестороннее обсуждение вопросов, выделка людей, наконец, политическое воспитание как правительства, так и народа. Можно сказать, что водворение общегражданского порядка есть вместе признание зрелости общества. Водворяя общую свободу, правительство тем самым объявляет, что народ вышел из пеленок и не нуждается в опеке. С тем вместе частные привилегии заменяются общими правами. Без такой замены преобразование сословного строя в общегражданский было бы шагом не вперед, а назад на пути гражданского развития.

Нельзя, однако, ожидать, что общество, внезапно призванное к участию в делах государства, сразу окажется способным к исполнению своего назначения. Способность развивается упражнением; политическая зрелость приобретается опытом. Ее никогда не достигнет народ, исключенный из политической жизни.

Журнальные толки без всякого влияния на решения и без всякой ответственности не в состоянии заменить практического занятия общественными делами. Отрешенные от настоящей политической жизни, они скорее способны дать общественной мысли отвлеченно теоретическое направление или поддерживать бесплодное раздражение. Постоянное же занятие ограниченным кругом мелочных местных дел, без всякой связи с общими вопросами, порождает рутину. Живой интерес исчезает, и общество погружается в равнодушие. Вывести его из этого состояния может только настоящее приобщение к политической жизни. Этим расширяется кругозор, поднимается общественный дух, вызываются высшие способности человека; одним словом, только тут есть настоящая почва для политического воспитания.

Еще более времени нужно для образования прочно организованных партий, способных управлять государством. Партии создаются историей. При всяком переломе народной жизни, даже при всяком движении вперед, общество разделяется внутри себя: в нем борются защитники старого и приверженцы нового порядка. К этому присоединяется различие интересов, местностей и народностей. Но для того, чтобы это разногласие направлений могло сплотиться в прочные политические группы, нужен долговременный опыт политической жизни...

Из шатких и раздробленных элементов общественного мнения правительства организовать невозможно. Это будет лишь мимолетное построение...

Какова бы, однако, ни была борьба партий, главные опоры государственной силы, войско и бюрократия, должны оставаться от нее в стороне. Войску обыкновенно даже воспрещается подача голосов при выборах. Партийная борьба разрушает необходимую в нем дисциплину. Войско не рассуждает, а повинуется. Однако для конституционного порядка тут может быть опасность. Военная сила, безусловно подчиняющаяся королю, может быть употреблена как орудие для ниспровержения законного порядка. Маколей приписывал развитие свободных учреждений в Англии именно тому, что у королей не было постоянного войска. Но это было возможно лишь при изолированном положении Англии. Там, где постоянное войско необходимо для внешней защиты, приходится прибегать к другим гарантиям. В Общем Государственном Праве обсуждался уже вопрос о допустимости военной присяги не только королю, но и основному закону. Юридическая точка зрения не разрешает, однако, вопроса. Все

зависит от духа, господствующего в войске. Если оно предано королю и презирает парламент, оно все-таки останется послушным орудием в руках первого. Чем войско стоит ближе к народу и теснее с ним связано, чем большее число граждан несут воинскую повинность и чем короче сроки службы, тем более дух войска отражает в себе дух самого народа. Если народ дорожит конституцией и противится ее нарушению, войско будет с ним заодно. Власть не решится употребить его для подавления восстания в пользу законного порядка. Последнее не есть уже дело партии, а обязанность каждого гражданина.

Точно так же и бюрократия должна оставаться в стороне от борьбы партий, иначе она не может сохранить своего беспристрастного положения и должна будет меняться при каждой смене правительства. Однако чиновникам невозможно воспретить подачу голоса по личному убеждению. Тут не требуется такая дисциплина, как в армии. Посвящая себя государственной службе, чиновник не перестает быть гражданином, а голос нельзя подавать против совести. Но служащим может быть запрещено участие в политической агитации. Это — ограничение, которое налагается на них служебными обязанностями. Служащий не может оставаться агентом правительства и действовать ему наперекор. Если же воспрещается действие в одну сторону, то оно должно быть воспрещено и в другую. Лично за себя служащий может подавать голос как ему угодно, но официально он сохраняет нейтральное положение. При парламентском правлении, где часто сменяются партии, оно вдвойне необходимо. Но именно поэтому давление правительства на выборы посредством чиновничества не может быть оправдано. Бюрократия, управляющая совокупными интересами народа, должна стоять в стороне от общественной борьбы; только этим обеспечивается правильное течение дел. Поэтому здесь более, нежели где-либо, важны законы, строго определяющие порядок службы и ограждающие служащих от произвольных смещений, как это установлено в Германии. О судебной власти и говорить нечего. Полная ее независимость составляет первое требование конституционного порядка...

Сложные государства. В Общем Государственном Праве были изложены различные виды сложных государств: соединения, личные и реальные, союзные государства и союз государств. Из всех этих форм личные соединения составляют чисто случайные явления, возникающие не из государственных потребностей, а из династических отношений или временных комбинаций. Они имеют значение настолько, насколько они приближаются или могут вести к реальной связи.

Реальные же соединения имеют важное политическое значение как внешнее, так и внутреннее. Тут возникает вопрос, что выгоднее: сохранение ли отдельных государств, связанных лишь общим главою, или объединение их под совокупною верховною властью?

Этот вопрос неоднократно возбуждался в разных странах в нынешнем столетии. Выгоды, проистекающие от объединенного управления, столь велики, что в правительствах является естественное поползновение слить раздробленные части в одно нераздельное целое. Однако эти попытки почти всегда разбивались о стремления частей к самостоятельной жизни и об исторические условия их существования.

Очевидно, что этот вопрос не подлежит общему решению. Все тут зависит от исторических и фактических условий, содействующих или препятствующих объединению. Самая важность вопроса совершенно различна в тех случаях, когда соединяемые страны более или менее равносильны или когда одна из них имеет, по крайней мере, возможность отстаивать свою самостоятельность против притязаний другой, и в тех, когда одно государство имеет громадный перевес, а другое составляет только придаток...

Отношение центральной власти к местным составляет важнейший вопрос и в государствах, где господствует союзное устройство. В Общем Государственном Праве мы видели две главные формы такого рода единений: союзное государство и союз государств. В первом преобладает единство, во втором — самостоятельность частей. Мы видели и главные юридические признаки, которыми одно отличается от другого. Здесь мы должны изложить выгоды и недостатки обеих форм, а также средства и способы действия, которыми они располагают.

Союзные государства имеют целью соединить выгоды больших государств и малых, сохранить местную свободу и самоуправление, образовавши, однако, достаточную политическую силу, чтобы противостоять внешним врагам и обеспечить совокупные интересы народа. Это устройство имеет значительные преимущества перед раздробленными, мелкими государствами, которые не в состоянии ни отстаивать свою независимость, ни создать сколько-нибудь широкие интересы, способные поднять общественный дух и привлечь лучшие силы к общему делу. В этом отношении оно представляет несомненные выгоды и в сравнении с союзом государств, который всегда страдает слабостью центральной власти, а вследствие того медленностью и трудностью всякого совокупного

действия. С другой стороны, оно имеет некоторые существенные преимущества и перед единичным государством. Во-первых, раздробление правительственной власти и распределение ее по различным центрам дает большие гарантии свободе. Центральная власть не имеет совокупной государственной силы в своих руках, а потому не может употреблять ее по своему произволу, она везде встречает сдержки и преграды. Точно так же и властвующая партия не господствует беспрепятственно всюду; в местных центрах она встречает отпор. Вследствие этого, во-вторых, здесь является большая возможность устроить местное управление согласно с местными интересами, не подчиняя его далекому центру. При таких условиях, в-третьих, все разнообразие жизни может получить полное развитие. Интересы одной местности не приносятся в жертву другим. Даже различные народности могут совмещаться в общем устройстве, чему пример представляет Швейцария. Вследствие этого, в-четвертых, политическая и общественная жизнь более или менее равномерно разливается всюду. Все не стягивается к столице, в ущерб оконечностям. В стране образуются многочисленные центры просвещения, каждый со своими особенностями; вместо однообразного направления устанавливается согласие в разнообразии, что и составляет высшую цель общественного развития.

Однако это раздробление власти по различным центрам имеет и свою обратную сторону.

Во-первых, устанавливая всюду задержки, союзная форма умножает возможность столкновений. В единичном конституционном государстве верховная власть также разделена, но соглашение нескольких сосредоточенных сил, которые все направлены к общей пользе, несравненно легче, нежели соглашение центральной власти со множеством местных, имеющих в виду прежде всего свои собственные интересы. В конституционном правлении требуется соглашение властей ввиду совокупного дела, и как скоро оно установилось, правительство может действовать беспрепятственно. Здесь же каждая власть сдерживается в известных границах, имеет свой определенный круг действия, который она не должна преступать. А точно определить эти границы почти невозможно, потому что местные дела и общие тесно связаны и деятельность одних властей входит в область других, а так как и те и другие власти державные, то приходится разбирать спор судебным порядком. Но в политических делах суд, даже при наилучшем устройстве, далеко не всегда действует удовлетворительно...

Во-вторых, из этого неизбежно проистекает слабость центральной власти. Она стеснена со всех сторон. Слишком значительной силы ей нельзя придать, ибо она может употребить ее во зло и уничтожить державные права отдельных государств. Здесь требуется уравнивание как силы, так и права. Но вследствие этого центральная власть во многих отношениях ставится в зависимость от местных властей, которые сторожат ее ревниво, опасаясь уменьшения своих прав. В последних является естественное стремление забрать как можно более силы в свои руки. Особенно те, которые держатся иного политического направления, нежели центральная власть, стараются оказать последней всевозможные препятствия, на что они имеют достаточно средств. Чтобы приводить свои решения в исполнение, центральное правительство должно опять же прибегать к суду или действовать силою, что может вести к междоусобной войне.

Слабость центральной власти ведет, в-третьих, к преобладанию местных интересов над общими. В единичном государстве у всех перед глазами интересы всего народа и всего государства. Граждане привыкли считать себя членами одного целого; у всех одно отечество, которому все готовы приносить нужные жертвы. Это нередко ведет к пренебрежению местными интересами; но эта невыгода далеко не так ощутительна, как подчинение общих интересов местным. В союзном государстве у каждого гражданина два отечества. В местной сфере протекает вся его жизнь; в ней сосредоточены все его интересы; в ней он играет несравненно большую роль, нежели в общем союзе. Поэтому он ревниво смотрит на всякое расширение деятельности центральной власти; он видит в этом посягательство на свои права. Чем обширнее государство, чем отдаленнее центр, тем эти стремления проявляются с большей силой. Нужно живое сознание внутренней неурядицы или внешней опасности, чтобы противодействовать этому течению...

Такое преобладание местных интересов влечет за собою, в-четвертых, все невыгоды мелких государств: деспотизм большинства, плохие местные законы, измельчание целей и взглядов. Частные притязания получают подобающее им значение. Потребность же оградить себя от захватов рождает узкий оппозиционный дух и упорство в мелочных вопросах права. Общие взгляды исчезают; в народе развивается чисто практическое направление или же он приучается к искусственным комбинациям и к формализму, в ущерб живому содержанию дела. Первое мы замечаем у североамериканцев, второе было

господствующую чертою немцев до последних событий, выведших их на более широкий путь.

К этому присоединяется, в-пятых, неизбежное столкновение интересов при разнообразии местных особенностей. Если возникает вопрос крупный и возбуждающий страсти, то неминуемы внутренние раздоры, для которых союзное устройство представляет самую благодарную почву. Отдельный штат не обязан безусловно подчиняться воле целого; в его полудержавных правах интересы меньшинства находят самую крепкую опору, и если большинство не идет на уступки, союзу грозит распадение...

Победа центральной власти не ведет к благоприятным последствиям. Междоусобные войны не проходят даром. Семена взаимной ненависти глубоко западают в души. Побежденные считают себя несправедливо обиженными, а потому не могут питать привязанности к Союзу и быть не только на словах, но и на деле истинными его гражданами. Еще хуже, когда победа привела к расстройству всего их внутреннего быта, как это случилось в Соединенных Штатах. Все общественные страсти были разнузданы; честолюбие и алчность не видели перед собою уже никаких преград. Все устремилось на расхищение общественного достояния. Союз, который прежде не знал, куда девать деньги, стоит на краю банкротства. Самые невероятные теории, прикрывающие частную корысть, становятся лозунгом в борьбе партий. О нравственном значении Союза никто уже не думает; прежде столь высоко стоявшие Соединенные Штаты представляют ныне картину самой ожесточенной внутренней борьбы из-за личной наживы.

При таких значительных невыгодах союзного устройства нужны особенные условия для того, чтобы оно могло держаться.

Прежде всего необходимо некоторое единство в интересах, нравах, понятиях и учреждениях. Враждебные интересы ведут к столкновениям, а при удобном случае и к распадению союза. Точно так же и противоположность воззрений может вести к разрыву, если меньшинство довольно сильно, чтобы себя отстоять. В Швейцарии вспыхнула междоусобная война вследствие того, что католические кантоны образовали особый союз в противоположность протестантским. Однако самый этот пример показывает, что различие вероисповеданий при господстве веротерпимости не служит препятствием союзному устройству. То же подтверждается и Германией. Важным фактором является единство национальности. Оно служит главною связью Соединенных

Штатов, где англосаксонское племя господствует нераздельно. Оно же было главной причиной возрождения Германской Империи. Однако в Швейцарии три разные национальности уживаются мирно в одном союзе. Кантональное устройство дает им ограждение, а между тем, единство материальных интересов при обособленном положении небольшой страны, лежащей среди гор, а также и общность демократических учреждений служат им связью. Отдельные кантоны, и даже совокупность нескольких, слишком слабы для самостоятельной жизни; в единении с другими они находят и опору и интересы более широкого свойства. Главным же объединяющим началом всякого союзного устройства является единство исторических судеб. Союзные государства образуются из державных или полудержавных государств, сохранявших между собой постоянную историческую связь. Где история не установила этой связи, скорее образуется единичное государство с более или менее развитою провинциальною жизнью.

Во-вторых, важным условием союзного устройства является величина соединяющихся государств, которые в нем находят опору своей независимости и легче подчиняются центральной власти, нежели более или менее значительные державы, имеющие в себе самих прочные условия самостоятельного существования. Если же соединяются большие государства с малыми, то необходимо, чтобы одно из них имело значительный перевес над остальными, так чтобы последние примыкали к нему как центру...

В-третьих, существенную важность имеет и международное положение союза. Нейтральное положение, как в Швейцарии, или обособленное, как в Соединенных Штатах, позволяет довольствоваться более или менее слабою центральною властью. Здесь союзное устройство со всеми его осложнениями не представляет опасности. Наоборот, близость могущественнейших соседей побуждает раздробленные государства образовать более крепкое единение, нежели простой союз. В Германии после наполеоновского владычества в начале нынешнего столетия все горячие патриоты желали восстановления Империи, с более крепкой властью, нежели та, которая была установлена в Германском Союзе. Возникшее отсюда национальное движение приобретало все более и более силы, пока, наконец, в наши дни эти стремления увенчались полным успехом. Те же опасения поддерживают существующее ныне устройство...

Вообще, союзное государство легче устанавливается в демократической форме, нежели в монархической. В демократии один и тот же народ, которому принадлежит верховная власть в отдельных штатах, остается обладателем ее и в

союзе. Вся власть идет снизу, исходя от лица, и смыкаясь на разных ступенях в более и более обширные союзы. Каждый гражданин сознает себя полноправным членом и большего, и меньшего целого...

Различие монархического и демократического устройства союзного государства рождает и различное отношение их к государственным силам. Это выказывается в особенности относительно войска. В обоюродных союзах войско является народной силой; но в демократии оно доводится до наименьшей, в монархии до наибольшей степени. В Швейцарии вовсе нет постоянного войска, а есть только кантональная милиция, состоящая под надзором Союза. В Соединенных Штатах милиция состоит в полном ведении штатов; союзное же правительство в обыкновенное время располагает весьма небольшим количеством вербованного войска. Во время междоусобной войны была введена конскрипция; но тотчас после восстановления мира она была отменена и армия распущена. В Германской Империи, напротив, установлена самая широкая и крепко организованная система всенародного войска, находящегося под начальством императора. Угрожавшие империи опасности заставляют держать наготове громадное количество военных сил и ставить их в полное распоряжение центральной власти.

Несравненно меньшее значение имеет бюрократия. Принципиально союзная власть не вмешивается во внутреннее управление отдельных штатов, а потому и не нуждается в большом количестве чиновников. Однако учреждения, составляющие совокупный интерес страны, находятся в ее руках и требуют общего управления. Чем сильнее стремление расширить ведомство центральной власти, тем более умножается количество подведомственных ей чиновников... При всем том, административное ведомство союза всегда далеко уступает местному. Связующим элементом государственной жизни, каким оно является в единичном государстве, чиновничество быть не может.

Тем важнее в союзе значение суда. Нигде он не играет такой политической роли, как в союзном государстве, где он призван разрешать всякие пререкания, возникающие между центральной властью и местною, и точно определять права обеих. Своим развитием конституция Соединенных Штатов обязана, главным образом, деятельности верховного суда. Особенно славится в этом отношении имя верховного судьи Маршалля. Понятна поэтому высокая важность замещения судебных должностей людьми беспристрастными...

Сама по себе верховная власть, разделенная между многими центрами, не имеет достаточно сил и средств для прочного существования. Она держится только постоянным согласием членов и общим духом, живущим в народе. Поэтому вся политика союзного государства должна быть направлена к поддержанию этого нравственного единства, а это можно сделать только соблюдением всех интересов. Если во всяком сложном государственном устройстве требуется прежде всего дух умеренности, то в союзном государстве вдвойне необходим он, ибо оно устанавливается именно затем, чтобы, не ослабляя силы союза, дать возможный простор всем местным особенностям. Здесь менее, нежели где-либо, позволительно жертвовать интересами одной части союза интересами другой. Можно сказать, что степенью внимания к местным интересам и стремлением к соглашению определяется истинная оценка господствующего в союзном государстве направления...

В большом государстве с разнообразными условиями, среди народа, привыкшего к самой широкой свободе, союзное устройство, несмотря на все свои совершенства, имеет такие громадные выгоды, что его ничто не может заменить. Настоящее течение идет не к ослаблению, а к усилению центральной власти. Рано или поздно, однако, и в этом отношении несомненно произойдет реакция. Как было замечено выше, очередные смены централизма и федерализма составляют естественное явление в союзных государствах. Одностороннее развитие одного направления в себе самом носит свой противовес: дойдя до крайности, оно обнаруживает все свои невыгодные последствия и тем самым вызывает реакцию. Практический народ более всякого другого способен понять истинные требования жизни.

Союзное государство имеет громадные преимущества и перед союзом государств. В последнем центральная власть еще слабее, деятельность еще медленнее и затруднительнее. Для всякого решения нужно соглашение многих независимых правительств; исполнение же предоставляется доброй воле тех, на кого оно возлагается; собственных органов союз не имеет. Практические невыгоды такого порядка и несоответствие его национальным требованиям именно привели к тому, что как в Европе, так и в Америке союзы государств превратились в союзные государства. Первый пример подали Соединенные Штаты. Союзная конституция 1787 года составляет один из великих памятников человеческого законодательства, и способ, каким она была установлена, не может не возбуждать глубокого уважения к тем людям, которые в то время стояли во

главе великой трансатлантической республики. Тут не было ни малейшего насилия или принуждения. Люди добровольно собрались для обсуждения существующего положения; штаты послали лучших своих представителей. Вопросы обсуждались всесторонне и беспристрастно; решения принимались с величайшей осмотрительностью и дальновидностью. И прения Конвенции, и журнал «Федералист», который издавался вождями этого движения, могут служить образцами политической мудрости. И когда из этих прений выработалась, наконец, союзная конституция, она никому не была навязана насильно; штаты приглашены были добровольно ее принять. Одни сделали это раньше, другие позднее, но все не иначе, как в силу разумного сознания ее пользы. Вследствие этого она получила такую крепость, которая сделала ее способною противостоять даже самой страшной междоусобной войне.

Не то произошло в других странах, совершивших тот же поворот. В Швейцарии поводом к превращению союза государств в союзное государство послужили религиозные распри, в которых выказывалась величайшая нетерпимость. Для низвержения католических правительств организовались в соседних кантонах вооруженные шайки, против которых центральная власть не давала надлежащей защиты. Это и повело к образованию отдельного союза католических кантонов. Но господствовавшая в центре радикальная партия не хотела его терпеть. Он был подавлен силою, и радикалы воспользовались своею победой для преобразования союзных учреждений. Здесь усиление центральной власти было не результатом общего сознания в необходимости этой меры, а средством упрочить повсюду торжество радикализма. Точно так же и объединение Германии было не плодом всенародного сознания, а последствием побед прусского войска, сперва над союзною Австрией, а затем над Францией. Поэтому и результатом его было не мирное соглашение разнообразных интересов, а многочисленные захваты, сделанные с целью усиления Пруссии, во имя голого права силы. Это и привело окончательно к господству всеподавляющего милитаризма.

Несмотря на явные его политические невыгоды, союзу государств нельзя, однако, отказать в существенном историческом и даже теоретическом значении. Там, где нет достаточных условий для образования союзного государства, где различные народности, связанные общим положением и совокупными интересами, стремятся к сохранению своей самостоятельности или где исторически возникшие правительства, пользующиеся привязанностью народа,

дорожат своею независимостью и имеют достаточно средств для ее поддержания, наконец, где есть соперничающие державы, из которых ни одна не хочет подчиниться другой, там союз государств, обеспечивающий внешнюю безопасность и сохраняющий единство народного сознания и общих интересов, составляет самый лучший исход. Государства соединяют свои силы для внешней защиты, а внутренняя жизнь течет законным порядком, разбиваясь на отдельные центры и тем самым способствуя полному проявлению всего своего внутреннего разнообразия. Однако рано или поздно общение интересов рождает потребность более тесного единения. В особенности новейшие успехи промышленности и вытекающие отсюда постоянные живые сношения ведут к этому с неотразимою силой. Кроме внешней защиты, требуется таможенное объединение. Устройство связной сети железных дорог, почтовых и телеграфных сообщений, а для всего этого нужно общее управление; раздробленность представляет слишком большие невыгоды. Потребность же общего управления влечет за собою установление центральной власти, облеченной большими или меньшими правами, но во всяком случае выходящей из пределов простого союза, установленного для внешней обороны. Таким образом, союз государств переходит в союзное государство, с устройством, приуроченным к существующим потребностям и условиям страны.

С другой стороны, как союзное государство, так и союз государств только в исключительных случаях выходят из пределов народности. Когда обломки трех разных народностей стеснены, как в Швейцарии, в небольшое пространство и принуждены жить рядом, между ними естественно образуется связь, которая и ведет к большему или меньшему политическому единению. Вообще же, союзное устройство в том или другом виде опирается на единство народного духа, который и служит ему самую сильную поддержкой. Поэтому от свойств народной жизни и от разнообразия присущих ей элементов зависит установление той или другой государственной формы. Общего правила тут нет. Единый, крепкий в себе народ, не имеющий внутри себя глубоких местных различий, всегда будет стремиться к образованию единичного государства. Наоборот, там, где местные и исторические различия глубоки и сильны, где живы привязанности к своим родным особенностям, там естественно образуется или союзное государство, или, при невозможности установить более или менее крепкое единство, союз государств. За пределами же народности начинаются международные отношения, которые, в свою очередь, могут быть более или менее тесны. Народы,

принадлежащие к одному племени, например славянские, могут быть воодушевлены весьма сильным сочувствием друг к другу и стремиться к взаимному сближению; отношения их все-таки остаются и должны оставаться международными. Федерация славянских племен под гегемонией России принадлежит к области мечтаний. Такая форма политически несостоятельна. Державные государства могут заключать между собою союзы во имя общих интересов; одно может иметь большее или меньшее влияние на другие; но постоянная федеративная связь предполагает принудительную силу, которая несовместна с державным положением государств. Федеральная власть при расширении союза неизбежно будет слаба, а слабая власть хуже простого соглашения. Последнее легче устанавливается добровольно, нежели принудительно. Где есть общие интересы, там легко сговориться, а где интересы влекут врозь, там принудительная власть ничего не достигнет, а будет только служить постоянным источником взаимного раздражения и столкновений. Поэтому в истории федерации племен обыкновенно служат только поприщем внутренних раздоров. Только когда одно государство значительно преобладает над другими и одно ведет дела союза, последний может сохранить большую или меньшую прочность. Но это уже собственно право силы, а не нормальное союзное устройство. В подчиненных членах всегда остается стремление к самостоятельности, которая и проявляется при малейшей неудаче. История греческих гегемоний представляет тому наглядные примеры.

В результате мы должны повторить представлявшееся уже много раз заключение, что государственное устройство зависит от характера и условий народной жизни. Все разнообразие человеческого развития выражается в различии политических форм. Одни из них могут быть выше, другие ниже, но ни одна не имеет безусловного значения, а все они настолько заключают в себе силы и прочности, насколько они соответствуют состоянию и потребностям общества. В политике мы имеем дело не с абсолютными, а с относительными началами.

Политика законодательства. В Учении об Обществе мы определили понятие о развитии. Мы видели, что человеческое развитие существенно состоит в том, что умственное, нравственное и материальное достояние одного поколения передается следующему, которое, в свою очередь, перерабатывает его, умножает и передает своим преемникам. Через это образуется непрерывный процесс, в котором постепенно излагается содержание духа, а вместе с тем расширяется владычество человека над окружающею его физическою природою. В этом общем

движении, обнимавшем все человечество, каждой народ участвует сообразно со своим характером, при живом взаимодействии с другими. Каждый вносит в него свой вклад и воспринимает то, что сделано другими.

Нигде эта преемственная духовная связь не выражается так ярко, как в государственной жизни. Здесь следующие друг за другом поколения образуют единое юридическое лицо, которое сохраняется непрерывно в течение веков, несмотря на смену людей и учреждений. Это лицо облечено верховною властью, которая может менять свои формы, но по существу своему остается тождественною с собою, управляя сменяющимися поколениями, исполняя обязательства предков и передавая свои обязательства потомкам. Такое лицо составляет как будто юридическую фикцию, но эта фикция вытекает из самой глубины человеческого духа. Она выражает то постоянное, что заключается в процессе развития. Это постоянное духовное начало связывает прошедшее с будущим; оно составляет для человека высшую цель его деятельности; ему он жертвует лучшими своими силами, силами и с самою своею жизнью. Оно представляет ему идею отечества.

Юридическою связью государства служит, как мы знаем, закон (*lex est vinculum societatis*). Он делает из государства юридическое лицо; в силу закона власть переходит от одних лиц на другие, сохраняясь неизменно в своем существе; в силу закона подданные ей повинуются. С самого появления своего на земле человек уже связан этой связью и обязан подчиняться этому господствующему над ним порядку; он рождается членом высшего целого. Отсюда первый и основной элемент всякого законодательства — элемент постоянства. В нем выражается самое постоянство государственной жизни, связывающей отдаленные поколения в одно живое, непрерывное целое. В этом состоит начало предания.

Но как в государственной жизни, так и в выражающем ее законодательстве есть и элемент изменения. Человеческие общества не остаются неподвижными, навеки связанными одними и теми же законами и формами; они развиваются. Излагая постепенно духовное свое содержание и вступая в живое взаимодействие с другими, общество проходит через различные последовательные ступени, из которых каждая имеет свой характер и свои особенности, нередко вовсе не похожие на предыдущие, хотя связанные с ними непрерывною нитью. Главной пружиной этого поступательного процесса является стремление человека к улучшению своего состояния. Он не довольствуется тем, что ему дано; он ставит

свои высшие цели. Он сравнивает настоящее свое положение с теми идеалами, которые указывает ему его разум и которые он носит в своей душе. Как разумное существо, он хочет осуществить эти идеалы в своей жизни: в этих видах он работает для будущего. Как нравственное существо, он ищет не только личного своего удовлетворения, но и пользы других; целью его деятельности становится улучшение общественного быта. Эти идеальные стремления естественно отражаются и на законодательстве, которое изменяется сообразно с изменениями общественного настроения и с теми целями, которые ставит себе общество. В этом состоит начало прогресса.

Эти два начала, предание и прогресс, составляют существенные элементы всякого законодательства. На первом основана связь его с прошедшим, на втором — отношение к будущему. Идеальная цель состоит, очевидно, в разумном сочетании обоих, но в действительности или то или другое является преобладающим, и это дает самому законодательству особенный отпечаток. Из первого рождается законодательство историческое, из второго рациональное. Оба имеют свои весьма существенные выгоды и недостатки.

Историческое законодательство имеет то неотъемлемое и громадное преимущество, что оно не отрешается от жизни, но следует за нею, примыкая к существующим условиям и изменяя их по мере изменения самих потребностей. Таким образом, оно не нарушает установившихся привычек, прав и интересов, а незаметно, шаг за шагом, переводит один порядок вещей в другой. Оно представляет естественный, органический рост законодательства.

Вследствие этого оно по преимуществу носит национальный характер. Следуя за развитием народной жизни, оно отражает в себе все духовные особенности народа, как они выражаются в его общественном быте и в постепенно изменяющихся отношениях. Отсюда крепость его в народном сознании. Закон не является здесь как нечто наложенное сверху, чему граждане подчиняются поневоле, стараясь уклоняться от исполнения по мере возможности. Он переплетается со всеми их отношениями, укореняется в нравах, становится привычкою жизни. Историческое законодательство пускает такие глубокие корни, что ничто не в состоянии его поколебать. Оно служит самую крепкою связью общественного быта.

Поэтому оно всегда находит готовый материал и орудия. Законодатель знает, с чем он имеет дело. Ему не нужно гадать, как новые формы и порядки придутся к не подготовленной к ним среде, к привычкам, взглядам и

отношениям, идущим им прямо вразрез. Все для него просто и ясно. Улучшения указываются самою жизнью и водворяются легко. Есть и готовые люди, хорошо знакомые с существующим порядком. Небольшие, указанные практикою улучшения не составляют для них затруднения. Тут не нужно все создавать вновь, готовить людей к неизвестной им деятельности, а требуются только практический смысл и внимание, которые можно найти у самого обыкновенного человека.

Наконец, такого рода законодательством в самом народе воспитывается практический смысл. Вместо отвлеченных теорий, часто вовсе неприложимых к действительности и даже ведущих к ее разрушению, в обществе развиваются внимание к существующим условиям и умение с ними совладать, а это составляет первый и главный задаток плодотворной политической деятельности, а вместе и политической свободы. В этом отношении образцом могут служить Англичане. Не только их конституция идет от древнейших времен английской истории, изменяясь и развиваясь постепенно, сообразно с движением жизни, но и самый гражданский и административный строй носит чисто исторический характер. Только медленно и постепенно, по мере развития потребностей, один порядок вещей уступает место другому. Старое исчезает лишь тогда, когда оно давно подорвано со всех сторон и потеряло уже всякое существенное значение. Отсюда необыкновенный практический смысл Англичан и прочность всего их государственного и общественного быта. Даже в области теории у них распространяются и приобретают влияние главным образом те, которые носят по преимуществу практический характер. Таков утилитаризм.

Однако это чисто историческое развитие законодательства имеет и свою обратную сторону. Следя за ходом жизни, уступая ей только шаг за шагом, оно с большим трудом приводится в движение. Закон изменяется лишь тогда, когда потребность становится настоятельною, то есть когда зло сделалось совершенно невыносимым. Пока жизнь терпит, пока нет опасных явлений, все остается по-старому, хотя бы это старое потеряло всякий смысл. Между тем, сам законодатель, стоя на вершине, с трудом может судить о настоятельности нужды; надобно, чтоб она была заявлена обществом. Законодатель приходит в движение, когда в обществе поднимается вопль. Следовательно, первое условие исторического законодательства состоит в том, чтобы в обществе было достаточно энергии для заявления о своих потребностях и достаточно образования, чтобы собственным сознанием возводить свои жизненные отношения к общим началам. Где этого нет, где общество не обладает ни

инициативною, ни юридическим образованием, где законодательство идет более сверху, а не вырабатывается жизненными отношениями, там историческое его развитие лишено настоящей почвы; уважение к существующему обращается в застой.

Но даже при наилучших условиях, где голосу общества предоставлен полный простор и оно имеет возможность громко заявлять о своих нуждах, оно делает это только тогда, когда эти нужды становятся общими, настоятельными и притом касаются интересов владычествующих классов. Вследствие этого законодатель упускает из вида все то частное зло, которое не довольно резко выступает наружу, чтоб обратить на себя общественное внимание...

В совершенно иное положение становится законодатель, который действует рациональным путем. Он является не только руководителем, но и воспитателем общества. Жизненные отношения возводятся к общим началам и получают разумное направление. Законодатель не ожидает, чтобы зло стало вопиющим; он не довольствуется поверхностным лечением кидающихся в глаза признаков. Отжившее отменяется, дурное исправляется, прежде нежели оно возбуждает против себя общий вопль; интересы всех ограждаются во имя высших требований справедливости и общественной пользы. С тем вместе обществу указываются высшие цели; оно не остается погруженным в чисто практические интересы, в нем развивается сознание верных идеалов, которые служат путеводителями человеческих обществ. Рациональное законодательство не довольствуется тем, что оно следует за течением жизни и записывает то, что ею вырабатывается; оно вносит в нее новые, высшие начала и тем самым служит для общества воспитательным средством. Таково высшее призвание закона. Давно известная истина, что народ воспитывается теми учреждениями, под которыми он живет. Закон, в истинном своем значении, не ограничивается установлением внешнего порядка и определением норм для существующих отношений: поставляя перед глазами общества вечные идеи справедливости, свободы, общественного блага, требуя, чтобы с ними сообразовались все общественные отношения, он не только утверждает их в общественном сознании, но и делает их постоянною привычкою жизни. Путем рационального законодательства народ возводится на высшую ступень развития и становится передовым деятелем человечества.

И в чисто практическом отношении рациональное законодательство имеет весьма существенные выгоды. Законодательство перестает быть хаотическим

сбором разноречащих постановлений, в которых даже специалисты с трудом могут разобраться. Тут все связано, обдуманно и возведено к общим началам. Законодательство представляет стройную и ясную систему, доступную обыкновенному пониманию. В нем найдется всякий образованный человек, прилагающий некоторый труд к его изучению, а потому для приложения его к жизни не требуется многолетней, трудной и суживающей взгляды специальной подготовки; в этом отношении орудия добываются легко. Оно находит и нужную поддержку в ограждаемых им интересах; ибо, разрушая исторически сложившиеся учреждения во имя высших начал справедливости, свободы и общественного блага, оно действует в пользу масс, в которых оно приобретает главную свою опору.

Все эти выгоды рационального законодательства оказываются, однако, лишь тогда, когда сама жизнь к нему подготовлена, когда оно не падает на совершенно необработанную почву, неспособную прорасти благие семена. В этом состоит главный камень преткновения законодателя, стремящегося утвердить государственный и общественный строй на рациональных началах. Чисто рациональное законодательство, отрешенное от действительности, есть не более как теория, красивая в своем идеальном построении, но часто вовсе неприложимая к данному состоянию общества. Народная жизнь не есть отвлеченное произведение ума, а плод многовекового исторического процесса и фактически сложившихся отношений. Ее нельзя произвольно втеснить в ту или другую логическую форму. Законодатель, который пытается внести в нее начала, ей не свойственные или к восприятию которых она не подготовлена, встречает отпор, о который иногда разбиваются самые лучшие стремления. Если нет даже явного сопротивления, то водворяется глухая борьба, которая производит в народной жизни полный внутренний разлад. Сложившиеся веками отношения, господствующие интересы, привычки, даже предрассудки в действительности сильнее всяких отвлеченных начал. Законодатель, который их не щадит и не обращает на них внимания, обречен на бесплодие. Чем отвлеченнее рациональное законодательство, чем менее оно приноровлено к жизни, тем менее оно достигает своей цели. Оно не находит ни надлежащего материала, ни орудий для исполнения. Несообразные с практикою постановления сбивают с толку и исполнителей и подвластных. Против них ополчаются все выбитые из колеи привычки, все нарушенные интересы. В народе развивается недоверие и неуважение к закону, совершенно ему чуждое. Естественная связь между

законодательством и обществом прерывается. Закон перестает быть хранителем права и порядка; на него смотрят как на произведение случайности и прихоти. Всякий старается его обойти; и в администрации, и в обществе водворяются произвол и злоупотребления.

Такой результат неизбежно ведет к шаткости законодательства. Встречая отпор, законодатель берет назад свои меры, старается их исправить, войти в сделки с нарушенными привычками и интересами. Обыкновенно в самих законодательных сферах возбуждается реакция против слишком поспешного движения вперед. Между тем, шаткость законодательства есть одно из худших общественных зол. При таком порядке не обеспечены ни права, ни интересы граждан. Никто не доверяет закону и не решается предпринять что-либо, основываясь на нем, потому что никто не знает, что будет завтра, не последует ли перемены. А так как уверенность в постоянстве порядка составляет первое благо общественной жизни, то подобное положение однозначительно с анархией. Общество, которое подвергается противоположным течениям и дергается туда и сюда, не знает, чего держаться, и теряет всякую устойчивость. При этом падает и самое значение правительства. Колебания законодательства доказывают, что у него нет ни устойчивости во взглядах, ни энергии в проведении своих решений. К нему подрывается всякое доверие и уважение. Общество видит, что на него нельзя положиться; оно отворачивается от власти и ищет иных руководителей.

Но и эти руководители, в свою очередь, лишены практической почвы, склонны предаваться чисто теоретическим построениям, неприложимым к действительности. Общество, преданное теориям, составляет одно из самых вредных явлений государственной жизни, а таким оно неизбежно становится, когда законодательство идет сверху, не соображаясь с жизнью и не давая последней надлежащего влияния на составление законов. Поэтому когда, в силу обстоятельств, общество внезапно призывается к законодательной деятельности, оно предъявляет несбыточные требования и тем, в свою очередь, подрывает свое положение. Отсюда те скороспелые конституции, которые вводятся в революционные времена и падают так же быстро, как они возникли. Отсюда недоверие к общественным силам, вызываемое несоответствием теорий с практикой.

Из всего этого ясно, что законодательство вообще имеет двойкий источник: потребности развивающейся жизни и те общие начала, которые государство призвано осуществлять в своей деятельности. Поэтому и путь его

двойкий: снизу и сверху. Оно движется или частными мерами, удовлетворяющими возникающим практическим нуждам, или радикальными преобразованиями, имеющими в виду систематическое устройство той или другой жизненной области. Оба пути в своей односторонности недостаточны; идеал состоит в сочетании обоих. Всего лучше, когда законодатель, имея перед собою ясную цель, умеет соединить ее с постепенностью хода, прилагая общие начала лишь в той мере, в какой осуществление их подготовлено жизнью. Этим способом один порядок вещей незаметно переводится в другой. В обыкновенном течении жизни производятся частные перемены, вызываемые практическими потребностями и не нарушающие ни установившихся привычек, ни законом признанных интересов. Таким способом общество мало-помалу приспособляется к новым порядкам. Когда же наконец самая жизнь постепенно изменилась действием времени и учреждений, тогда наступает пора все это свести к общему итогу и выразить новый порядок в систематическом законодательстве. Пример такого процесса, в котором гармонически сочетаются сознание теоретических начал с постепенностью хода и с полным вниманием к практическим потребностям жизни, представляет римское гражданское законодательство. Медленно, шаг за шагом, чисто римское строгое право переводилось в общенародное (*jus gentium*), и только когда старый порядок уже совершенно исчез, новый был возведен в систематический свод, представляющий самый изумительный памятник человеческого разума в области правоповедения.

Такое идеальное сочетание теоретических начал и практического применения, уважения к преданиям и стремления к прогрессу, в законодательной деятельности, простирающейся на целые века, составляет, однако, весьма редкое исключение. Обыкновенно в законодательстве преобладает или тот, или другой путь. И тут, однако, первое требование состоит в том, чтоб избегать односторонности: историческое законодательство не должно быть неразумным и несправедливым; рациональное законодательство не должно быть отвлеченным и неприменимым. Но и в этих пределах держаться нелегко. Чаше всего господствует неразумный застой, за которым следуют внезапные скачки.

В значительной степени это происходит от самых свойств человеческого развития. Мы видели, что оно идет не путем органического роста, как растение или животное, постепенно развивающее изначала заложенные в него органы, а путем борьбы старых начал с новыми. Сперва новые начала незаметно внедряются в жизнь и проникают в умы; нередко первые их проявления

подавляются насильственно и только мало-помалу, в силу обстоятельств, под влиянием неотразимых требований жизни, они овладевают умами. Наконец, наступает эпоха перелома, когда новые начала, окрепшие в общественном сознании, объявляют войну старым. Большею частью только после долгих колебаний в ту и другую сторону они, наконец, побеждают и водворяют новый порядок вещей на развалинах прежнего. Таков обычный ход человеческой истории.

Законодатель, по своему положению и призванию, должен стоять выше этой борьбы общественных сил. Его задача — усмотреть новое, оценить законные его требования и дать ему подобающее место в политическом теле. Но такая прозорливость и такое беспристрастие редко встречаются в человеческих делах. Обыкновенно законодатель сам стоит на стороне господствующих интересов до тех пор, пока суровые уроки жизни не обнаружат полной их несостоятельности. Еще чаще собственные его интересы связаны с существующим порядком, и новые начала представляются ему как нечто враждебное, что следует искоренять. Такова обычная судьба либеральных требований в неограниченных монархиях. При первом своем появлении они представляются возмущением против установленного порядка и преследуются всеми мерами. Но истребить их нет возможности, ибо свобода составляет неискоренимую и неотъемлемую принадлежность человеческой природы; она вместе с тем является необходимым условием высшего развития. Только с помощью вызываемой свободой самодеятельности народ поднимается на высшую ступень и становится способным исполнить свое историческое призвание. Мало-помалу жизнь берет свое; чем шире распространяется образование, тем настоятельнее становятся его требования. Наконец, горький опыт обличает всю недостаточность чисто бюрократического управления. Благо народу, если правительство вовремя усмотрит накопившееся зло и совершит нужные перемены; тогда за периодом застоя следует период преобразований. Но нередко оно упорно держится старого порядка, закрывая глаза на действительность. Тогда перемена совершается насилием снизу; происходит революция.

Реформы и революции. Систематические преобразования составляют одну из самых трудных задач государственной жизни. Надобно разом переделать то, что создалось многими годами медленного развития, нарушить упроченные права и интересы, на которые люди привыкли полагаться, приучить граждан к неведомым дотоле порядкам, изменить не только учреждения, но и нравы.

Обыкновенно при этом возбуждаются общественные страсти, возгорается борьба между приверженцами старого и нового порядка вещей. Правительство, предпринимающее преобразование, должно вместе с тем умерять неизбежные волнения, иногда укрощать тех самых, в пользу которых оно действует, а с другой стороны, щадить те интересы, которые оно нарушает, и стараться сделать для них перемену возможно менее чувствительною. Для этого требуется редкое сочетание качеств: нужно ясное сознание цели и средств, основательное знание существующих отношений, способность прилаживаться к разнообразию жизненных условий, не роняя достоинства власти, умение выбирать людей и направлять их к предположенной цели. Только сильное правительство способно с успехом исполнить такую задачу и при этом все-таки, как скоро разгораются страсти, оно рискует не удовлетворить ни той, ни другой стороны.

Преобразования могут, впрочем, более или менее глубоко затрагивать существующие отношения, смотря по цели, которую они себе ставят. Они могут быть политические или социальные, иметь в виду переустройство государства или изменение гражданского порядка. Последние имеют наиболее глубокое и важное значение; они ближе всего касаются существующих интересов. Переведение одного общественного строя в другой составляет критическую эпоху в народной жизни, которая получает через это совершенно новое направление. Наименее глубоко захватывают, по-видимому, преобразования, имеющие в виду умножение государственных сил; но так как последние вполне зависят от того, что может дать общество, и быстрое их умножение возможно только поднятием и напряжением общественной деятельности, то и эти реформы могут при известных условиях дать народной жизни совершенно новый толчок.

Таково именно было значение реформ Петра Великого. Цель его была сделать из Московской России крепкое государство, способное стоять в рядах европейских народов и играть всемирно-историческую роль. Для этого надобно было вывести его из уединенного континентального положения и выдвинуть его к морю. В этих видах был завоеван Азов, составлена коалиция против Швеции. Но первое несчастное сражение при Нарве показало, что силы России далеко не были в уровень с этою задачей. Надобно было создать войско и флот, а для этого требовались деньги и люди. Россия, два века находившаяся под игом Татар и едва вышедшая из внутренних смут, грозивших ей уничтожением, была бедна как материальными средствами, так и умственным развитием. Надобно было поднять ее на новую высоту, двинуть промышленность и торговлю, насадить

просвещение. И все это приходилось делать не мало-помалу, а сразу, напрягая все силы, чтоб одолеть могучего соседа. Для такой задачи требовался исполин умом и характером, и таков был Петр Великий. Об исторических началах тут не могло быть речи. Прошлое России состояло в порабощении сперва татарскому игу, а затем власти московских государей, которых вся политика заключалась в закреплении всех сословий к государственной службе. И дворяне, и купцы, и крестьяне — все обратились в холопов; каждый на своем месте должен был нести наложенную на него тяжелую службу. Надобно было этот покорный материал обратить на пользу отечества, победить присущую ему косность, просветить его светом науки и тем самым сделать его способным воспринять со временем семена свободы. Это и сделал Петр Великий. Сам он, требуя от всех усиленной службы, подавал первый пример, сам работал, как плотник, учился всякому мастерству и учил других, просвещался европейскою наукой и просвещал своих подданных. Со своим всеобъемлющим знанием и изумительною энергией он охватывал все области, вникал во все подробности. Под его могучим дуновением все разом должно было измениться — и понятия, и нравы. Старые, полуазиатские обычаи были отвергнуты, русские люди принуждены были сбрить свои бороды, надеть европейское платье, приобщиться к европейскому образованию. Тупое сопротивление приверженцев старины было тем упорнее, что преобразования касались не только общественного, но и частного быта; но гениальный властитель все одолел. Создались и войско, и флот, и финансовые средства, и новые государственные учреждения; водворялись новые нравы; нашлись и люди для исполнения великих замыслов. Вызванное Петром стремление к просвещению никогда уже более не иссякало. Россия с неудержимою силой двинулась по новому пути вследствие толчка, данного ей великим преобразователем.

Такие примеры редки в истории: для совершения такого переворота нужен гений первой величины. Это еще раз доказывает великое значение исторических личностей. В них сосредоточивается сила, которая без этого двигателя рассеялась бы напрасно или приняла бы несравненно более медленный ход. Поэтому все возражения против преобразований Петра Великого обнаруживают только весьма поверхностное понимание и его задач, и тех условий, среди которых он действовал. Никто не решается отвергать величие и успех совершенного им дела. То, что он задумал, исполнилось в течение всей последующей истории. Россия сделалась одною из могущественнейших держав мира; она приняла почетное участие в судьбах Европы и усвоила себе плоды европейского просвещения. Но

признавая все это, утверждаем, что это могло бы совершиться мало-помалу, без крутого такого перелома, сохраняя уважение к преданиям и обычаям старины. Могло ли бы дело Петра совершиться иным путем, об этом, при отсутствии всяких фактов, мудро разгадывать. Во всяком случае, без такого крутого перелома не было бы ни Полтавской битвы, ни последующих побед над Турцией, ни войн с Наполеоном, не было бы ни новой русской литературы, ни университетов, ни того образованного строя мыслей и жизни, который привел, наконец, к великим реформам Александра Второго. Уединенное и слабое Московское государство, сверху донизу опутанное холопскими отношениями, вероятно, со временем выбилось бы на более широкую дорогу и вступило бы в более или менее близкие отношения к Европе. Но на это потребовались бы целые века, и печать полуазиатского быта, которая и ныне не совсем изгладилась, осталась бы на нем навсегда. При таких условиях посредником между Россией и Европой, в силу географического положения, была бы Польша, от которой мы состояли бы в полной зависимости. Из этого униженного положения, из погружения в византийский формализм и азиатскую косность нас вывел Петр Великий.

Екатерина Вторая довершила дело Петра. Россия раскинула свои владения до Черного моря; могущество Оттоманской Империи было сломлено; возвращены были русские области, отторгнутые завоеваниями литовских князей и впоследствии присоединенные к Польше. Россия стала одной из самых могущественнейших европейских держав, которой голос имел значительный вес в европейских делах. Но Екатерине предстояла и другая задача: после умножения государственных сил надобно было позаботиться о внутреннем благоустройстве. Поклонница либеральных и гуманных учений XVIII века, состоя в личных сношениях с выдающимися умами того времени, одержимая преобразовательными стремлениями, которые под влиянием новых идей распространялись и в правительстве и в обществе, она хотела прославить свое царствование не только военными подвигами, но и законодательною деятельностью. Ее Наказ свидетельствует о ширине и возвышенности ее замыслов. Однако она не думала прямо прилагать теории французских философов к вовсе не подготовленной к ним России. О Дидро, который побуждал ее к преобразованиям, она отзывалась, что ему легко говорить: он имеет дело только с пером и бумагой, а ей приходится оперировать над человеческим телом. Мы видели, с какою обдуманностью и осторожностью она проводила свои меры,

внимательно прислушиваясь к разнообразным мнениям и решаясь только тогда, когда она была уверена в успехе. Этому способствовало и собственное ее положение: иностранка, вступившая на престол чуждого ей государства без малейшего на то права, она должна была сперва изучить страну и познакомиться с ее потребностями. С этой целью и была созвана знаменитая Комиссия об Уложении, состоявшая из выборных от всех сословий. Из трудов ее не вышло никакого законодательного памятника, но они послужили драгоценным материалом для последующего законодательства. Познакомившись с людьми, с их понятиями и нуждами, Екатерина могла приступить к своей задаче уже с полным знанием дела....

Всего менее Екатерина могла коснуться крепостного права. Разделяя идеи XVIII века, она видела всю его несообразность с истинно человеческими началами; но в России оно утвердилось исторически, в силу неотразимых государственных потребностей; оно составляло главную материальную опору дворянства, на котором покоился весь государственный строй. Не только отмена, но и самое смягчение его представляло неодолимые трудности: взаимное определение прав и обязанностей при отсутствии всякого суда и всяких надежных посредствующих органов могло вести только к бесконечным столкновениям и смутам. Со своим глубоким практическим смыслом Екатерина не только не пыталась расшатать эту материальную опору дворянства, но она распространила крепостное право и на Малороссию с целью теснее слить ее с Россией. Малороссийские помещики охотно отдали свои местные привилегии взамен полученного ими крепостного права...

Совершенно иной характер, нежели в XVIII столетии, носят великие преобразования XIX века. Предшествующие реформаторы действовали сверху; они устраивали государство чисто бюрократическим путем, редко принимая в соображение общественные силы. В XIX веке задача была поставлена гораздо глубже и шире. Общества значительно созрели; явились новые потребности и запросы. Надобно было установившийся веками, но утративший свое значение сословный строй заменить общегражданским и призвать общественные силы к участию в государственных делах. Таково было значение политического движения, которому главный толчок был дан Французской Революцией, с провозглашенными ею идеями свободы и равенства. Эти идеи распространялись повсюду и везде находили восприимчивую почву. Победы Наполеона и самая реакция против его владычества только усилили эти стремления. Самые

противники Революции принуждены были отчасти усвоить себе ее начала, чтобы бороться с ее влиянием. Однако они делали это нехотя, и как скоро представлялся удобный случай, являлось стремление взять назад то, что было дано или обещано. Отсюда смены преобразовательных эпох и реакций, в высшей степени поучительные как для теории, так и для практики государственной жизни...

Революционное движение 1848 года заставило все германские правительства, не только прусское, но и австрийское, двинуться по новому пути. Везде водворился конституционный порядок, основанный не на сословных привилегиях, а на общем праве. Но пренебрежение своевременными преобразованиями тяжело отозвалось на внутренней жизни народов: вместо правильного развития водворились насилие и борьба.

Из всех европейских государств одна Россия оставалась при старых порядках. Сословный строй сохранялся во всей своей резкости: крепостное право царило безгранично. Суровая военная дисциплина была господствующим началом не только в армии, но и в гражданском управлении и в самом обществе. Все сверху донизу трепетало перед властью; малейшее поползновение не только на оппозицию, но и на независимость суждений каралось беспощадно. Екатерининские учреждения, которые должны были вызвать самодеятельность общества, под давлением сверху превратились в мертвую машину, от которой отлетел общественный дух. Суды, погрязшие в бумажном делопроизводстве, были притоном крючкотворства и взяточничества. Лихоимство наверху и внизу было глубоко укоренившеюся язвою русского чиновничества. О свободе слова не было и речи. Цензура достигала самых невероятных размеров произвола и бессмыслия. Несчастных цензоров сажали на гауптвахту за пропуск совершенно невинных вещей, в которых усматривали намек на ту или другую отрасль управления. В последние годы царствования Николая I, когда зло достигло крайних пределов, самые университеты, ни в чем не повинные, подверглись неслыханным стеснениям: число студентов было ограничено; в них введено военное обучение. Россия того времени вполне оправдывала обращенные к ней стихи поэта-патриота:

В судах черна неправдой черной,
И игом рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна.

А между тем, внешнее величие, приобретенное славными войнами, стояло непоколебимо. Все враги были раздавлены; Австрия спасена от гибели. Громадный северный колосс, с восьмидесятимиллионным населением, с непобедимым войском, слепо повинующийся всякому мановению Всемогущего властителя, казалось, грозил свободе всех европейских народов. Немудрено, что против него составила коалиция.

Крымская кампания показала всю несостоятельность этой системы. Величественное здание покоилось на подгнившем фундаменте. Чем безграничнее проявлялась сила власти, чем более перед нею исчезала всякая независимость, тем более государство превращалось в бездушную машину, в которой внешний блеск заменял внутреннее благоустройство. Несмотря на крепость народного духа, Россия при таких порядках неспособна была состязаться с образованными европейскими державами. И здесь, так же как в Пруссии после Иенского погрома, потребовались коренные преобразования. Однако Россия далеко не была в положении Пруссии. Оборона Севастополя, хотя кончилась взятием крепости, покрыла славою наше войско. Дальнейших движений враги не решались предпринимать. Мир был заключен на условиях, хотя стеснительных относительно черноморского флота, но оставлявших неприкосновенными целостность и могущество государства. Тем не менее, и новое русское правительство, и русское общество сознали потребность глубокого обновления всего общественного и государственного строя. Царствование Александра II ознаменовалось целым рядом реформ, беспримерным во всемирной истории и делавшим величайшую честь Русскому народу. Разом были преобразованы все оказавшиеся негодными стороны быта, и это было сделано вполне обдуманно и здраво, на основании тщательного изучения внутренних условий и разумного пользования опытом других народов. Крепостное право было отменено и крестьяне обеспечены землею. Города получили новое общественное устройство, основанное на самоуправлении. Земские учреждения призвали все местные силы к участию в общественных делах; им вверено было все хозяйственное управление губерний и уездов. Создан был суд, отвечающий самым утонченным потребностям правосудия и просвещения. Войско было преобразовано на основании всеобщей воинской повинности, кратких сроков службы и мягкого отношения к подчиненным. Цензура была отменена; русская мысль впервые могла высказываться свободно. Обществу на всех поприщах открыт был широкий простор; все таящиеся в нем силы были призваны к самодеятельности. Отныне

Россия могла стать на свои собственные ноги; ее совершеннолетие было признано руководившею ею властью.

Многим могло казаться, что все это совершилось слишком быстро. То, что у других народов делалось с осторожной постепенностью, без крутого нарушения господствующих интересов, то здесь произошло в течение немногих лет. Все упроченные временем отношения, понятия, нравы, глубоко захватившие самую частную жизнь, внезапно были выброшены из обычной колеи. Русским людям пришлось не только приняться за новое для них общественное дело, но и переустроить весь свой частный быт без надлежащей подготовки. Такой переворот не мог произвести на первых порах полнейшего хаоса и в понятиях и в жизненном складе, тем более, что освобожденное общество оставлено было без надлежащего руководства; исполнение преобразований было вверено старой, погрязшей в рутине бюрократии, неспособной руководить таким великим делом и внушить к себе доверие общества...

Русское общество вполне готово к перевороту. Пока правительство стояло на месте, требуя только строгой дисциплины и безмолвного повиновения, в нем происходила незаметная работа, подготовлявшая лучшее будущее. Все совершенные преобразования вполне уже созрели в общественном сознании, прежде нежели правительство за них принялось. Тут не нужно было гениального человека, как Петр Великий, чтобы двинуть народ по новому пути. Достаточно было честного сознания своих обязанностей и призвания к делу лучших общественных сил. Это и сделал Царь-Освободитель, имя которого связано с одною из величайших эпох в русской истории. Создание его прочно, ибо оно соответствовало назревшим нуждам и насущным потребностям Русского народа; оно врачевало наболевшие язвы и открывало правильный путь общественному развитию. Частные реакционные меры не могут его поколебать. Это — фундамент, на котором зиждется вся будущность России.

Тем не менее тяжелый гнет предыдущей эпохи не мог не оставить по себе печальных следов. Общество, долго сдавленное и внезапно выпущенное на простор, естественно теряет внутреннее равновесие. Прилив новых мыслей и взглядов производит в нем путаницу понятий, в которой оно не скоро может разобраться; непривычное к деятельности, оно не знает ей меры и границ. Эти недостатки усиливаются, когда разом расшатываются все общественные отношения. Тут неизбежно происходит брожение, в котором всплывают наверх худшие элементы. В особенности эти явления ярко выступали в умственных

центрах. Русская провинция сознательно и спокойно приняла новые преобразования; она провела их в жизнь и доказала, что умеет их ценить. Но не то было в столицах, особенно в Петербурге. Разрыв между правительством и мыслящей частью общества в предшествующее царствование был так велик, недоверие к властвующей бюрократии укоренилось так глубоко, что лучшие начинания правительства не встречали поддержки. Оппозиционный дух, раздражительная критика, неуместные требования проявлялись на каждом шагу. Нетерпеливые либералы сходились в этом отношении с защитниками крепостного состояния, мечтавшими о возмездии за отнятые у них права. Сказать слово в пользу власти, совершавшей величайшие преобразования, восстать против бессмысленного запора и неумеренных притязаний считалось преступлением, которое окончательно губило человека в общественном мнении. Но хуже всего было то, что среди общего брожения выступили наружу самые крайние мнения, которые таились в тиши под предшествующим гнетом, а теперь появились на свет Божий. Под влиянием в особенности петербургской журналистики они распространялись среди волнующейся молодежи. В то время как вся Россия обновлялась по мановению Царя, революционные прокламации взывали к истреблению и правительства и всех высших слоев общества. Встретив отпор наверху, революционная пропаганда пошла в народ; когда и здесь ее разрушительная деятельность была остановлена, она разразилась целым рядом самых ужасных преступлений. Тайные и явные убийства, даже на улицах столицы, среди белого дня, подкопы под железные дороги, взрыв дворца, наконец, гибель монарха, благодетеля своего народа, были делом исступленной шайки, не знавшей ни умственных, ни нравственных сдержек и жаждавшей только разрушения. Россия была поражена ужасом. Реакция была неизбежна не только в правительственных сферах, но и в общественном сознании. Осадное положение с сопровождающим его произволом заменило законный порядок, установленный великими преобразованиями; многие из последних подверглись искажению. Реакционная публицистика торжествовала победу и приобретала все более и более приверженцев. Благодаря воспитанному предшествующим гнетом нигилизму, Россия была сбита с правильного пути, вместо закономерного развития последовала реакционная ломка.

Но реакция, в свою очередь, влечет за собою разочарование и упадок сил. После чрезмерного напряжения обыкновенно следует период временного расслабления. Мы видели состояние Германии после наполеоновских войн,

реакционные стремления правительств, жалобы лучших людей. В России те же явления выказались с еще большей силой, ибо вызывавшие их причины глубже и опаснее, а образованных элементов, способных дать им отпор, было несравненно меньше. В России старое общество, которое держалось на крепостном праве, ушло, а новое еще не сложилось. В особенности средние классы представляют еще печальную умственную скудость. Немудрено, что многие разочаровались в совершенных преобразованиях, и общество погрузилось в какую-то тупую апатию.

Нет сомнения, однако, что и здесь это состояние временное. Преобразования Александра Второго содержат в себе семена разумной свободы и правильного развития, которые рано или поздно принесут свои плоды. Господство осадного положения не может быть вечно. В обществе, усевшемся на своих новых основах, несомненно пробудятся новые силы, которыми Русское общество никогда не оскудевало. Как прежде, под тяжелым деспотизмом дореформенного времени, в нем в тиши созревали семена лучшего будущего, так и в нынешнюю реакционную эпоху, незаметно для взора, слагаются зачатки новых потребностей и взглядов, которые должны вести к завершению недавно воздвигнутого общественного здания, обновленного снизу, но оставшегося при прежних порядках наверху. Какую форму эти стремления окончательно примут, покажет история. Одно можно сказать с полной уверенностью, это то, что новый шаг на пути гражданского и государственного развития может совершиться только дружным действием правительства и общества. Не беспрекословное подчинение, отжившее свой век и показавшее свою несостоятельность, а свободный союз правительственных и общественных сил на почве взаимного доверия должен быть знаменем всякого образованного русского человека, любящего свое отечество; в этом заключается вся будущность России. И этот шаг может и должен быть сделан не путем насилия и переворотов, а по собственной инициативе правительства, законным шествием по проложенному пути и развитием начал, заключающихся в произведенных реформах. Для революционных движений, не ограничивающихся поверхностью, а проникающих вглубь, Россия не содержит в себе никаких элементов. Россия уже совершила свою революцию; не восстанием снизу, а преобразованиями сверху один гражданский порядок был переведен в другой.

Революции, так же как реформы, могут быть политические и социальные. Одни имеют в виду изменение государственных учреждений, другие направлены

против самого общественного строя. Последние несравненно глубже захватывают жизнь и производят в ней более радикальные перевороты. Но именно поэтому они всего опаснее. Для того чтобы глубокое изменение общественного строя могло совершиться без страшных потрясений, от которых не скоро оправляется общественный организм, надобно, чтобы политический строй оставался непоколебимым. Когда же оба вместе подвергаются ломке, тогда в обществе не остается уже твердой точки опоры и общее разрушение неминуемо. Таков именно был исход первой Французской революции.

Совсем не то было в Англии. Борьба Долгого Парламента с Карлом I велась не из-за социальных, а из-за политических вопросов, к которым присоединялись и религиозные, волновавшие совесть, но не затрагивавшие гражданских отношений. Столкновение произошло между народными правами, унаследованными от средневекового порядка, и новыми притязаниями королевской власти. Во времена борьбы феодальных королей с великими вассалами и городами утвердились два начала, которые легли в основание всего английского государственного строя: свобода от произвольных арестов и право согласия на подати через выборных представителей. Первое было постановлено еще Великою Хартией; второе было предметом вековой борьбы, в которой бароны соединялись с городами против королевской власти. Этот союз имел громадные последствия для всего политического и гражданского быта Англии. Он не только обеспечил победу народных сил, но он повел к изменению самого общественного строя: сословные деления сгладились; высшее дворянство выделилось в политическую аристократию, а низшее слилось с горожанами в одной палате, уравнившись с ними в гражданских и политических правах. Однако на первых порах при господстве средневекового частного права победа общественных сил привела к полной анархии. Вследствие этого, в свою очередь, явилась потребность высшей государственной власти, сдерживающей анархические стихии и способной водворить прочный порядок.

Если мы, с чисто политической точки зрения, постараемся выяснить причины успеха Английской революции, то мы найдем их, во-первых, в том, что она опиралась не на теоретические учения, а на исторические начала, пустившие глубокие корни в народной жизни, и при всех переворотах никогда не затмевавшиеся в народном сознании. Права народа и парламента считались прирожденным достоянием Англичан, а потому всегда, во всех слоях общества находили многочисленных защитников, готовых дать отпор притязаниям

королевской власти. Люди восставали не против закона, а во имя закона, который для Англичан всегда был высшим политическим началом. Во-вторых, эти права были не привилегиями сословий, которые могли вести только к внутренним раздорам, а права, общие всем гражданам, для защиты которых могли соединиться и высшие и низшие. Первенствующие вельможи, пользовавшиеся громадным влиянием в обществе, стояли во главе движения и придавали ему такой вес, которого оно без них никогда бы не имело. В-третьих, перевороты совершались не восстанием масс, а действием организованных сил, парламента и войска, которые в самый разгар междоусобной войны способны были охранять внутренний порядок. Самые крайние элементы, сосредоточившиеся в войске, сдерживались могучим его предводителем, обладавшим высоким государственным смыслом, а когда он умер, явился другой, который понял, что только в восстановлении законной монархии кроется вся будущность английских государственных учреждений. Они потому прочны, что имеют глубокие корни в прошедшей истории и по своему разнородному составу способны применяться к разностороннему развитию народной жизни и ко всем разнообразным ее изменениям. Ни один из элементов, вошедших в английскую конституцию с самого начала, не потерял своего места, и все принуждены действовать согласно на общую пользу. Революция имела целью только восстановление нарушенного равновесия.

Новейшие историки Французской революции стараются отделить великие ее результаты от тех средств, которые были употреблены для их утверждения. Террор представляется уродливым извращением провозглашенных Революциею начал. Разделяют также то неудержимое патриотическое стремление, которое дало отпор внешним врагам, и ту кровавую расправу, которая производилась с врагами внутренними. Между тем, все эти явления тесно связаны между собой. Недостаточно провозгласить общие начала; надобно привести их в исполнение. Когда это делается не постепенным и закономерным путем, действием власти, стоящей незыблемо на своих основах, а внезапным переворотом, разом изменяющим все отношения, не оставляющим камня на камне из старого здания, тогда неизбежна ожесточенная борьба и возбуждение страстей, результатом которых является неумолимая расправа с побежденными. Если же к внутренней борьбе присоединяется внешняя, то рождается усиленная потребность подавить всякие внутренние волнения, чтобы дать отпор внешним врагам. Во Франции патриотическое чувство, особенно в высших классах, не было довольно сильно,

чтобы всех соединить под знаменем отечества. Эмиграция сама просила помощи иностранных держав и шла вслед за их войсками; тем опаснее были внутренние их сообщники. «Надобно застрашать роялистов!» — воскликнул Дантон, когда иностранные войска вступили на французскую почву и приходили известия о взятии крепостей. Решиться на такое дело могли, конечно, только люди самых крайних мнений, которые не останавливались ни перед чем; приходилось взывать к самым непримиримым революционным страстям. Всякий человек, у которого не иссякло нравственное чувство, не может не возмущаться до глубины души перед картиною тех ужасов, которые производили террористы. Но политик не может на этом остановиться; он должен исследовать причины этих явлений. Они лежат, главным образом, в отсутствии всякой организованной власти. Старая монархия пала вследствие собственного бессилия, а новое здание еще не сложилось, и то, что было налицо, держалось на весьма шатких основаниях. Правительство отсутствовало, а общество находилось в состоянии хаотического брожения. При крушении всего, что составляет оплот общественного порядка, единственною наличною силой оставалась организованная демагогия в виде разветвленного по всей Франции союза Якобинцев. Они крепко держались друг за друга и умели вести за собою народную толпу, возбуждая ее страсти и внушая к себе неограниченное доверие. Во главе его стояли люди с непреклонною волей, которые взяли в руки валяющуюся в грязи власть, раздавили внутренних врагов и дали отпор врагам внешним. Этим они порешили дело Революции, и в этом заключается несомненно важное их историческое значение. Французы, которые с беспримерным одушевлением становились в ряды войска для борьбы с внешним врагом, беспрекословно подчинялись велениям террористов, потому что в эту минуту они одни держали знамя отечества. Одна и та же несокрушимая сила подавляла внутренних врагов и давала отпор внешним. Разделить эти два действия нет возможности.

Но как скоро опасность миновала, террор сам собою пал под влиянием возбужденного им ужаса и негодования. Террористы, казнившие всех своих противников, в свою очередь сложили головы на плаху. За чрезмерным напряжением сил последовало внутреннее расслабление. Непобедимым оставалось войско, которое, повинувшись данному толчку, неудержимым потоком разливалось по Европе, всюду провозглашая новые начала. Вследствие этого оно естественно стало во главе революционного движения. Самый выдающийся его предводитель, победив внешних врагов, положил конец и внутренним смутам. Он

восстановил упавшую власть, водворил порядок и возложил на себя императорский венец. И тут революция привела к военной диктатуре.

Результаты переворота были громадны. Старый сословный строй был переведен в общегражданский, основанный на свободе и равенстве. Но для того, чтоб утвердить последний на прочных основаниях, нужна была рука гениального законодателя. Революция дала только материалы, из которых надобно было воздвигнуть новое здание. Наполеону Франция обязана своими кодексами, представляющими образец рационального законодательства, основанного на зрелой теории и вполне применимого к практике. Почва для него была расчищена предшествующим переворотом; законодателю не приходилось наталкиваться на окрепшие формы, щадить веками сложившиеся интересы: он мог последовательно проводить рациональные начала, соответствующие новым потребностям. Наполеон создал и новую администрацию, основанную на сосредоточении власти, но способную воспринять в себя и начала свободы. Она сохранилась непоколебимо среди всех дальнейших переворотов; ей Франция обязана тем, что постигавшие ее политические бури не расшатывали общественного здания. При всем том, военная диктатура не могла быть долговечна. С водворением общегражданского порядка связана была и потребность свободы политической, которая, рано или поздно, должна была проявиться. Диктатура Наполеона тем менее могла держаться, что она вызвала против себя общую европейскую коалицию. Французская революция не ограничивалась, как английская, чисто местными интересами; она провозгласила начала, которые должны были водворить новый порядок во всем европейском мире. Вторжение во Францию иностранных войск имело последствием обратное вторжение французских войск в Германию и Италию. Наполеон явился представителем революционных сил в борьбе их со старою Европой. Рядом блистательных побед он возвел Францию на неслыханную степень могущества. Все примыкающие к ней государства европейского материка должны были подчиниться ее влиянию. Но с этим связано было подавление самостоятельности народов, а это не могло не вызвать реакции. Самый сильный отпор Наполеон встретил именно там, где старый порядок сохранил наиболее глубокие корни, — в Испании и России. Другие государства, как Пруссия, обновились под его гнетом. Против него составилось общее ополчение, которое, наконец, его низвергло.

Диктатура сменилась реставрацией; но это не было простое восстановление старого порядка. В новом общественном строе требовалась

политическая свобода, и Бурбоны первые дали ее Франции. К участию в правлении призваны были как старая французская аристократия, так и высшие представители третьего сословия под одинаковым условием высокого ценза. Но эти два элемента, юридически уравновешенные, фактически продолжали вести между собой непримиримую борьбу...

История показывает, что только союзом общественных классов достигаются прочные результаты; всякий же раз, как один класс отделял свои интересы от интересов других и хотел пользоваться государственною властью для своих частных целей, он тем самым подрывал основания своего владычества и падал жертвою своих корыстных стремлений. Всего менее допустимо владычество пролетариата. Поставить нищих во главе государства есть такое чудовищное представление, которое может родиться только в голове или полных невежд, не имеющих понятия ни об истории, ни о государстве, или же шарлатанов, стремящихся разжигать народные страсти. Существование демократии основано единственно на господстве общего права, а никак не владычестве низших классов над высшими. Как скоро пролетариат захочет воспользоваться своею численностью, чтоб обратить государственную власть в свою пользу, так реакция неизбежна. Именно невозможность водворить социалистический порядок законным путем ведет к тому, что социалистическая партия, пользуясь политическим правом в видах пропаганды и организации, в сущности не питает к нему никакого доверия. Ее тайная или явная цель есть революция. Но такой переворот, ниспровергающий весь гражданский порядок, на котором держатся человеческие общества, нарушающий все существующие отношения, может произвести лишь общий хаос. В результате может получиться только диктатура, а затем восстановление старого порядка, при значительном ограничении демократических начал. При нынешнем развитии социалистических стремлений, при том хаосе понятий, который господствует в современных европейских обществах, нет сомнения, что попытки подобного рода могут возникнуть в той или другой европейской стране, но исход их может быть только один: социальная революция есть начало падения демократии.

Изучая историю революционных движений нового времени, мы видим, что они вызывались напором исторических сил, сдавленных в своем движении и стремящихся на простор; успех же зависел от союза этих сил между собою. Соединение аристократии с городами утвердило в Англии владычество парламента, из-за которого происходила борьба; соединение среднего сословия с

низшими классами разрушило во Франции старый порядок и повело к основанию нового. Последнее в особенности заслуживает внимания историка и политика, ибо оно раскрывает отношение преобразований к революциям. Исторический рост третьего сословия, накопление в нем богатства и образования неудержимо вели к разрушению старых сословных преград. Силою исторического процесса сословный строй неминуемо должен был перейти в общегражданский. Совершение этого дела было главной задачей, которая предстояла французской монархии в последний век ее существования. Но именно этой задачи она не исполнила, а напротив, связала свою судьбу с существованием отжившего свой век сословного порядка. Своевременно произведенные реформы могли предупредить переворот; переход одного порядка в другой совершился бы мирно и правильно, с сохранением исторических начал и с соблюдением всех интересов. Вместо того, потерявший свое значение исторический строй продолжал давить своею тяжестью на новые силы, которые, наконец, прорвались наружу неудержимым потоком, все унесшим перед собой. Бессильное правительство само вызвало их на поприще действия. Вместо реформ, перемена совершилась кровавою революцией. Это имело для Франции весьма печальные последствия. Не только на первых порах это произвело общий хаос, в котором погибли тысячи людей, но это отозвалось и на всем последующем ходе событий. Отсюда продолжающаяся донныне шаткость всех государственных отношений, повторяющиеся скачки от одной формы к другой. Отсюда презрение к историческим началам, составляющим самый крепкий оплот законного порядка и условие правильного развития. Отсюда, наконец, широкое распространение революционных идей. Те великие и благотворные перемены, которые были произведены Революцией, нередко смешивают с тою формой, в которой это было произведено. Забывают те исторические основы, из которых вытекла Революция и которые обеспечили ее успех, и придают преувеличенное значение внешней борьбе притязаний и страстей. Борьба была неизбежна единственно потому, что историческим возросшим общественным силам не было дано правильного исхода. Вина в этом лежит не на революционных деятелях, а на правительстве, забывшем свое призвание. С исторической точки зрения оно заслужило свою гибель. Правительство, чуткое к движениям общественной жизни, своевременно совершающее нужные реформы, не может опасаться подобного исхода.

Силы государства. Первый признак государства состоит в том, что оно представляет организованную силу, способную к самостоятельному

существованию. От сил, которыми оно может располагать, зависит как внутренний порядок, так и внешняя безопасность. Чем они значительнее, тем шире поприще для деятельности государства, тем высшую роль оно может играть в истории. Поэтому развитие и умножение государственных сил составляет первую задачу политики. Остальные выдвигаются, только когда эта удовлетворена...

В настоящее время все европейские государства, наперерыв друг перед другом, тратят громадные суммы на поддержание своих боевых сил в уровень с соседями. Можно скорбеть о таком положении дел, но нельзя не видеть в этом строгой необходимости. Государство, которое пренебрегает этой обязанностью, при первом столкновении низойдет со своей высоты и будет отдано на жертву могучим соперникам. Самый мир может сохраняться только поддержанием равновесия сил.

Из этого ясно, до какой степени поверхностно воззрение тех, которые в стремлении к умножению государственных сил видят только предрассудок старого времени. Существует весьма распространенное мнение, которое даже в прошлом хотело бы из истории вовсе изгнать политику и войны и все движение человеческих обществ свести к незаметному бытовому развитию масс и к изменению экономических условий. В действительности бытовое состояние масс и экономические условия составляют только материал для государственной деятельности; вопрос заключается в том, какое из этого материала сделать употребление, как его организовать и куда его направить. В этом состоит задача политики, и от этого зависит самая судьба народа. В экономическом отношении Польша стояла и стоит выше России; но политика в обоих государствах была разная, а потому и результат вышел иной. Государство, стоящее на низшей ступени экономического развития, разрослось в державу, обнимающую полмира, а то, которое занимает высшую ступень, лишилось политической самостоятельности и было разделено на части более могучими соседями. Только забывая самые очевидные факты, можно становиться на точку зрения экономического материализма.

Из всех государственных сил первое место занимает войско. Мы уже видели, что оно составляет главное орудие власти, а потому требует самой внимательной заботы правителей. От внешних условий, в которых находится государство, зависит то количество войска, которое нужно для его защиты, от внутренних условий — то количество, которое оно в состоянии содержать.

Войско должно быть соразмерно с материальными средствами. Слишком малое количество умаляет внешнее значение государства и может привести его к гибели; слишком большое количество подрывает его экономические силы и вовлекает его в безвыходные финансовые затруднения...

Пример заботливого создания крупной военной силы, соразмерной с денежными средствами, представляет Пруссия при Фридрихе-Вильгельме I. Этот государь был деспот в самой грубой форме; его страсть к военному делу доходила до безобразного капральства. Но с этим он соединял самую тщательную экономию и большую хозяйственность. Результат был тот, что при трехмиллионном населении он оставил сыну 80 000 хорошо обученного войска и полную кассу. Этим и воспользовался Фридрих Великий, чтобы завоевать соседние земли и сделать Пруссию одной из великих европейских держав.

В связи с количеством находится и организация войска. Государство может располагать большим количеством военных сил при всенародной повинности с системою запасов, нежели при постоянном войске, выделенном из народа. Последнее может обладать большею стойкостью, но потери не возмещаются так легко и нет запасных сил, которыми можно пользоваться в случае нужды. Всенародная повинность имеет и ту громадную выгоду, что здесь сроки службы короче, вследствие чего солдаты не отрываются совершенно от своих занятий и возвращаются в свою среду, внося в нее дух порядка и дисциплины. Пруссии принадлежит честь изобретения этой системы, которая ныне распространилась на все государства европейского материка. Войско Фридриха II, служившее некогда образцом, было уничтожено под Иеной одним ударом; раздавленная Наполеоном Пруссия должна была напрягать все свои силы, чтобы избавиться от ненавистного ига и приготовить себе лучшее будущее. И это она сделала с помощью такой военной организации, которая ныне возвела ее на степень самой могущественной из европейских держав. У нас замена прежней постоянной армии, которая обрекала солдата на пожизненную службу, даже с детьми, всенародною повинностью с короткими сроками была одним из величайших преобразований царствования Александра Второго. Водворению на место крепостного права общегражданской свободы соответствовало превращение крепостного солдата в свободного человека. Этого нельзя не ценить достаточно высоко.

Такая замена может, однако, оказаться пагубной, если при этом не сохраняется тот дух, который составляет нравственную силу армии. Количество

мало приносит пользы, когда нет надлежащего качества. История показывает не один пример громадных полчищ, которые разбивались небольшими, но хорошо организованными и крепкими своим духом войсками.

Прежде всего, этот дух поддерживается дисциплиной, которая составляет первую потребность войска. В военное время малейшая шаткость может быть губельна, а потому и в мирное время требуется безусловное повиновение вождям. Оно должно сделаться жизненною привычкою солдата. Однако и тут может быть излишек. С одной стороны, безмерная строгость дисциплины, особенно когда она обращается преимущественно на внешние формы, уничтожает всякую инициативу и превращает солдата в чистую машину, между тем как на войне нередко и рядовому приходится действовать самому. С другой стороны, охранение дисциплины нередко сопровождается такими грубыми приемами и такими жестокими наказаниями, которые уничтожают в солдате всякое чувство чести и достоинства, производят общее огрубение нравов и делают ему самое военное ремесло ненавистным тем, которые принуждены себя ему посвящать. Последнее было самою темною стороною в армии, созданной Фридрихом-Вильгельмом I и сделавшейся орудием побед в руках Фридриха II. Отсюда эти приемы распространились и на другие европейские войска; удивление к подвигам великого монарха заставляло подражать даже самым неприглядным чертам его военной системы. В Пруссии доселе, несмотря на полное преобразование войска, эта суровая система отзывается в невероятно грубом обращении с солдатами, о котором повествуют даже официальные документы. У нас прусская дисциплина со всеми ее грубыми приемами и бесчеловечными истязаниями долго была господствующею. Но и она, наконец, уступила духу, повеявшему в новых преобразованиях. Солдат перестал быть чистою машиною; с ним стали обращаться, как с человеком. Старые служаки, привыкшие к прежнему фронту, роптали на упадок дисциплины и предсказывали, что при первом столкновении окажется, что русская армия потеряла все свои боевые качества. Среднеазиатские походы и Турецкая война блистательно опровергли эти пессимистические взгляды. Оказалось, что русский солдат, относительно стойкости и дисциплины, все тот же, каким он был прежде, хотя обращение с ним совершенно иное. Этим возведением его на степень человека он обязан тому чувству гуманности, которое одушевляло Царя-Освободителя, а равно и замечательного министра, вынесшего на плечах своих все военное преобразование. Имя графа Дмитрия Алексеевича Милютина не забудется в русской истории.

Сила и крепость армии зависят и от народного духа. Есть народы, которые умеют драться, и другие, которым это качество более или менее чуждо. Сколько ни толкуй моралисты о том, что не хорошо убивать людей, нет сомнения, что на войне проявляются высшие способности человеческой природы, в особенности твердость характера, энергия, стойкость, неустрашимость, наконец, высокое патриотическое чувство, заставляющее человека жертвовать собою для отечества. Иногда патриотическое одушевление заменяет и организацию и дисциплину. Это показали войска первой Французской Революции. Они не только дали отпор врагам, но они выставили из своей среды целый ряд замечательных полководцев и непобедимым натиском покорили окружающие страны. Однако на такое патриотическое одушевление далеко не всегда можно полагаться. Вообще, подобные минуты бывают редки в истории народов. Последняя Франко-Прусская война доказала, что наскоро набранные полчища не в состоянии противостоять организованным силам, направляемым искусною рукой.

В военном деле руководство, может быть, еще важнее, нежели состав армии. Самая стойкая армия без надлежащего руководства обречена на гибель. Политика, конечно, не создает военных талантов, но она создает те условия, при которых они проявляются. Первым учителем в этом отношении служит сама практика, то есть война; но в мирное время заботы правительства должны быть направлены к тому, чтобы приготовить людей, способных быть предводителями войска не только на высших, но и на низших ступенях военной иерархии. Армия должна иметь корпус образованных офицеров. Чем многочисленнее войско, чем сложнее и затруднительнее его передвижения, чем совершеннее употребляемые орудия, тем потребность военного образования делается настоятельнее. В этом деле правительство всего более может показать, насколько оно стоит в уровень со своею задачей. Внешняя выправка солдат может быть превосходная, дисциплина может быть самая строгая, но если нет образованных и умелых руководителей, все это не служит ни к чему. Восточная война в последние годы царствования императора Николая I доказала это с полною очевидностью. И в этом отношении преобразование русской армии при Александре II было значительным шагом вперед. В начале нынешнего столетия у нас был корпус образованных офицеров. Они стояли во главе русской армии во времена великих войн, приведших ко взятию Парижа. Печальное событие 14-го Декабря повело к значительному понижению их умственного уровня. От офицеров стали требовать уже не образования, а покорности. Чем менее они думали и знали, тем они казались

надежнее. Результаты показали всю несостоятельность этой системы. С переустройством армии на новых началах выдвинулись вперед и потребности образования. Просвещенный министр, стоявший во главе реформы, менее всего мог ими пренебрегать. Восстановление впоследствии старых кадетских корпусов заставляет опасаться возвращения к старым взглядам.

Вообще войско составляет такую существенную потребность государства, оно представляет такое могучее орудие власти, что редкие правительства не обращают на него должной заботы. Часто эта забота становится даже преувеличенной, отвлекая внимание от всего остального и заставляя смотреть на самый гражданский порядок с точки зрения военного строя. В эту крайность впадают в особенности правительства самодержавные. Но далеко не всегда попечение о войске сохраняет разумное направление. Здесь более чем где-либо внешний порядок нередко заменяет настоящее содержание. Особенно в периоды долгого мира, когда практика не обнаруживает слабых сторон военной организации, армия становится игрушкой, которою потешаются монархи. Хорошо, когда во главе ее стоит гениальный полководец, как Фридрих Великий, который сам многократно вел армию к победам и знал, что для нее требуется. Но подражатели великих людей, не обладающие их военным гением, обыкновенно схватывают внешнюю сторону их деятельности, которую легко себе усвоить. Они до мелочей знают все подробности военного ремесла, но не обладают тем духом, который его оживляет. Красивые эволюции, исполняемые безошибочно по мгновенной команде, заменяют умение вести войска к победе, соображаясь с действительными условиями дела; внешний блеск и изящная обмундировка становятся предметами главного внимания; дисциплина, проведенная с неумолимою строгостью, убивает всякое живое начало и искореняет дух личной инициативы. Недаром в 1814 году человек замечательного ума, тогдашний наследный принц Виртембергский, говорил императору Александру Павловичу, что Фридрих Великий всех европейских государей обратил в капралов. Всего хуже то, что это направление неизбежно отражается и на гражданском строе, в который вносятся те же начала чисто внешнего порядка и военной дисциплины, между тем как именно здесь они менее всего уместны. В молодости привычка к известной дисциплине всегда полезна, в этом состоит благая сторона всеобщей воинской повинности; но когда эта привычка доходит до полного уничтожения личности, она становится убийственной для народного характера и нравов.

В этом отношении морское дело имеет значительные преимущества перед военным. В мирное время войску не приходится преодолевать опасностей; соблюдение внешнего порядка остается единственным предметом заботы. В морском деле, напротив, постоянная борьба со стихиями требует напряжения всех умственных и нравственных сил. Тут недостаточно повиноваться, надобно уметь и соображать. На начальниках в особенности лежит тяжелая ответственность за самую жизнь экипажа, которого вся судьба зависит иногда от малейшего недосмотра. А с ответственностью связана и личная инициатива; нужны решимость и твердость. Морское дело, по существу своему, способствует выработке характеров. Этим именно отличаются приморские народы, и это составляет для них громадную выгоду во всех отношениях. Флот не может сделаться игрушкой, подобно войску. Подверженное постоянным опасностям, мореплавание требует действительного умения. Управлять кораблем не то, что командовать на маневрах. Поэтому и страсть к морю развивается только у людей, действительно к тому способных. К тому же флот менее вторгается в гражданскую жизнь; он не может служить орудием ни для охранения внутреннего порядка, ни для подавления свободы. А с другой стороны, он нуждается в материале, который только в слабой степени создается правительством, а, главным образом, вырабатывается самим обществом. Там, где в народе нет ранней привычки к морю, где нет более или менее значительного развития торгового судоходства, там военный флот всегда покоится на шатком основании. Однако и тут умное и настойчивое правительство может сделать очень много. Чем неблагоприятнее условия, тем выше подвиг. Ни в чем, может быть, могучий гений Петра не проявился в такой силе, как в создании флота, который способен был разбить Шведов. Флоты Екатерины одерживали победы в Архипелаге. И в наши дни мы видели образцовый флот, созданный гением великого моряка вдали от всяких правительственных влияний, на тесном пространстве Черного моря. Под руководством умного и энергичного вождя воспиталась целая фаланга бессмертных деятелей, которые и после гибели флота ознакомили себя великими военными подвигами и пали, защищая отечество. Но и это создание гения лишено было настоящей почвы. Черноморский флот исчез перед превосходною силой, а обновить его не из чего, ибо купеческое судоходство отсутствует. Правительство принуждено тратить громадные суммы на жалкие предприятия, которые служат лишь к тому, чтобы убить всякую конкуренцию и

не дать возникнуть самостоятельным силам. А в последних-то и заключается все дело.

Существование торгового мореходства не только составляет условие для прочного создания флота, но оно, главным образом, вызывает в нем потребность. Военный флот нужен прежде всего для обеспечения торговли и для ограждения торговых интересов в самых отдаленных морях. В этом заключается вся сила Англии. Она стремится всегда иметь флот, превосходящий даже соединенные флоты других держав, потому что торговые ее интересы распространяются по всему земному шару и везде требуют ограждения. Задержка торговли при столкновениях с соседями составляет для нее вопрос жизни и смерти. Без этого нет нужды тратить громадные суммы на морские сооружения. Часто военные задачи флота весьма ограничены. Не им решаются судьбы государств. Только в исключительных условиях, когда вся историческая жизнь вращается около берегов и островов, как было, например, в древней Греции, он становится могущественным фактором государственной силы. Значение его тем меньше, чем более страна имеет континентальный характер. Даже страны, окруженные морем, как Англия, защищаются своим положением еще более, нежели флотом. Посланная для завоевания ее, испанская армада погибла без боя. Для нападения на континентальные страны Англия бессильна, если она в них самих не находит опоры. Во времена наполеоновских войн она была владычицею морей, но на континентальные войны ее флот не имел никакого влияния. В Крымскую кампанию соединенные флоты самых могущественных морских держав могли только с величайшими усилиями способствовать взятию одной приморской крепости; на всех остальных пунктах оказалось полное бессилие. Точно так же во Франко-Прусскую войну французский флот имел превосходство на морях, но это не послужило ровно ни к чему. Поэтому для государства, не обладающего обширною торговлей и не имеющего заморских колоний, нет никакой нужды тратить значительные средства на сооружение военного флота. Когда бедные страны, как Италия и Греция, истощают последние средства на создание флотов, тем самым подрывая платежные силы народа, то в этом обнаруживается только превратность политических взглядов. Не видать также, каким существенным интересам России может служить содержание более или менее значительного флота на Дальнем Востоке, где у нас нет ничего, кроме голых пустынь.

В политике нельзя достаточно настаивать на том, что объем государственных сил должен сообразоваться с денежными средствами. Отсюда

высокая важность здоровой финансовой политики. И в мирное время, а еще более в случае войны, когда требуются внезапные и громадные издержки, возможность располагать деньгами составляет первую и самую насущную потребность государства. Фридрих Великий говорил, что на войне победителем остается тот, кто имеет последний талер в кармане. При Наполеоне Англия мало участвовала в континентальных войнах, но она поддерживала их своими субсидиями. В конце концов, государство, обеспеченное в денежных средствах, всегда имеет перевес над тем, кому их недостает.

В основании своем начала финансовой политики суть те же самые, которыми руководится и частное хозяйство, именно, соображение расходов с платежными средствами. Воображать, что государство обладает неистощимым запасом денег, которые оно может тратить по произволу, пренебрегая самыми элементарными требованиями всякой хозяйственной деятельности, есть вредное и опасное заблуждение. Расточительность и неразумие всегда носят в себе свое наказание. Так же как частный хозяин, государство обязано быть расчетливым и бережливым. Это требование тем настоятельнее, что средства, которыми располагает правительство, суть не его собственные, а общественные. Поэтому первое правило здоровой финансовой политики состоит в том, что обыкновенные расходы должны покрываться обыкновенными доходами. Где этого нет, надобно или сокращать расходы, или увеличивать обложение. И то и другое представляет обыкновенно значительные затруднения. И в частном хозяйстве нелегко изменить установленное течение жизни; в государственном управлении, несравненно более сложном, где утвердился известный прочный порядок и подобраны люди для исполнения общественных целей, сокращение расходов бывает сопряжено с величайшими трудностями. Для преодоления их требуется самое подробное изучение предмета, а вместе практический смысл и настойчивость в проведении мер. Приходится изменять сложившиеся привычки не только управляющих, но и управляемых. Надобно удалить и дать иное назначение привычным к делу людям и приставить других, которым новый порядок является заново. И при этом рискуешь дать меньшее или худшее удовлетворение установившейся общественной потребности. Ко всему этому следует прибавить, что люди, стоящие во главе дела, а потому ближе всех с ним знакомые, всегда находят, что средств у них мало; они готовы всеми силами отстаивать свое управление и приводят тысячу причин, почему оно не может быть изменено. Министру финансов, стремящемуся к сокращению расходов, тем труднее с этим бороться,

что он сам не может быть специалистом по всякой отрасли. Понятно поэтому, что стремление к сокращению расходов редко приводит к сколько-нибудь значительным результатам. Обыкновенно оно ограничивается мелочами, не имеющими существенного влияния на государственное хозяйство. Вообще, с развитием жизни государственные потребности растут, а с ними вместе растут и расходы.

Вследствие этого, когда обнаруживается более или менее постоянный дефицит, обыкновенно прибегают к другому средству, именно, к поднятию доходов. Но тут встречаются затруднения своего рода. Поднять доходы немудрено в стране богатой, имеющей избыток производительных сил; но в таких странах всего реже оказываются дефициты. Обыкновенно они являются в странах бедных или разоренных, для которых нести новые тягости непосильно. Когда старые налоги тяжело лежат на народонаселении, возложение на него нового бремени может совершенно подорвать его экономические силы. Если оно имеет голос в установлении податей, оно поднимает вопль, и с ним надобно считаться. Конституционные правительства принуждены быть весьма осторожны в возвышении налогов, ибо они должны щадить своих избирателей. Неограниченные правительства изъяты от этих соображений, но зато они скорее рискуют парализовать производительные силы страны и тем уничтожить главный источник государственных средств. К экономической области всего более приложено сравнение Монтескье: «Когда дикие народы Луизианы хотят сорвать плоды, они рубят дерево и срывают плоды: таково изображение деспотизма». Во всяком случае, возвышение податного бремени всегда возбуждает неудовольствие плательщиков, а всякое правительство старается этого избегнуть.

Если оно не решается на такую меру, остается прибегать к кредиту. Но и с кредитом надобно обращаться весьма осторожно; иначе для минутного облегчения в настоящем чрезмерно увеличивается бремя будущего. Существенная задача состоит в том, чтобы кредит был употреблен рационально. Это может делаться в двух случаях: 1) в обыкновенном порядке, когда заем обращается в стоячий капитал, приносящий более дохода, нежели те проценты, которые приходится выплачивать на занятые деньги; 2) в чрезвычайных обстоятельствах, когда расход составляет настоятельную нужду государства, а обыкновенными доходами он не покрывается...

Все подобные соображения должны, однако, умолкнуть там, где требования государства настоятельны и очевидны. Когда дело идет о защите или

вооружении, общество, одушевленное патриотическим чувством, не может торговаться. Однако и эту струнку можно злоупотреблять. Известно, как, играя на ней, князь Бисмарк все увеличивал военные силы Германии, а так как и другие государства принуждены были делать то же самое, то бремя милитаризма ложилось все большим и большим гнетом на все европейские народы. Тут финансовая политика стоит в прямой зависимости от политики общей. Нельзя по этому случаю не припомнить слов, которые повторял знаменитый министр финансов времен Реставрации и Июльской монархии барон Луи своим товарищам по министерству: «Давайте мне хорошую политику, и я вам устрою хорошие финансы».

Войны и вооружения составляют главные причины громадной задолженности современных европейских государств. Было время, когда количество долгов считалось даже признаком богатства. Ныне это странное воззрение отошло в область забытых парадоксов. Если в военное время государства принуждены делать долги, то в мирное время они стремятся их уплачивать. Поэтому когда в мирное время задолженность непомерно возрастает, нельзя не видеть в этом признака неправильного хода финансовой системы. Таково именно положение у нас за последние пятнадцать лет. Если возникают новые предприятия, то к ним надобно преступать осторожно, не впадая слишком в крупные долги. Если же нужны усиленные вооружения, то они должны покрываться из обыкновенных доходов, а не путем займов...

Из всего сказанного ясно, что весьма значительная часть государственных сил и средств идет на ограждение и расширение внешнего положения государства. Обращение их на внутреннее благоустройство составляет уже дальнейшую задачу, которая выдвигается на первый план, когда первая вполне обеспечена. И это понятно: ибо только тогда, когда государство приобрело самостоятельность и заняло подобающее ему место в ряду других, оно может думать о внутренних улучшениях. Без этого последние всегда подвержены величайшему риску и могут разом сокрушиться.

Внутреннее благоустройство требует, однако, иного свойства сил, нежели внешняя защита. Тут преобладающее значение имеет не столько внешняя, сколько внутренняя сила власти, состоящая из духовных элементов. Охранение общественного порядка, без сомнения, нуждается как в полицейских, так и в военных средствах. Правительство, которое не в состоянии подавить всякое возмущение, не исполняет первой своей задачи. Но необходимые для этого

орудия ничтожны в сравнении с теми, которые требуются для внешних войн. И в финансовом отношении правительство в видах благоустройства не вынуждается делать внезапные, громадные и часто непроизводительные затраты, которые в течение многих лет ложатся тяжелым бременем на страну. Оно тратит то, что ему по силам, и делает займы только тогда, когда оно рассчитывает, что они ему впоследствии окупятся. Нерасчетливость тут может быть только добровольная, а не вынужденная. Главная опора внутреннего порядка заключается не в материальных средствах, а в тесной связи власти и подчиненных. Власть сильна, когда она в гражданах встречает всегда готовое повиновение, а последнее весьма ненадежно, если оно основано только на страхе внешней силы: прочным залогом порядка оно может быть лишь тогда, когда оно покоится на нравственных побуждениях.

Первый элемент сильной власти в постоянстве и твердости направляющей воли. Шаткость и колебания подрывают значение власти. Люди всегда повинуются скорее, когда есть уверенность, что решение останется неизменным и будет проводиться с неуклонною твердостью. Колеблющаяся власть лишается уважения. Вследствие этого, как уже неоднократно было замечено выше, сосредоточенная власть, по существу своему, сильнее власти разделенной, требующей соглашения различных волей, а потому сделок и уступок с неразлучными при них колебаниями.

Однако этого одного условия далеко не достаточно для создания сильной власти. Тут все зависит от свойств того лица, в руках которого она сосредотачивается. Монарх со слабою или колеблющеюся волей не может быть источником сильной власти. И этому недостатку невозможно помочь, ибо природы человека нельзя изменить. При таких условиях потребность сильной власти нередко ведет к тому, что на место монарха становится временщик, облеченный безграничным его доверием. Но тут исчезают те нравственные связи, которые соединяют монарха с народом и обеспечивают повиновение. Хорошо, когда доверием облачается лицо, способное занимать такое положение; но оно может пасть и на недостойного. История представляет тому многочисленные примеры.

Самая твердость и постоянство воли правителя не обеспечивают ему надлежащего исполнения. Лицо, облеченное властью, не может все делать само; оно нуждается в органах, от свойства которых зависит исполнение. Сосредоточение власти в одном лице не мешает раздорам министров. В

неограниченных монархиях это — явление весьма обыкновенное. Монархи, наиболее дорожащие своею властью, считают даже полезным окружать себя людьми различных направлений, которые представляют им вопросы с разных сторон. Когда при таком устройстве говорят о правительстве, то часто неизвестно, кто именно обозначается этим именем: единый ли властитель или враждующие между собою министры? Если же монарх ищет безусловного повиновения и подбирает людей, соответствующих этому требованию, то министры, чуждые всяких убеждений и лишенные всякой инициативы, становятся слепыми орудиями, неспособными быть руководителями общества и пользоваться его уважением. Через это все государственное управление превращается в мертвую машину, которая носит только внешние признаки силы, а в действительности страдает полною внутреннею несостоятельностью. Сила власти требует прежде всего подбора людей; от этого не избавляет никакое государственное устройство.

Она требует и разумного направления. Недостаточно, чтобы воля была тверда и постоянна; надобно, чтобы она была направлена именно на те цели, которые указываются общественным благом, и умела выбирать нужные для этого средства. Твердая воля, не руководимая просвещенным пониманием истинных потребностей народа, а идущая им наперекор, способна возбудить только всеобщее неудовольствие; неудовольствие же рождает если не явное, то тайное сопротивление и разрушает ту духовную связь между правительством и гражданами, которая составляет самую надежную опору власти; накопляясь, оно может, наконец, проявиться в опасных взрывах. В такую ложную колею нередко впадают именно те правители, которые всего более дорожат началом власти. Преувеличивая его значение, отвергая все остальное, они тем самым подрывают ее основы. Как уже было неоднократно замечено, избыток всякого одностороннего начала ведет к его отрицанию и тем самым к его падению.

При таком направлении исчезает то, что составляет главную внутреннюю силу власти — нравственный ее авторитет. Государственная власть, как сказано, держится не одними внешними средствами, а прежде всего тем нравственным началом, которое в глазах народа делает ее представителем высшей идеи отечества. Макиавелли говорил, что князь должен рассчитывать более на страх, нежели на любовь подданных, и это могло быть верно для итальянских князей эпохи Возрождения, которые воздвигли новую власть на развалинах феодального и общинного своеволия. В прочном государственном порядке устанавливаются совершенно иные связи. Власть, не имеющая корней в народной жизни, не

пользующаяся любовью и уважением подданных, всегда покоится на шатком основании. А любовь и уважение не только приобретаются, но и поддерживаются нравственными средствами. Доверию снизу должно соответствовать доверие сверху. На этом зиждется весь нравственный авторитет правительства, составляющий главную его внутреннюю силу.

Отсюда ясно, что сильною может считаться только та власть, которая находит опору в обществе. Это верно для неограниченных, так же как и для смешанных и республиканских правлений. Для последних это само собою очевидно. Там, где общество имеет голос в государственных делах и может оказывать на них большее или меньшее влияние, правительство, не опирающееся на общественные силы, не в состоянии держаться. Если оно имеет за себя только часть общества, а остальная, значительная часть оказывает ему противодействие, оно может временно получить преобладание, но в конце концов государство через это расслабляется, и самая власть, оторванная от общества, лишается своей нравственной силы. Все искусство государственных людей в конституционном правлении состоит в том, чтоб установить сильную власть при сохранении свободы. Об этом мы подробно говорили при обсуждении различных форм государственного устройства. В неограниченном правлении задача упрощается тем, что устраняется всякая явная оппозиция. Но через это отношения власти к подданным теряют характер искренности и правды. Официальные заявления преданности заменяют неподдельные выражения чувств. Независимые люди молчат, а глашатаями общества являются те, которые ищут милостей у власти, расточающей блага. Ложь заступает место истины, раболепство и лицемерие становятся господствующими началами общественной жизни. Образуется официальный мир, со своими особенными нравами, со своим особенным языком, мир, весь рассчитанный на показ и не имеющий ничего общего с действительностью. Поэтому и сила власти, покоящаяся на этом мираже, является призрачною. Когда нужно на что-нибудь опереться, оказывается, что опоры нет. Поддержку власти могут дать только живые общественные силы, а для этого они должны стоять на своих ногах и пользоваться подобающею им самостоятельностью. Не та власть сильна, перед которою все молчат, не смея поднять голос, а та, которая пользуется искренним содействием общества. Поэтому призвание общественных сил к участию в государственной деятельности может служить к утверждению власти, оно и выражается приведенным выше

изречением царя Феопомна, что власть не умалается, когда она сама себя ограничивает, ибо она становится более прочною.

Из этого ясно, что нет более опасного заблуждения, как смешение силы власти с господством произвола. Между тем, именно в неограниченных правлениях нередко это начало последовательно проводится даже в подчиненных сферах, где власть, по существу своему, ограничена. Местные правители превращаются в полновластных пашей, произволу которых отдается на жертву все население. Даже последний полицейский служащий изымается из ведения суда и становится под защиту начальства, которое во имя власти всегда готово его поддержать, как бы он ни был виновен...

Власть, признающая свою ошибку, тем самым приобретает нравственный авторитет, который сторицею вознаграждает за неизбежные в человеческих делах заблуждения. Всего хуже, когда эта непогрешимость произвола распространяется и на низших представителей власти. Правительство не только считает нужным поддерживать их во имя своего достоинства, но нередко оно ценит именно то нахальное отношение власти к подчиненным, которое поверхностным и глубоким умам представляется обаянием силы. Когда же подчиненные осмеливаются поднять голос, их считают за революционеров. Иногда держат правителя, возбуждающего всеобщее неудовольствие, единственно из опасения, что удаление его будет представляться как бы уступкою обществу. Это — лучшее средство сделать власть ненавистною.

Правительство, которое следует такой политике, подрывает собственные свои основы. Оно теряет всякий нравственный авторитет и лишается той ничем не заменимой поддержки, которую дает добровольное содействие общества. Живой союз между правительством и обществом не ослабляет, а возвышает силу власти. Поэтому первое требование здравой политики в неограниченных, так же как и в ограниченных правлениях, состоит в установлении этого внутреннего согласия. Стремясь к этой цели, правительство не должно опасаться, что оно, делая уступки, колеблет свою силу и подает повод к новым, все возрастающим требованиям. Это опять одно из тех заблуждений, в которые обыкновенно впадают ограниченные консерваторы. Уступки же, вовремя сделанные разумною и твердою властью, восстанавливают нарушенное единение и дают ей новые, более прочные основы. Без сомнения, всего лучше, когда правительство, усматривая возрастающие потребности, по собственному почину приступает к необходимым преобразованиям. Но если это было упущено, лучше поправить дело, когда еще

есть время, нежели упорно держаться существующего порядка, возбуждая неудовольствие и рискуя окончательным крушением. Не одно правительство падало, потому что слишком поздно соглашалось на уступки, которые, сделанные вовремя, могли спасти положение. Упорство нередко считается признаком твердости; но еще чаще оно бывает признаком ограниченности.

Во всяком случае, как скоро общественные силы пробудились и предъявляют свои требования, первое и необходимое условие для водворения внутреннего согласия заключается в установлении твердого законного порядка. Надобно, чтобы в управлении господствовал не произвол, а закон. Первый подрывает власть, второй ее поддерживает. Произвол правителей вызывает своеволие подданных; закон, напротив, возвышает нравственную силу власти и дает ей опору в том постоянном порядке, которому все должны подчиняться. Власть, опирающаяся на закон, не подвергается нареканиям в своекорыстии и лицепрятости. Она является выражением не случайного и изменчивого настроения воли, а разумных требований жизни, покоящейся на прочных основах.

Конечно, самый закон должен, в свою очередь, соотноситься с требованиями власти. Полагая ей разумные границы, он должен, с другой стороны, предоставить ей необходимый для ее деятельности простор. Это приводит нас к вопросу об утверждении законного порядка в управлении. Власть составляет первый и главный элемент государственного управления; закон есть второй, не менее существенный элемент, тот, который дает самой власти высшую силу и значение,

Утверждение законного порядка. Кроме силы власти, в государстве необходим прочный законный порядок. Без твердых правил, служащих ей руководством, власть способна установить только порядок внешний: она может положить преграды насилию и заставить подданных повиноваться ее приказам, но она не в состоянии водворить ту обеспеченность общественного и частного быта, то постоянство отношений не только между лицами, но и между учреждениями, которые составляют первый признак гражданственности. При чисто внешнем порядке может существовать союз господина и рабов, но нет благоустроенного гражданского общества.

Утверждение в государстве прочного законного порядка значительно облегчает самую деятельность власти. Если она не всегда может действовать по усмотрению, то она взамен того получает твердые руководящие начала, на которые она может опереться, а это для всякой разумной деятельности имеет

первостепенную важность. Люди, не признающие ничего, кроме своей личной воли, привыкшие следовать всякому минутному влечению, могут этим стесняться; разумный человек видит в этом первое условие правильной деятельности и гарантию против возможных ошибок. При многосложности и изменчивости жизненных отношений нет никакой возможности решать всякий случай отдельно, не подводя его под общее правило. Из этого могут проистекать только бесконечная трата времени и ряд самых грубых ошибок, а в результате полнейший хаос. Даже в частном быту, где человек зависит единственно от себя, привычка составляет один из важнейших факторов жизни; она одна дает возможность правильно распределить время, не поглощаться мелочами и действовать быстро и уверенно. В несравненно более сложной общественной жизни закон заменяет место привычки. Там, где многим приходится действовать вместе, надобно, чтобы каждый знал, что и как ему делать, а это невозможно без твердых и постоянных правил. Недостаток их может породить бесчисленные столкновения и затруднения. В общественной жизни закон и порядок суть слова однозначные, а где нет порядка, там человеческая воля парализована со всех сторон и отдана в жертву всякой случайности.

Закон возвышает и нравственное значение власти. Мы видели, что закон есть нравственный элемент государства. Подчиняя всех общему правилу, одинаковому для всех, он тем самым водворяет начало справедливости, которая есть высший идеал государства. На нем основано и начало обязанности, которое делает повиновение не следствием страха перед внешнею силою, а нравственною связью между начальствующими и подчиненными. От него самая власть получает свое право, в силу которого она может требовать повиновения. Приказаниям незаконной власти никто не обязан подчиняться. Поэтому и самая власть, как бы высоко она ни стояла, всегда должна оказывать уважение к закону. В этом выражается уважение к нравственному существу собственной воли, ибо в государстве, более, нежели где-либо, та только воля имеет нравственное значение, которая не увлекается минутною прихотью или случайными соображениями, а руководится постоянными правилами, направленными ко благу союза. Самоограничение воли есть первый признак нравственного ее характера. В еще большей степени это требуется от властей подчиненных; они должны строго держаться в пределах предоставленных им прав. Без этого в государстве водворяется господство чистого произвола, которому подданные отдаются на жертву. Вместо гражданственности устанавливается рабство.

Твердость законного порядка облегчает и повиновение. Человек легче и охотнее повинуется, когда он наперед знает, что от него требуется, нежели когда действия его зависят от случайной воли повелевающего. Самые тяжелые повинности облегчаются привычкой; тем охотнее исполняются обязанности, одинаково распространяющиеся на всех и имеющие в виду общее благо. Человек возмущается против произвола, в котором он видит только прихоть повелителя, но он легко подчиняется закону, который представляет для него выражение высшего порядка, ограждающего его самого. Отсюда рождается уважение к закону, которое, когда оно утверждается долгою практикой и входит в нравы, составляет самую надежную опору государственного строя. Где этого нет, там происходят только постоянные колебания между произволом и своеволием, которые поочередно сменяют и вызывают друг друга. Задача мудрой политики состоит в том, чтобы избежать обеих крайностей; только этим можно утвердить государство на прочных основах.

Без сомнения, твердость законного порядка возможна только там, где благоустройство достигло уже известной степени и государство не представляет хаотической массы, которая сдерживается одною внешнею силой. Макиавелли мог советовать своему князю опираться преимущественно на войско, ибо в его время это было единственное, что могло положить конец анархическому брожению средневековых стихий. Но то классическое государство, которое составляло предмет его удивления, отличалось именно самым строгим уважением к закону. Внутренние междоусобия, положившие конец Римской республике, начались только тогда, когда развитие законного порядка было нарушено революционными действиями Гракхов.

В новое время образец строго законного развития представляет Англия. В ней самые революции совершались во имя закона, нарушенного монархами. Вследствие этого она избегла тех потрясений, которые постигли в новейшее время государства европейского материка. Во Франции демократия, не воспитанная уважением к закону, явилась бурным потоком, который уносил перед собою все преграды и затоплял страну; приходилось создавать против нее искусственные плотины, которые опять подвергались той же участи. Если она достигла наконец некоторого равновесия, то это произошло лишь благодаря постоянно угрожающей ей внешней силе, которая заставляет ее держаться в должных границах. В Англии, напротив, демократия достигла преобладания мирным и правильным путем, сохраняя уважение к старым элементам и оставляя

им подобающее место в государственном строе. Развитие совершается здесь не разрушением существующего, а постепенным его изменением и приспособлением его к новым потребностям. Уважение к закону охраняет Англию от революций.

Совершенно иную картину представляет Россия. Здесь не закон, а власть искони составляла центральное звено и оплот государственного строя. Это произошло оттого, что Россия при своих огромных пространствах, при скудости и малой развитости населения представляла хаотическую, бродячую массу, которую можно было сдерживать только внешнею силой. Недостаток внутренней связи заменялся строгим подчинением. Отсюда безмерное развитие крепостного права, которое простиралось на все сословия и не оставляло места человеческой свободе. Вследствие этого всякое понятие о праве у нас исчезло. Запрещение перехода крестьян без всякой общей меры, само собою, силою вещей, превратило их в полных рабов. И со своей стороны, члены высшего сословия, даже знатнейшие бояре, считались холопами Московских царей. Вместо уважения к закону, связующим элементом государства было беспрекословное повиновение власти. Но именно вследствие этого внешний порядок заступил место внутреннего. Всемогущее правительство было бессильно против лихоимства, произвола и притеснений собственных чиновников. Закон безнаказанно обходился и правящими и подчиненными. Одна власть старалась идти наперекор другой, а правосудия нельзя было найти нигде. Беспорядок русского управления сделался общим местом: он прославлялся и в прозе, и в стихах:

Все тот же Руси жребий странный.

Все край богатый и пространный.

И Немцев эка благодать!

А все порядка не видать.

Такое положение вещей не могло не отразиться на обществе. А в нем, вместо уважения к закону, искони господствовали крайности раболепства и своеволия. Бунты крепостных крестьян проявлялись в виде Пугачевщины и вызывали только беспощадное подавление. В образованных слоях, в противоположность господствующему подобострастию, которое всякого независимого человека доселе клеймит название красного, широко распространились революционные идеи, глубоко таившиеся под давлением официального гнета. Разумный и умеренный либерализм всегда составлял у нас

достояние ничтожного меньшинства, бессильного среди крайних течений. И когда, наконец, русское правительство вступило на тот путь, который один мог обещать прочные успехи, когда оно совершало величайшие преобразования, составлявшие первое условие законного порядка, вскормленное прежним произволом своеволие прорвалось наружу в безобразных явлениях нигилизма и грозило разрушить весь с таким трудом воздвигнутый государственный строй. И снова как русское правительство, так и русское общество увидели спасение единственно в произволе. Законный порядок заменился осадным положением; в дисциплине старого времени стали видеть идеал общественного устройства. Но на почве новых учреждений такое реакционное направление всего менее может рассчитывать на прочный успех. Можно предвидеть, что оно, в свою очередь, вызовет реакцию, и опять, как водится, в крайнем направлении. Колебания между произволом и своеволием будут продолжаться до тех пор, пока и правительство и общество не убедятся, что только на почве законного порядка возможно разумное и прочное устройство государственного быта.

Первое и необходимое для этого условие есть уважение к праву. Нельзя с достаточною силой выразить то высокое значение, которое имеет для государственной жизни развитие права, и те неисчислимы выгоды, которые оно приносит. Право служит первою и главною охраной человеческой личности и всего того, что ей принадлежит. Ограждая человека от насилия, оно дает ему уверенность в прочности его быта, обеспеченность будущего, а вместе и силы для деятельности. Никто не станет работать, если он не уверен, что плоды его труда не будут у него отняты. На этом основаны все семейные и домашние добродетели: забота о детях, трудолюбие, бережливость, строгий порядок жизни. Кто не уверен в завтрашнем дне, тот спешит вкушать минутные наслаждения и расточает свое достояние. На этой уверенности основан и весь подъем экономической деятельности. Только под охраною права, при обеспеченности собственности и сделок промышленные силы народа могут достигать сколько-нибудь высокого развития. С бесправием неразлучна бедность.

С другой стороны, внушая человеку сознание своей силы, чувство права возвышает нравственное его достоинство. Уважая других, он требует уважения и к себе. Только при таких условиях могут развиваться характеры, которые в бесправном состоянии представляют безобразное сочетание принижения и самодурства. Даже бескорыстная деятельность на пользу общественную развивается лишь там, где она опирается на твердую почву права. Человек готов

выступить представителем общества лишь тогда, когда это общество имеет права, на которые он может опираться и которые он призван отстаивать. Только обеспеченность этих прав дает его деятельности настоящий простор и достоинство. Где эти права принижаются, лучшие люди устраниваются от общественной жизни; остаются в ней только те, которые ищут в ней своих личных выгод.

Наконец, самый закон только через охранение права получает истинное свое значение. Закон, предписывающий повиновение, но не ограждающий подвластных от притеснений, является в их глазах произведением внешней силы, а не выражением высшего порядка. В нем исчезает именно то, что дает ему нравственное значение: с уважением к личности исчезает понятие о справедливости. Закон уважается только тогда, когда он сам оказывает уважение тем, на кого он простирается. Отсюда рождается и привязанность к законному порядку; люди дорожат им, когда они видят в нем ограждение своих прав и своих жизненных интересов. Без этого он остается чисто внешнею формой, насильственно наложенной на общество. Внутренний порядок зиждется на охранении права.

Отсюда ясно то превратное понимание общественных отношений, которое вытекает из противоположения права нравственности, когда последняя выставляется как высшее начало, которое должно заменить первое в общественной жизни. В этом весьма распространенном у нас смещении понятий повинны более всего славянофилы, которые, не замечая в русской истории развития начал права, думали этот недостаток возвести в достоинство, утверждая, что в замене низших требований права в русском народе развивалось по преимуществу сознание нравственных начал. Но сами они, когда приходилось иметь дело с неотразимою действительностью, яркими чертами изображали те общественные язвы, которые составляют естественное последствие непрерывного состояния. Это сделал Хомяков в приведенном выше стихотворении, изображавшем Россию перед Крымскою кампанией. Вместо умилительной картины нравственной чистоты, русское общество представляло среду, в которой гнездились всевозможные пороки: неправда в судах, рабство в самых широких размерах, лесть, ложь, лень и всякая мерзость. И это не было последствием государственной политики, вступившей на ложный путь под чужестранным влиянием. Это было прямое наследие древней России, в которой крепостное право распространялось на всех, от высших до низших, где

лихоимство было до такой степени общим явлением, что с ним не пытались даже бороться. Новая Россия только медленно и с большим трудом освобождалась от этих зол. Прежде всего она освободила дворянство и облекла его правами; поэтому в нем прежде всего зародились сознание права и чувство человеческого достоинства. Но при бесправном населении это чувство могло явиться только в смутных зародышах, скорее как исключение, нежели как правило. Только с освобождением крестьян и с водворением общей гражданской свободы начала права получили возможность развиваться в Русской земле.

Этим открывается простор и высшему нравственному развитию общества. Где нет уважения к человеческой личности, там не может быть речи о нравственных требованиях, ибо первое нравственное требование состоит в том, чтоб уважать человека, видеть в нем брата, то есть себе равного, а не бесправное существо, к которому, как к бессловесному животному, обращаются только с приказанием и понуждением. Можно услаждаться какими угодно идиллическими мечтами о нравственном единении мирских сходов или о любовной связи властвующих и подчиненных, в действительности, где есть бесправие, там всегда есть притеснение сверху и лицемерие снизу. В отдельных случаях, когда власть попадает в руки людей, одаренных высоким нравственным сознанием, эти отношения смягчаются чувством справедливости и человеколюбием. Такого рода явления делают честь тому классу, среди которого они более или менее распространены. Но в общем, картина бесправного общества есть именно та, которая изображается в приведенном выше стихотворении Хомякова. Силою вещей безобразные явления перевешивают в нем нравственные отношения.

Основное начало права есть, как мы знаем, правда, или справедливость, когда оно совершается по общему, нелицеприятному закону. Поэтому основное требование правды есть равенство всех перед законом. Это относится в особенности к тем правам, которые вытекают не из того или другого общественного положения, а из самой природы человека как разумного существа, призванного действовать во внешнем мире. Таковы права гражданские, которые состоят в свободном распоряжении своим лицом и имуществом. Произвольное стеснение этих прав есть притеснение, то есть неуважение к человеческой личности и отрицание коренного начала права. А так как государство призвано не только охранять, но и осуществлять правду на земле, то в отношении к нему первое требование состоит в том, чтобы оно не было притеснительным, а соблюдало справедливость относительно всех. Будучи верховным юридическим

союзом, оно само не подлежит принуждению, а поэтому это требование остается нравственным; но оно всегда к нему предъявляется, и оно никогда не может от него отречься. Нравственное значение государства измеряется исполнением этого требования.

Отсюда понятно, что родовой порядок, основанный на рабстве, и сословный порядок, основанный на крепостном праве, представляют низшие ступени государственного развития. Только общегражданский порядок, в котором устанавливаются равные для всех начала и условия гражданской свободы, выражает вполне идею справедливости в общественных отношениях. Мы видели, однако, что осуществление этих начал является плодом всемирно-исторического процесса и требует условий, которые далеко не везде и не всегда существуют. Кроме отвлеченного начала справедливости, определения права вызываются практическими потребностями общества и тем состоянием, в котором оно находится. Задача политики заключается в том, чтобы принять в соображение то и другое, удовлетворяя, с одной стороны, потребностям общества и водворяя в нем, с другой стороны, начала справедливости, насколько оно в состоянии их воспринять. Невозможно установить общий для всех закон там, где элементы совершенно разные; надобно, чтобы жизнь подготовила их слияние.

Мы видели, что именно таким историческим процессом один гражданский порядок переводится в другой, родовой в сословный и сословный в общегражданский. Действием экономических сил, расширением образования и развитием политических требований разбиваются юридические грани между различными общественными классами, пока, наконец, в общегражданском порядке устанавливается закон, общий для всех. В политической области может и даже должно сохраняться неравенство, ибо участие в государственных делах требует способности, а способность неравна в различных общественных классах; но право человека располагать своим лицом и имуществом, селиться где ему угодно, заниматься чем ему угодно, приобретать и отчуждать наравне со всеми должно сделаться достоянием всех и каждого. Когда государство поднялось на эту высоту и установило у себя такой порядок, притеснения одинаково противоречат и требованиям справедливости и здоровой политике. С одной стороны, они естественно возбуждают неудовольствие тех, которых права подвергают стеснению; чем вопиющее учиненная им несправедливость, тем более возбуждается в них неприязнь к угнетающему их государству, с другой стороны, этим возмущаются все те люди, которые высоко ставят нравственные требования.

Правительство умалывается в их глазах, оно теряет свое нравственное значение. Вместо того, чтобы быть руководителем и воспитателем общества, оно поддерживает в нем самые низменные понятия и страсти; оно первое подает пример презрения к человеческим правам и к требованиям справедливости. Таким образом, оно возбуждает против себя не только притесняемых, но и лучшую часть того общества, которое оно думает охранять. А между тем, результаты такой политики обыкновенно бывают самые плачевные; умаление и экономических и духовных сил страны; вместо согласного действия поселяется глубокая рознь как между правительством и обществом, так и между различными частями населения. Таковы естественные плоды всяких исключительных мер, особенно в отношении к чуждым народностям и вероисповеданиям. О первых мы уже говорили; к последним мы еще вернемся.

Охранение права есть дело не администрации, а суда. Поэтому установление нелицеприятного суда составляет первую обязанность государства и основное требование внутренней политики. Ни в чем, может быть, низкий уровень прежней русской государственной жизни не обнаруживается так ярко, как в отсутствии у нас всякого суда, достойного этого имени. Людям, жившим в дореформенное время, хорошо известно, что лихоимство и крючкотворство составляли явления общие; о правосудии не было и речи. Отсюда необъятное значение судебной реформы Александра II. Она занимает место наряду с освобождением крестьян и с преобразованием войска. Впервые в Русской земле водворился праведный суд. И это было сделано на таких основаниях, которые, обеспечивая требования государственного порядка, вместе с тем все нужные гарантии подсудимым и тяжущимся дают...

Утверждению законного порядка всего более содействуют смешанные правления, в которых одна власть воздерживает другую и для сохранения согласного действия требуется строгое исполнение закона. Однако и в чистых образах правления возможно установить в подчиненной сфере взаимное воздержание властей, составляющее неперемнное требование общественного благоустройства. К этому ведет самое развитие жизни. Всякое одностороннее направление влечет за собою неблагоприятные последствия как для государства, так и для народа. Тут неизбежно оказывается недостаток, который требуется восполнить. Там, где историческое развитие вело преимущественно к утверждению права и где, вследствие того, судебная власть является преобладающею, там рано или поздно ощущается недостаток административной

деятельности, от которого страдают общие интересы. Законодательство стремится восполнить его созданием новых административных органов и расширением их полномочий. Именно это течение господствует в Англии во второй половине нынешнего столетия. Наоборот, там, где администрация является всемогущею, оказывается потребность установить гарантии права, без чего нет ни гражданской свободы, ни высшего развития общественной жизни. Это и привело у нас к великим преобразованиям Александра Второго...

Вообще, утверждению законного порядка более всего препятствуют революционные стремления, распространяющиеся в обществе. Они не только не в состоянии положить предел произволу, но они именно его вызывают. Чем с большею силой они проявляются, тем необходимее становятся исключительные меры, предоставляющие административной власти широкие полномочия. Однако эти исключительные меры, в свою очередь, должны держаться в пределах строгой необходимости. Отступления от законного порядка допустимы временно, когда требуется подавить смуты, грозящие опасностью государству, но они не должны делаться постоянным правилом государственного управления. Иначе водворяется то поочередное колебание между произволом и своеволием, которое составляет величайшую язву общественной жизни. Система административных ссылок, как постоянная практика, не может быть оправдана здравой политикой. Еще менее может найти оправдание распространение чрезвычайных полномочий на полицейские меры, вовсе не касающиеся политической области, например, на мостовые и извозчиков, с предоставлением полиции права штрафовать граждан по своему усмотрению. При таком порядке перепутываются все понятия о праве и законе, всякие гарантии для граждан исчезают. Никто не знает, чего держаться, что можно и чего нельзя делать. Правительство собственными руками разрушает свое дело; оно сеет семена неудовольствия, которые способны принести самые печальные плоды.

Не может быть оправдано постоянное применение исключительных мер даже в завоеванных странах, где есть чуждые элементы, всегда готовые возмутиться. Тут вследствие исключительных условий могут требоваться особые законы и учреждения; но нельзя держать население под гнетом постоянного административного произвола. Владычество одного народа над другим оправдывается лишь тогда, когда господствующее племя является носителем высших государственных начал, когда оно в покоренной стране водворяет порядок и справедливость, а справедливость требует охранения прав всех и

каждого и подчинения всех общему закону. С административным произволом она несовместна. Государство, которое не имеет иного орудия, кроме произвола, тем самым само себя осуждает.

Попечение о благосостоянии. Законный порядок определяет формальную сторону государственной деятельности. Содержание ее составляют общественные цели, которые преследуются государством и ввиду которых оно устанавливается. Кроме внешней и внутренней безопасности, охраняемой государственными силами, эти цели состоят в попечении о материальных и духовных интересах народа. В какой мере государство может им содействовать и каких результатов может оно достигнуть? Это вопрос первостепенной важности в политике управления. От решения его зависят как размеры, так и приемы государственной деятельности.

В области материальных интересов в особенности этот вопрос является весьма спорным. Не только в общественном настроении, но и в науке замечаются в этом отношении постоянно сменяющие друг друга течения: то размер государственной деятельности доводится до наименьших пределов, то, напротив, она расширяется чрезмерно. Никогда, однако, при господстве одного направления не исчезает другое: оно остается не только в виде протеста, но и как существенный элемент общественной жизни, готовое снова появиться в полной силе, когда, казалось, оно обречено на окончательное падение. Так всегда бывает, когда в самом существе общественных отношений заключаются два противоположные элемента, из которых то один, то другой получает перевес, смотря по местным и временным обстоятельствам. Задача науки состоит в том, чтоб из этих колебаний вывести те основные начала, которые должны оставаться непоколебимыми, отделить в явлениях существенное от случайного и выяснить те условия, при которых то или другое направление получает преобладание.

Можно признать непреложной и непоколебимой истиной, что свобода есть коренное начало экономической деятельности человека. Выяснение этой истины составляет неоспоримую и бессмертную заслугу так называемой классической политической экономии. Во второй части этого курса мы старались осветить этот вопрос с разных сторон и доказать, что только при широкой свободе возможно сколько-нибудь высокое экономическое развитие общества. Те, которые видят в труде единственный источник экономического производства, более всего должны на этом настаивать, ибо труд есть чисто личная деятельность; трудится не общество, которое есть фиктивная единица, а лицо, и труд его тем плодотворнее,

чем более он истекает из внутреннего, свободного побуждения, а не совершается под угрозой внешнего насилия. Когда социалисты, с одной стороны, отвергают всякий другой фактор, кроме труда, а с другой стороны, требуют полного поглощения лица государством, то это одно из тех уродливых противоречий, которыми изобилует это учение...

Политика государства в области экономических отношений, так же как и во всех других сферах, зависит от состояния общества, а состояние общества определяется уровнем его экономического развития. Поэтому к разным ступеням развития приложимы одни и те же меры. Историческая школа экономистов выяснила это с полной очевидностью; в этом состоит громадная ее заслуга. Этим она восполнила недостатки классической школы, которая, исследуя чисто теоретические начала, не принимала во внимание различные фазы экономического развития и вытекающие отсюда потребности. Но восполнение не есть отрицание. Свобода все-таки остается нормою и идеалом экономической деятельности; но это — начало не безусловное, а развивающееся, и потому подлежащее ограничениям в применении к разнообразным условиям жизни.

Можно положить общим правилом, что чем ниже стоит экономический уровень общества, тем больше требуется вмешательство государства. Оно заменяет здесь недостаток направляющего фактора экономической жизни — капитала. Капитал дает человеку орудия деятельности и способы покорить себе природу; от него самый труд получает организацию и высшую производительную силу. В Учении об Обществе мы видели, что все общественное развитие состоит в постепенном накоплении материального и умственного капитала и в передаче его от поколения поколению. Пока этот важнейший из экономических факторов скуден, требуются искусственные меры, чтобы дать труду организацию и направление, способные удовлетворить общественным потребностям. Недостаток общественных сил восполняется государственною деятельностью.

На этой ступени государство становится опекуном общества. Труд подчиняется принудительной организации, рабство и крепостное право суть господствующие явления. Государством определяется и все направление экономической деятельности. Оно указывает цели, дает пособия и регламентирует исполнение. Система привилегий и монополий достигает самого широкого развития. Нередко правительство берет целые отрасли хозяйства в свои руки. К такой политике государство побуждается собственными своими потребностями. Оно нуждается в средствах, а эти средства оно может получить только от

общества; они даются развитием экономических сил страны. Чем выше это развитие, тем богаче государство. Ввиду умножения собственных средств, оно старается возбудить экономические силы всякого рода искусственными мерами, понуждением, поощрениями, регламентацией. Это — период господства меркантильной теории.

Однако система опеки может достигнуть лишь весьма незначительных результатов. Полезная для младенческого состояния, она с дальнейшим ростом становится помехою развитию. В экономической области, так же как и во всех других, главною пружиной развития, условием успеха является самодеятельность. Народ, не привыкший к самодеятельности, всегда остается на низшей ступени. По мере развития в нем внутренних, общественных сил экономические стеснения становятся все более и более вредными. Они падают одно за другим перед требованиями практики. Капитал, направляемый расчетливостью и умением, становится господствующим фактором экономической жизни; он заменяет собою правительственное руководство. С тем вместе и политика государства получает новое направление: опека снимается и общество предоставляется свободному движению экономических сил.

Этот период наступает с водворением общегражданского порядка. С отменю крепостного права и всех сопровождающих его стеснений, с установлением общей свободы и равенства перед законом общественной самодеятельности открывается полный простор. При такой системе каждый должен полагаться только на себя, стоять на своих ногах и делать то, что представляется ему выгодным и полезным ввиду собственных интересов, не ожидая руководства и указаний сверху. К правительству можно обращаться только с требованиями об отмене стеснений, а не с просьбами о помощи. Мысль, что оно должно быть всеобщим опекуном и заботиться о благосостоянии всех и каждого, является лишь остатком старого времени, который не вдруг исчезает с установлением новых порядков, а продолжает вызывать в нем ненормальные явления, идущие наперекор господствующему строю. Конечно, один порядок не переходит в другой внезапным скачком. Именно частные отношения всего менее поддаются крутым переломам и требуют бережного к себе внимания. Здравая политика состоит в том, чтобы выяснить себе значение этих переходов, щадя упроченные интересы, оказывая пособия, где нужно, до поры до времени сохраняя даже некоторые стеснения там, где они вызываются жизненными потребностями или привычками, но имея все-таки в виду, что окончательная цель

состоит в водворении экономической свободы как единственного начала, способного дать высшее развитие промышленным силам страны.

И при этой системе, однако, государственная деятельность не упраздняется; напротив, она в некоторых отношениях получает даже большее развитие. Чем живее и сложнее экономическая работа, тем более она требует установления общих условий и учреждений, находящихся в совокупном пользовании, а это составляет прямую задачу государства. Оно не является здесь опекуном экономических сил; но оно призвано удовлетворить совокупным потребностям, возникающим из свободного их движения. В обществе господствует широкая свобода, но общие условия этой свободы находятся в руках государства, и это составляет в высшей степени важную сторону его деятельности. Через это оно получает возможность давать то или другое направление самому движению сил...

К числу наиболее спорных вопросов экономической политики принадлежит вообще обязанность государства защищать слабых от притеснений. Мы уже касались этого вопроса с юридической точки зрения. Мы видели, что если это начало приложимо к тем лицам, которые не в состоянии сами себя защищать и требуют опеки, именно к детям и, в некотором отношении, к женщинам, то оно отнюдь не прилагается к взрослым мужчинам, которые, как свободные и полноправные лица, стоят на своих ногах и употребляют свои силы и средства по собственному усмотрению, а не по указаниям власти. Воззвание к вмешательству государства в область частных отношений есть возвращение к патриархальному взгляду, который видел в государстве всеобщего опекуна, призванного иметь отеческое попечение о детях. Оно совместно только с крепостным правом, но коренным образом противоречит понятию о гражданине как свободном члене общества, который сам о себе заботится и сам за себя отвечает, либералы, которые держатся подобных взглядов, впадают в противоречие с собственными началами. С экономической же точки зрения, вмешательство государства во все частные сделки ведет к бесконечной регламентации и к невыносимому стеснению промышленных сил. Этим парализуется вся экономическая деятельность, для которой свобода составляет коренную движущую пружину и первое условие высшего развития...

Способствуя, по мере возможности, развитию производства, государство может распространить свою заботу и на распределение богатства. В какой мере допустимо здесь вмешательство власти и чего она может достигнуть?

Древнее государство, которое не отличалось еще от гражданского общества, стремилось действием сверху устанавливать согласие различных общественных элементов. С этой целью политические мыслители советовали избегать крайностей богатства и нищеты. Бедным давалась помощь от государства, а богатые облагались значительными тягостями. Однако эта система не привела ни к чему; она не удержала древние государства от падения. Естественным движением жизни противоположные крайности, несмотря на умеряющие законы, расходились более и более; наконец, пришлось сдерживать их независимо от них властью. Вследствие этого республиканская форма уступила место монархии. В предыдущей части курса мы проследили этот процесс, которым обозначается постепенное разложение древнего государственного быта. Но там же мы видели, что новое государство строится на иных началах. Оно выделяется из гражданского общества и становится над ним. Здесь соглашение общественных элементов совершается не действием сверху, а внутренним развитием, естественным ростом средних классов, путем самодеятельности и постепенного накопления материального и умственного капитала. Этим устанавливается нормальное отношение государства и общества. Последнему, по самой природе вещей, принадлежит область экономической деятельности. Как производство ценностей, так и распределение их между различными общественными классами совершаются не искусственными мерами, не принудительным действием сверху, а свободным движением общественных сил. Собственная же задача государства состоит в охране справедливости, то есть в обеспечении каждому плодов своего труда и в равномерном привлечении всех к несению общественных тягостей.

Не всегда, однако, свободное движение общественных сил обходится без страданий, и государство не может оставаться к ним безучастным. Кроме справедливости, есть и человеколюбие, которое менее всего может быть чуждо христианским народам. Частные страдания вызывают частную помощь; но когда они принимают широкие размеры и распространяются в массах, в особенности когда они вызываются общими причинами, они не могут не обратить на себя внимания и заботы государства. В настоящее время, в особенности, эти стремления проявляются иногда даже с чрезмерною силою. Чем более демократические начала проникают в государственную и общественную жизнь, тем более предметом попечения становится благосостояние масс и тем более самые эти массы, вооруженные политическим правом, требуют помощи

государства. Отсюда развитие особенной отрасли политики, которая получила название социальной политики, направленной к улучшению благосостояния низших слоев населения. Она привлекает к себе усиленное внимание как государственных и общественных деятелей, так и целых ученых обществ. И это вполне понятно, ибо обострившиеся отношения классов составляют главную язву современного человечества. Пролетариат образует все возрастающую силу, которая грозит разрушением всему существующему порядку. Желание уврачевать глубоко вкоренившееся зло и привести к соглашению стремящиеся врозь элементы составляет поэтому естественную заботу как тех, на ком лежит попечение об общем благе, так и тех, которые, изучая явления общественной жизни, не остаются безучастны к судьбам человечества.

Но, признавая вполне законность этих стремлений, беспристрастная наука не может не сказать, что они нередко заходят слишком далеко. Неразумное человеколюбие, не руководимое пониманием истинных начал общественной жизни, часто производит более зла, нежели пользы. Это в особенности имеет место там, где человеколюбие, вопреки нравственной его природе, становится принудительным. Никогда не следует забывать, что нравственность, по существу своему, есть начало не принудительное, а свободное, исходящее из внутренних побуждений человеческой совести. Принуждение к нравственности есть насилие совести, а потому безнравственно. Благотворительность есть, поэтому, по существу своему, дело частное. Государство, как уже было объяснено в другом месте, вступает лишь тогда, когда зло принимает такие обширные размеры, что оно грозит нарушить общественный порядок и подорвать общее благосостояние. Но именно в таких случаях оно перестает быть просто делом человеколюбия; оно становится настоящим предметом политики.

В стремлениях к улучшению быта народных масс не надобно забывать и другого, не менее важного начала, именно, что в свободном обществе каждый должен стоять на своих ногах и заботиться сам о своей судьбе. Обращение к помощи государства, к регламентации сверху водворяет систему опеки, которая прилична при крепостном праве, но никак не в общегражданском порядке. В обществе, недавно вышедшем из крепостного состояния, такое воззрение является остатком старого режима. При демократическом строе оно служит проводником якобинских начал, то есть стремления терроризировать меньшинство и обирать имущих в пользу неимущих. У теоретических социал-политиков оно является просто плодом смешения понятий или ложных

политических взглядов. Чем выше развитие общества, тем более самодеятельность и самоответственность становятся коренными основами общественной жизни. Все, что ведет к ослаблению этих начал, что заставляет человека полагаться не на себя, а на государство, должно рассматриваться как зло и может причинить только вред. Свобода составляет истинную природу человека как разумно-нравственного существа. Не стеснение, а закономерное ее развитие составляет цель общественной жизни. Младенца берут в опеку; взрослый человек стоит на своих ногах и отвечает за себя сам. Когда низшие классы взывают к регламентации государства, они сами себя провозглашают состоящими в младенческом состоянии, и так именно на них смотрят слишком усердные их защитники.

Прежде всего надобно себе сказать, что государство, точно говоря, не в силах поднять благосостояние масс. Оно может только устранять препятствия, облегчать условия и упрочивать результаты. Благосостояние людей поднимается не иначе, как собственной их деятельностью и бережливостью. Оно зависит главным образом от постепенного разлития в массах капитала, который дает и орудия для деятельности и обеспечение на трудные времена. Этот капитал является в виде сбережений, которых величина служит признаком большого или меньшего поднятия общего уровня благосостояния. Но развитие капитала зависит не от правительственных мер, а от успехов промышленности. Накопляясь первоначально в верхних слоях, он мало-помалу распространяется на массы. В этом процессе государство может действовать только отрицательными мерами, устраняя те стеснения, которые опутывают деятельность и собственность граждан, и обеспечивая каждому пользование плодами своего труда. В этом отношении ему принадлежит великое историческое призвание. Не только на первоначальных ступенях, но и в дальнейшем ходе истории личность и собственность подвергаются многочисленным стеснениям. Государство, сделав из человека раба, постепенно снимает с него цепи и признает за ним гражданские права. В этом состоит та благотворная реформаторская деятельность, о которой говорено выше. Через это массам открывается возможность работать на себя и поднимать свое благосостояние. Но заменить собственную работу и сбережения государство не в силах. Если освобожденные массы работают лениво и плохо и не сберегают приобретенного, а тратят полученные деньги на прихоти и пороки, они неизбежно беднеют, и государство не в состоянии этому помочь. Такое именно явление оказывается иногда при быстром переходе от полного крепостного

состояния к полной свободе. Человек, постоянно ходивший на помочах, на первых порах не умеет пользоваться свободой. Не привыкши работать на себя и предусматривать будущее, он долго сохраняет еще приобретенные веками привычки лени и беспечности. Этим в значительной степени объясняется нынешнее обеднение русского крестьянства. Те, которые не хотят видеть никаких недостатков в крестьянине и привыкли во всем слагать вину на правительство, ищут всяких посторонних причин этому явлению, составляющему весьма естественный, хотя, без сомнения, временный результат происшедшего переворота. Истинные причины совершенно ясны для всякого, кто близко видит положение дел и не закрывает глаза на действительность. Не в мнимом недостатке наделов, не в происшедших при освобождении урезках, не в тяжести податей, ни, еще менее, в скученности населения лежит коренной источник зла. Пока русский крестьянин не привык сам заботиться о себе и предусматривать будущее, благосостояние его не поднимется, а с умножением народонаселения и с истощением естественных богатств почвы оно должно понижаться. Против этого государство совершенно бессильно; заменить деятельность человека оно не может. Единственная его задача заключается в том, чтоб открывать простор этой деятельности и обеспечить ее плоды утверждением и охранением права.

В этом отношении всего важнее свобода и прочность собственности. Так же как личная свобода, собственность в историческом процессе является опутанною стеснениями всякого рода. Но и тут общий исторический ход состоит в постепенном ее освобождении. Со свободой лица неразрывно связана свобода собственности, которая составляет проявление личности в экономической области. Только с ограждением и обеспечением личной собственности в человеке могут развиваться самодеятельность и предусмотрительность. Этим скрепляются и самые семейные связи. Дети знают, что их благосостояние зависит от отцовского наследия; они в отце видят человека, который заботится о них, об их будущем, и через это самое привыкают его любить и уважать. Никакое общественное попечение не в состоянии заменить этой семейной заботы, составляющей истинную основу всякого экономического развития. Если законодательство считает нужным стеснить свободу собственности, то это может быть оправдано лишь там, где это делается ввиду скрепления семейных связей, а никак не во имя безличного общественного начала. Нет поэтому ничего более вредного для экономического развития и для благосостояния страны, как учреждения, подобные общинному владению, которые личную собственность

отдают на жертву коллективному началу. У нас, как известно, общинное владение явилось плодом крепостного состояния и проистекшей из него полной бесправности населения. Пока крестьяне были свободны, об общинном владении не было и речи: это — факт, твердо установленный историческими изысканиями. Когда же крестьяне не только были укреплены за помещиками, но лишились всяких прав, их стали наделять землею по душам или по рабочим силам. Государство распространило эту систему и на свои земли. В местностях, где искони крестьяне владели землями наследственно и свободно их отчуждали, их стали у них отбирать как принадлежащие казне, которая затем распределяла их по душам и отмежевывала к каждой общине количество, соответствующее населению. Такова была система, водворенная Межевymi Инструкциями XVIII столетия и окончательно введенная в нынешнем. Очевидно, что с освобождением крестьян эта система, основанная на общем бесправии, должна пасть. Но в пользу сохранения ее соединяются многие, и притом весьма разнородные течения русского общества. С одной стороны, за нее ратуют славянофилы, которые, витая в облаках и игнорируя факты, видят в ней священное наследие древней России, а вместе и лекарство против всех зол, обуревающих западный мир.

С другой стороны, за сохранение ее ополчаются социалисты, которые ненавидят личную собственность и в коллективизме видят спасение человечества: это — единственные последовательные защитники общинного владения. Наконец, за него стоят и те шатающиеся умы, которые, не имея опоры в знании и мысли, видят в нем, во всяком случае, упроченное временем учреждение и мнимое спасение от пролетариата. Соединение всех этих направлений привело к тому, что при освобождении крестьян не решились его коснуться. В то время это было благоразумно, ибо нельзя было разом разрешать все узы; к тому же община давала правительству такое обеспечение платежей, которого не доставляли отдельные лица. Чем менее государство имеет собственных средств и орудий, тем более оно стремится возложить ответственность за единичных плательщиков на те мелкие союзы, к которым они принадлежат. Однако Положение 19-го Февраля ясно видело цель и указывало выход из созданной крепостным правом системы: отдельным крестьянам дано было право выкупа своих участков. Но последующее законодательство не только не способствовало этому движению, а напротив, старалось его задержать: право выкупа было обусловлено согласием общины, которое, конечно, получить весьма трудно. Такая политика имела весьма роковые последствия. Выкуп крестьянских наделов, по существу своему, есть дело личное;

выкуп в пользу общества противоречит всем основаниям права. Человек, который двадцать лет платил за выкупаемую землю и потом переселяется на другое место, лишается всего, что он вносил: земля его предоставляется другим даром. Сами крестьяне, руководясь здравым смыслом и естественным чувством справедливости, сознавали это на первых порах. Они держались того единственно верного мнения, что кто платил за землю, у того нельзя ее отнять. При существовании общинного владения можно производить переделы, но всегда по старым, а никак не по новым душам. Но с умножением населения и с естественным возрастанием неравенства это правильное понимание помутилось. Те, у которых оказалось мало земли, стали требовать общих переделов, с наделением вновь народившихся душ, в ущерб прежним. В крестьянских обществах происходили нескончаемые ссоры и даже драки. Если б в то время правительство поддержало правильный взгляд и установило общим правилом, что нельзя отнимать землю у того, кто за нее платил, то в русском крестьянстве установились бы твердые понятия о собственности, и гражданский порядок, вышедший из Положения 19-го Февраля, получил бы прочные основы. С тем вместе водворились бы надлежащие условия правильного экономического развития. Вместо того, и правительство, и общество под влиянием ложных взглядов поддержали новые требования. Результат был тот, что у крестьян перепутались все понятия, и мы стоим далее от прочного гражданского порядка, нежели мы были в самом начале. При таких условиях всеобщее обеднение составляет неизбежное последствие существующего положения. Выйти из него можно только возвратившись к правильной точке зрения. Если нельзя вернуть старого, то можно упрочить существующее. Пока это не сделано, пока у нас распространены взгляды на общинное владение, которые могут идти на руку только социалистам, о гражданском благоустройстве и о связанном с ним экономическом преуспевании не может быть речи...

Менее всего государство может поставить себе задачей постоянное обеспечение всех крестьян землею. Это опять воззрение, унаследованное от крепостного права. При освобождении крестьян с землею необходимо определить надел, ибо всякий крестьянин должен знать, на что он имеет право и какой размер земли он может или должен выкупать. Желательно и полезно, чтоб установлен был размер, достаточный для обеспечения освобожденного населения. Но воображать, что этот порядок должен сохраниться навсегда и что когда он нарушается свободным движением общественных сил или ростом населения, он

должен быть восстановлен, это такой взгляд, который идет наперекор всем основным требованиям государственной жизни и всякой здоровой политике.

Те общие меры, которыми разрушаются вековые связи и один порядок переводится в другой, никак не могут служить постоянными нормами жизни. Они могут быть лишь точками исхода. В особенности, когда крепостные отношения заменяются свободными, свобода должна составлять основное начало всего общественного строя; тут менее всего уместны наделения и запрещения, которые делают правительство распорядителем судеб всех и каждого. И в общегражданском порядке желательно иметь класс мелких земельных собственников, которые служат крепкою опорой государственной жизни. Если этот класс, вследствие исторических причин, естественных или искусственных, слишком умалится, государство может принимать меры, клонящиеся к его умножению. Главным средством служит отмена стеснений, препятствующих дроблению собственности и переходу ее из рук в руки. Могут быть установлены и неотчуждаемые семейные участки. Наконец, если зло велико, государство может прибегнуть и к судам. Но задаться мыслью, что при системе общей свободы все земледельческое население непременно должно состоять из поземельных собственников, что в них не должно быть более или менее многочисленного класса чистых рабочих, это значит не понимать ни существа и требований свободы, ни задач государства. Такого рода фантастические представления могут только производить смуту в умах, а когда они являются в правительственных сферах, они могут иметь самые роковые последствия.

Государство вовсе не призвано обеспечивать благосостояние всех и каждого, а тем менее наделять кого бы то ни было собственностью, недвижимую или движимую. Свободный человек стоит на своих ногах и все это делает сам, под своею ответственностью. Подобные требования к государству предъявляются социалистами, отрицающими всякое личное начало, а иногда и наивными мечтателями, которые в своем воображении рисуют идиллические картины возможного блаженства человеческого рода, не справляясь с условиями земной жизни и с тем, что может и должно делать государство. Легко сказать, что государство должно всем обеспечить возможность и средства человеческого существования; подобные требования совершенно однозначительны с требованием, чтобы все были добродетельны, умны, красивы и образованны. Чтоб обеспечить чье бы то ни было благосостояние, государство должно взять лицо под свою опеку; между тем человек по природе своей есть свободное существо,

которого высшее назначение состоит именно в том, чтобы выйти из опеки. Государство не может уничтожить ни пороков, ни случайностей, ни действия свободных экономических сил, которые нередко повергают человека в бедственное положение. Если б оно даже захотело взять на себя доставление всем и каждому средств существования, оно не в состоянии было бы исполнить эту задачу. Это и оказывается всякий раз, как к нему предъявляются подобные требования...

Но именно поэтому благотворительность есть, по преимуществу, дело частное. Это было уже объяснено в Учении об Обществе, и этого нельзя не повторить с особенною настойчивостью в политике, где смешение нравственных начал с политическими ведет к совершенно ложному направлению государственной деятельности. Только в свободных частных отношениях нравственность сохраняет свойственный ей характер. Только здесь она исходит из внутренних побуждений, из глубины человеческой совести, а не становится принудительною, вопреки истинной ее природе. Только здесь возникают те живые отношения любви, участия и благодарности, которые составляют высшую нравственную связь людей и которые совершенно чужды официальному бюрократическому формализму, неизбежно свойственному государственной деятельности. Только здесь возможны и настоящая оценка всего бесконечного разнообразия условий и обстоятельств, отделение истины от лжи, порока от несчастья, а вместе и приложение к каждому случаю сообразной с ним помощи. Все это совершенно недоступно общественной благотворительности, по необходимости действующей путем общих мер. Вследствие этого последняя, по существу дела, является лишь восполнением первой: она должна действовать там, где частная помощь принадлежит тем частным, мелким союзам, к которым принадлежит человек в своей гражданской жизни. На них возлагается официальное попечение о бедных. Государство же вступает только тогда, когда и эта помощь оказывается недостаточною, когда зло настолько распространено, что рождается необходимость общих мер. Таковы бывают в особенности народные бедствия, войны, голод, болезни, наводнения, которые требуют пособий из общих государственных средств и вызывают правительственную деятельность.

Духовные интересы. Еще более важный предмет заботы государства, нежели материальное благосостояние народа, составляют духовные его интересы. Две области в особенности, по своему высокому значению для государственной жизни, требуют его внимания и содействия: религия и просвещение.

Мы видели огромную важность религии для государства. Давая непоколебимую опору нравственным требованиям, направляя человеческую совесть, она для громадного большинства людей составляет верховное руководящее начало их деятельности, от которого зависит исполнение обязанностей, как частных, так и общественных. Для масс, которым недоступно философское образование, она представляет источник всей их духовной жизни, единственную точку опоры; ею они возводятся в чистую область духа, возвышающую человека над животными. Для государства нет поэтому более драгоценного союзника; его политика должна быть постоянно направлена к тому, чтобы приобрести его содействие. Когда под влиянием фанатических страстей государственная власть вооружается против религии, она совершает величайшую ошибку и подрывает собственное существование. Против нее возмущается общественная совесть, и когда после временного торжества фанатиков является человек, который водворяет религиозный мир, он приветствуется всеми как избавитель, хотя бы он был величайший деспот. Таково было положение Франции после Революции. Восстановление религии было одним из первых действий Наполеона.

Редко, впрочем, государственная власть обращается против самой религии. Обыкновенно враждебная политика относится лишь к той или другой ее форме или к деятельности ее представителей в области гражданской. Дело в том, что религия не остается чисто вопросом человеческой совести. Верующие соединяются в постоянные союзы; они образуют церкви, которые, как все постоянные союзы, занимают известное место в гражданской области. Какое им здесь предоставляется положение, какими они облакаются правами, какой простор дается их деятельности, все это зависит от государства. Оно не судья в догматах веры; оно не властно направлять человеческую совесть; но определение гражданских и политических прав церквей, как постоянных союзов, принадлежит собственно ему и никому другому. Здесь оно находится в собственной своей сфере; здесь возникают вопросы церковной политики.

В Общем Государственном Праве мы видели различные положения, которые церковь может занимать в государстве: теократия, господствующая церковь, признанные церкви, наконец, терпимые. О теократии, как таковой, мы здесь говорить не станем. Исследуя политику государственного устройства, мы устранили негосударственные формы, к которым принадлежит и теократия. По существу своему, она противоречит как государственным, так и религиозным

началам, ибо она делает религию принудительною, вопреки истинной ее природе. В особенности она противоречит существу христианства, которое образует царство не от мира сего и которого высшая историческая задача в гражданской области состояла в выделении церкви из государства. Когда средневековые папы во имя единства человеческого общества хотели государство подчинить церкви, они натолкнулись на препятствия, лежавшие в самой природе обоих союзов. Законная сторона их деятельности состояла в том, что они отстаивали независимость церковного союза против притязаний светской власти, которая во имя той же идеи единства стремилась подчинить себе церковь.

Результатом борьбы было то, что оба союза утвердили свою самостоятельность. Оказалось, что не единство, а раздвоение составляет коренное начало человеческого общежития, вытекающее из самой природы вещей. Идеальное единство должно устанавливаться не подчинением одного союза другому, а согласным их действием. Только этим раздвоением ограждается и свобода человеческой совести, которая без того неминуемо подвергается принуждению.

Но если теократическое устройство человеческого общежития оказалось несостоятельным и осуждено историей, то теократические притязания церкви, стремление ее властвовать в гражданской области, тем не менее, продолжают существовать и оказывают свое влияние на политику. Это относится в особенности к католической церкви, которая настойчиво предъявляла эти притязания в средние века; и доселе, считая себя непогрешимою, не может от них отказаться. В светском движении нового времени она видит только плод человеческого безумия. На этой почве происходят и главные столкновения между государством и церковью. Государство, со своей стороны, не может отказаться от неотъемлемо принадлежащего ему права властвовать в гражданской области. Как бы ни было драгоценно для него содействие церкви, оно не может подчинить ей гражданские отношения, не отрекаясь от собственного призвания. Но размежевание этих двух областей представляет вопрос чрезвычайно сложный, разрешение которого может быть весьма различно, смотря по тому, насколько в народе имеет силы религиозный элемент и насколько та или другая его форма распространена в обществе. От этих условий зависит и то положение, какое дается церкви в государстве, является ли она господствующею, признанною или просто терпимою.

Из этих форм, бесспорно, наибольшие выгоды представляет церковь господствующая, когда она утверждается на прочном основании народных верований. Церковь, сросшаяся со всею историческою жизнью народа и со всем его государственным бытом, заключает в себе такую нравственную силу и дает такую опору государственному порядку, с которыми ничто не может сравниться. Самая верховная власть получает от нее религиозное освящение и через это становится священной в глазах подданных. С этим связывается и чувство народности. Защита отечества представляется вместе защитой своей веры, всего, что дорого и свято для человека, того, что он любит и чему он поклоняется. Эта духовная связь дает народу такую внутреннюю крепость, о которую разбивается всякая внешняя сила. Это показали Испания и Россия в наполеоновские войны.

Но эти громадные преимущества имеют, как и все человеческое, свою обратную сторону. Как бы ни благотворно было это внутреннее, живое единство между народом и церковью, которое выражается в государственном ее положении, оно не существует для тех, кто к ней не принадлежит. Государство может иметь подданных весьма различных вероисповеданий. Для них требуется иная связь, хотя они точно такие же граждане, как другие, принадлежат к той же народности и так же любят свое отечество и служат своему государству. В народном сознании и в государственной жизни является неизбежное раздвоение, которое тем глубже и сильнее, чем более распространены среди подданных другие вероисповедания. Граждане, не принадлежащие к господствующей церкви, видят в себе каких-то отверженников государства; они унижены против других, и унижены во имя того, что для них всего более дорого и свято, что составляет для них непреложную истину. Этим нарушается и равенство всех перед законом. Чем более это последнее начало водворяется в государственной жизни, тем более шатким делается положение господствующей церкви. В особенности это неравенство становится невыносимым в тех местностях, где большинство народонаселения принадлежит к другому исповеданию. Распространение привилегий господствующей церкви на покоренные области, населенные чуждым народом и имевшие совершенно другую историю, составляет крупную политическую ошибку. Так, в Ирландии англиканская церковь до недавнего времени пользовалась привилегированным положением, тогда как громадное большинство населения состояло из католиков. Отмена этих привилегий министерством Гладстона была поэтому актом и политической мудрости и

высшей справедливости. Столь же мало может оправдываться у нас господствующее положение православной церкви в Остзейском крае.

Но если неравенство, проистекающее от религиозных различий, само по себе составляет великое зло для государства, то это зло увеличивается еще в тысячу раз, когда господствующая церковь является нетерпимой и притеснительной. А такого рода попользования естественно рождаются вследствие самого ее положения. Сохранить свои привилегии можно только не допуская других пользоваться такими же правами и мешая распространению других вероисповеданий. К умалению гражданских прав присоединяются обыкновенно притеснения совести...

Привилегированное положение церкви ведет к тому, что и собственные ее внутренние силы слабеют. Привилегии устраняют соревнование; обеспеченность избавляет от необходимости труда. Привилегированная корпорация не имеет нужды собственной деятельностью поддерживать свое положение. Она погружается в покойную рутину, предоставляя государству охранять ее от внешних врагов и взывая к нему всякий раз, как грозит действительная или мнимая опасность. При таком оскудении духа многие естественно от нее отпадают, не находя в ней духовной пищи, которой алчат их души. Но у нее уже нет сил бороться с этим собственными средствами, проповедью и убеждением. В жадном искании истины она видит не глубочайшую потребность человеческой души, а посягательство на ее официальное положение, преступление против религии и государства. Оскудение духа сопровождается узкостью и нетерпимостью. Политика, поддерживающая подобные стремления, жертвует внутренней сущностью внешнему величию. Желая покровительствовать союзнику, государство отнимает у него именно те побуждения, которые дают ему внутреннюю крепость. Только полная свобода вероисповеданий может возратить господствующую церковь к настоящему ее призванию, возбудить в ней дремлющие силы и сделать ее живым и крепким оплотом государственного строя. Без этого есть только блестящее официальное положение, прикрывающее бедность внутреннего содержания.

Мало того, ища внешней опоры, церковь рискует потерять свою собственную самостоятельность; она становится орудием государства. Эта опасность грозит в особенности церквам, которые не имеют внешнего, независимого главы, а сохраняют чисто национальный характер. Казалось бы, такое подчиненное положение, если оно может быть вредно для церкви, то во

всяком случае должно быть полезно для государства, которое не только избавляется от соперника, но и приобретает всегда послушное орудие. Однако и для самого государства такая политика ведет к вовсе нежелательным результатам. Конечно, для него весьма выгодно не встречать в своей внутренней деятельности оппозиции честолюбивого союза, стремящегося распространить свое владычество на не принадлежащую ему гражданскую область. Средневековое положение церкви и вытекавшие из него притязания именно и были причиной, что новое государство стремилось отобрать у нее через меру расширенное ведомство и даже подчинить ее себе, обставляя ее привилегиями и ставя ее под свою защиту. Там, где эта политика не встречала препятствия в независимом положении главы церкви, она в значительной степени возымела успех. Но лишение церкви подобающей ей самостоятельности, как союза, по существу своему независимого от государства, не может обойтись без вредных для нее последствий. Именно от этого происходит в ней внутреннее оскудение, а это отзывается крайне неблагоприятно на самом государстве: приобретая орудие, оно лишается опоры. В области духа более, нежели где-либо, только независимые силы имеют внутреннюю крепость и могут служить надежной поддержкою власти. Весь смысл союза государства с церковью заключается в том, что внешняя сила нуждается в духовной опоре. Превращая последнюю в орудие, государство подрывает собственные свои требования. Оно временным целям жертвует отдаленными, практическому удобству — высшими интересами народа.

Все это относится преимущественно к церкви господствующей, которая обыкновенно пользуется особыми имущественными льготами и пособиями. Но это равно прилагается и к церквам признанным. Не обладая привилегированным положением, они могут иметь собственные имущества и получать большие и меньшие пособия от государства. Устройство их может быть разное, и так же разнообразны могут быть их отношения к государству. Они зависят как от самого характера и внутреннего устройства церкви, так и от местных и временных условий, от исторических причин, от возможности соглашения. Общее правило политики относительно всех их состоит в том, что государство, по возможности, должно жить с ними в мире, оказывая им защиту и покровительство и признавая в них высокую нравственную силу, которая руководит совестью более или менее значительной части граждан. Менее всего государство должно вступаться во внутреннее их управление. Система признанных церквей устанавливает далеко не такую тесную связь между

государством и церковью, как система господствующей церкви. Поэтому государство должно вступаться только там, где это право дано ему законом, утвержденным обоюдным согласием. Правительство, выходящее из этих пределов, рискует возмутить совесть верующих и подорвать свой собственный авторитет. Мы видели, к чему привела попытка Карла I ввести в Шотландию англиканскую литургию. Точно так же стремление Французского Учредительного Собрания 1789 года регулировать церковное управление вызвало всеобщее сопротивление и привело к падению религии; только Конкордат Наполеона I восстановил правильные отношения. На наших глазах поход непреклонного князя Бисмарка против католической церкви кончился тем, что он принужден был идти в Каноссу и сложить оружие перед папскою властью.

Польза светского образования для государства так велика и очевидна, что об этом нечего много распространяться. Все государственное развитие нового времени шло рука об руку с успехами просвещения. Освободившись от пут средневековой теократии, государство стало на чисто светскую почву, и в этом движении оно нашло союзника и опору в светской науке, которая стоит на той же почве и следовала тому же процессу. Государственный быт покоится не на одних темных инстинктах народных масс, но прежде всего и более всего на сознательном к нему отношении высших слоев общества, которые одни дают правительству образованные силы, необходимые для управления государством. Только при ясном понимании своих задач и условий своего существования государство приобретает возможность исполнять свое призвание, а это понимание дается наукой и образованием. Государства управляются мыслью, а не слепыми инстинктами. Просвещение дает им и орудия действия. Только призывая на помощь просвещенную наукой человеческую изобретательность, государство может успешно бороться со своими соперниками и удержать свое место в ряду других. Отставая в просвещении, оно неизбежно нисходит на низшую ступень.

Но если государство нуждается в просвещении, то оно должно принимать во внимание и необходимые его условия. Первое заключается в умственной свободе, которая составляет движущую пружину всякой умственной деятельности; это — самый воздух, которым она дышит. Церковь государство может привязать к себе или даже обратить в свое орудие дарованием ей всякого рода льгот и привилегированного положения; со светским просвещением такая политика немислима, ибо оно не оставляет организованной силы и не заковано в неизменные догматы. Сущность его состоит в неустанном, свободном движении

человеческой мысли, ищущей истины и открывающей в этом искании все новые и новые орудия и пути. Просвещение, по самой своей природе, есть независимая сила, свободное веяние духа, ускользящее от всяких определений и разрушающее всякие преграды.

Именно эти свойства светского просвещения заставляют некоторых писателей враждебно относиться ко всякому вмешательству государства в эту область. В покровительстве, которое государство оказывает наукам и искусствам, они видят положительный вред. На такую точку зрения становился Бокль в своем знаменитом сочинении о Цивилизации в Англии. Подтверждением этого взгляда может до некоторой степени служить английская история, которая действительно представляет самобытное развитие просвещения помимо всякой правительственной деятельности, что не мешало Англичанам сделаться одним из образованнейших народов мира. Однако такое воззрение страдает значительной односторонностью. Там, где, как в Англии, в общественной жизни господствует начало самодеятельности, на котором зиждется не только светское просвещение, но и самый государственный быт, там между обоими элементами само собой устанавливается необходимое согласие. Но при других условиях отношения могут быть совершенно иные: иногда государство отстает от требований просвещения, а иногда, наоборот, оно со своими практическими требованиями стоит впереди. В первом случае происходит разлад, который в конце концов может привести даже к переворотам; во втором случае государственная власть стремится насаждать просвещение и таким образом поднять общество к уровню своих требований.

Лучшим примером политики последнего рода может служить Россия, где все развитие просвещения происходило по инициативе правительства. Толчок был дан могучим гением Петра, который вдвинул Россию в ряды европейских народов. Его царствование составляет величайшую эпоху не только государственного, но и общественного развития Русского народа. Его преемники продолжали его дело. Устроены были университеты, гимназии и разные другие высшие и средние учебные заведения; молодых людей посылали учиться за границу; требование образования сделалось условием для достижения высших чинов на службе. Монархи, проникнутые уважением к просвещению, как Екатерина II и Александр I, требовали образования и от окружающих. Идущее сверху направление постепенно распространялось и в средних слоях, всюду пробуждая мысль и потребность учения. Восприимчивая русская натура легко поддавалась этим требованиям и быстро усваивала плоды просвещения, сперва,

как водится, с внешней их стороны, а затем, мало-помалу, с большею основательностью и глубиной. Возникла русская литература, свидетельствующая о самостоятельном творчестве народного духа. Русская мысль стала проникать во все области знания, всюду проявляя свои силы.

Но чем самостоятельнее становится мысль, тем более она ускользает от внешнего руководства. Правительство может насаждать просвещение, но оно не в силах его направлять. Скоро оказывается, что взлелеянный ребенок хочет мыслить сам и не поддается указке. Чем настойчивее стремятся наложить на него руку, тем более он возмущается против опеки. Тогда правительство объявляет направление просвещения вредным и хочет ставить ему преграды. Оно устанавливает строгую цензуру; нередко оно вступает в союз с церковью и старается светскую науку подчинить религиозным началам. Такое реакционное движение проявлялось во многих государствах Европы; но всюду оно имело результатом только полный неуспех...

Для нас, Русских, еще назидательнее результаты стеснительных мер, принятых в ту же эпоху и по тем же побуждениям русским правительством. У нас реакция, наступившая после великих войн и особенно после несчастного возмущения 1825 года, приняла еще несравненно большие размеры, нежели в Западной Европе. Уровень образования русского общества был гораздо ниже, а потому отпор был меньше и меры можно было принимать еще более строгие. Тогда как в Германии книги были избавлены от цензуры, что давало возможность свободного обсуждения научных вопросов, а в мелких государствах существовало даже конституционное правление со свободой печати, у нас правительственная цензура простиралась на все произведения человеческого ума и достигала размеров, которые были бы невероятны, если бы они не были точно удостоверены. Записки и воспоминания современников, даже самых умеренных, свидетельствуют о том неслыханном гнете, который тяготел над русскою мыслью. Печатание даже чисто ученых книг встречало почти непреодолимые затруднения; мысль подвергалась самому безобразному и невежественному искажению. Всякое свободное слово, все, что хотя отдаленными намеками отзывалось либерализмом или вольнодумством, беспощадно вычеркивалось. Несчастных цензоров сажали на гауптвахту за совершенно невинные статьи, которые кому-либо из влиятельных лиц почему-либо не понравились. С 1848 года поход против просвещения сделался еще более грозным и настойчивым. Вследствие революционных движений в Западной Европе все русское юношество

и вся мыслящая часть русского общества подверглись подозрению. Умный и образованный министр, который дотоле хотя сколько-нибудь ограждал русские университеты от натиска реакции, вышел в отставку. Еще прежде него вышел просвещенный попечитель Московского учебного округа. На место его был назначен старый генерал, вовсе не причастный к образованию. Число студентов в каждом университете, кроме медицинского факультета, было ограничено тремястами. Во время Крымской войны в университеты введено было военное обучение. На кафедры философии были посажены священники. Цензурные строгости достигли таких размеров, что печатать что-либо, отзывающееся мыслью, сделалось почти невозможным. Те, которым довелось жить в те времена, помнят ту невыносимую, удушливую атмосферу, в которую погружено было зреющее русское просвещение. И казалось, что из этого положения нет исхода. Всемогущее правительство, не знавшее границ своей воле, тяготело над умственной жизнью общества так, что не давало ему отдохнуть.

К чему же окончательно привела эта политика? Непосредственным результатом было то, что все способные мыслить и чувствовать, без различия направлений, умеренные и крайние, славянофилы и западники, обратились против правительства. Трудно измерить ту глубину ненависти, которая накопилась в эти печальные года в сердцах русских образованных людей. Записки Герцена могут дать об этом некоторое понятие. И, как естественно в таком положении, крайние направления получали все больший и больший перевес. К ним переходили даже люди, склонные к консервативному образу мыслей... Всякое слово в пользу власти разом лишало писателя популярности; напротив, крайние направления приобретали все больше и больше влияния. Скоро они от слова перешли к делу и проявились в социалистической пропаганде, которая поставила себе целью разрушение всего существующего общественного строя. Когда же злодеяния этой партии вызвали, наконец, реакцию и в правительстве и в самом обществе, умеренное направление опять осталось внакладе. При разгаре страстей голос благоразумия менее всего может рассчитывать на успех. Борьба умеренных людей с крайними партиями становится тем затруднительнее, чем менее она находит поддержки в правительстве. Последнее, становясь на сторону односторонней реакции, тем самым исчезает под напором противоположных течений.

Между тем, правительство должно дорожить именно этими средними, здоровыми элементами, которые представляют истинное зерно просвещения.

Движение человеческой мысли состоит не только в открытии новых путей, но, прежде всего, в сохранении и упрочении приобретенного. В этом заключается истинное существо развития. Только при этом условии прошедшая работа не пропадает даром; только этим устанавливается живая связь поколений, составляющая сущность исторического процесса. Мысль, оторванная от своих корней, теряет почву. В общественной жизни, в особенности, прочно только то, что имеет корни в прошлом. Не отрицание, а постижение исторического содержания составляет задачу науки. Истинное просвещение старается связать противоположные элементы, становясь посередине между узким и упорным отстаиванием прошлого и легкомысленным скаканием к неизвестному будущему. Поэтому оно представляет самую надежную опору государственного порядка, имеющего в виду исполнить настоящую задачу государства — сохранять, улучшая. Поэтому и государство должно им дорожить. Отталкивая от себя просвещенных людей, оно подрывает собственные свои основы. Правительство, которое хочет подавить просвещение, может временно удержать свое положение, но оно имеет против себя будущее. Ибо просвещение есть, по существу своему, прогрессирующий элемент, который или явным натиском или тайными изворотами разрушает все преграды и тысячами путями завоевывает себе большее и большее место в человеческой жизни. Вступить в борьбу с элементом, одаренным такою энергией и такою эластичностью, есть совершенно безумное предприятие, не имеющее ни малейшего шанса на успех.

Но если государство должно искать союза с просвещением, то оно, прежде всего, должно признать в нем независимую силу. С ним можно обращаться, как с ребенком, пока оно само еще ребенок. Но как скоро оно пришло к самосознанию и почувствовало свою самостоятельность, к нему следует относиться с уважением, признать в нем союзника, с которым надобно считаться, а не орудие, которым можно действовать по произволу. Поэтому нет более превратной политики, как та, которая всякую самостоятельную мысль считает явлением революционным и осуждает независимость наравне с возмущением. А именно к этому склонна власть, не знающая границ своей воли. Она привыкла видеть, что в юридической области все перед нею склоняется; а тут она встречает духовную силу, которая не поддается никаким внешним требованиям и следует только собственному убеждению. В обществе, для которого безусловное повиновение есть закон, это представляется каким-то ненормальным, даже чудовищным явлением. Но если умеренность вообще составляет первое требование здравой

политики, если самоограничение есть высшее нравственное свойство власти, то здесь эти требования выдвигаются с особенною настойчивостью, ибо здесь власть имеет дело с силою, которую никакими средствами нельзя удержать в повиновении. Управлять независимыми силами, без сомнения, гораздо труднее, нежели обращаться со слепыми орудиями; но зато результат несравненно плодотворнее. Надобно только ясно сознавать свою задачу, знать, что государство может делать и чего оно должно искать...

Централизация и местное самоуправление. Два элемента соединяются в организации государственного управления: государственный и общественный. Если бы государство было только явлением силы, то вся его задача ограничивалась бы хорошим подбором и устройством собственных орудий. Но так как оно представляет сложный организм, составленный из свободных лиц и разнообразных общественных групп, имеющих свою собственную силу и деятельность, то необходимо предоставить последним известное участие в управлении, стараясь лишь связать их так, чтоб они в существенных вопросах подчинялись центральной власти и действовали согласно для общей пользы. В этом и состоит задача политики.

Собственное орудие государства, как мы уже видели, есть бюрократия, или чиновничество. Она имеет тем большее значение, чем больше политическое тело организуется действием сверху. В создании государств нового времени она играла первенствующую роль. Она была главным орудием монархов в собирании земли и в устроении государственных сил. Даже там, где государство сложилось не столько действием сверху, сколько соглашением общественных элементов, и где поэтому последние являются почти исключительными факторами административной системы, недостатки такого рода устройства рано или поздно вызывают деятельность сверху, а с тем вместе и развитие бюрократического начала. Это и случилось в Англии в течение нынешнего столетия.

Но, являясь необходимым орудием власти и важнейшим деятелем в административной области, бюрократия имеет свои, присущие ей недостатки, которые даже при наилучшем ее устройстве отзываются вредно на государственной жизни. Мы видели ту жестокую критику, которой барон Штейн подвергал прусское чиновничество, занимающее одно из первых мест по своему трудолюбию, честности и образованию. Там, где эти качества существуют в меньшей мере или даже вовсе отсутствуют, недостатки выступают еще с несравненно большею силой.

Бюрократия, по существу своему, есть элемент, оторванный от почвы. Она представляет чистое орудие власти, без всякой связи с общественной жизнью; отсюда упреки Штейна, что она не имеет ни собственности, ни интересов, что она заботится только о получении жалованья, а до остального ей дела нет. Чем менее она обставлена общественными элементами и чем менее она принуждена с ними считаться, тем ярче проявляется это отрешение от живой действительности. Провинции управляются людьми, которые совершенно им чужды, которые не знают ни местных условий, ни местных интересов, которых задача состоит не в удовлетворении общественных потребностей, а в том, чтобы воспользоваться подчиненным им материалом для правительственных целей. А между тем, важнейшие цели государства этим всего менее достигаются. Правительство воображает, что, расширяя власть своих орудий, оно увеличивает свою силу; в действительности оно ее умалает, ибо оно теряет настоящие свои корни и остается зданием, висящим на воздухе.

При таких условиях в бюрократии развивается свой собственный интерес. Он состоит в том, чтобы властвовать безгранично и нигде не встречать препятствий. Поэтому всякое свободное движение общественных сил заподозривается как революционное; самодеятельность общества по возможности подавляется; произвол водворяется всюду. Но так как для проявления силы нужно иметь поддержку сверху, то все внимание устремляется на то, чтоб угодить начальству, от которого зависит вся судьба чиновников. С произволом внизу соединяется раболепство вверху. При нераздельном господстве бюрократии эти черты проникают весь общественный быт и становятся отличительными его свойствами, а это ведет к полному нравственному упадку общества. В нем исчезает всякая независимость; она становится источником подозрений и даже проскрипции.

Этим извращается и самое управление. Угодливость состоит не только в том, чтобы беспрекословно исполнять все, что приказано, и даже предупреждать желания, но и в том, чтобы представлять положение вещей в виде, приятном для начальства. Вследствие этого все действия и последствия управления выставляются в самом благоприятном свете, а все, что нарушает гармонию картины, тщательно скрывается. Только то зло, которое невозможно уже утаить, доводится до сведения высшего правительства, причем, разумеется, вина всегда падает не на управление, которое вызывает зло, а на тех, которые ему противодействуют. Относительно последних нередко намеренно сгущаются

краски, чтобы показать всю пользу административной деятельности и необходимость предоставления ей широких полномочий. Таким образом, действительное положение вещей, прошедши через бюрократические донесения, является в совершенно превратном виде; те, которые стоят наверху, не имеют ни малейшего понятия о том, что совершается внизу. Они намеренно вводятся в обман и поневоле дают решения, противоречащие существу дела. Официальная ложь становится господствующим явлением общественной жизни; она проникает всюду и все отравляет. Чем более бюрократия получает преобладающее значение, тем менее допускается свободный голос общества и самостоятельность общественных сил, тем более это зло становится глубоким и вопиющим. В государственной жизни образуются два противоположных мира, бумажный и действительный, которые не имеют между собой ничего общего.

На эту бумажную деятельность уходит значительнейшая часть внимания и сил бюрократии. Оторванная от жизни, она все свое время посвящает бумагомаранию. Мы видели, как Штейн презрительно отзывался о прусских чиновниках, которые «все пишут, пишут, пишут в уединенных, снабженных хорошо запиравшимися дверями канцеляриях, неизвестные, незамеченные, бесславные, и воспитывают своих детей так, чтобы сделать из них такие же пишущие машины». Это изображение приложимо ко всем странам, в которых бюрократическое управление заменяет собою все остальное. Канцелярия становится решающим элементом во всех делах, главною силою государства. А задача канцелярии состоит не в том, чтобы делать настоящее дело, а в том, чтобы отписаться. Всякий интерес к живому делу пропадает; все внимание сосредоточивается на количестве входящих и исходящих бумаг, ибо это служит мерилем деятельности и усердия. Отсюда накопление громадных ворохов ненужных дел и фолиантов бесплодной переписки. Что раз попало в этот бездонный омут, то имеет мало шансов когда-либо увидеть свет Божий, а если наконец, с помощью невероятных хлопот и протекций, получается результат, он обыкновенно является в таком извращенном виде, что лучше было даже вовсе не приниматься за дело...

Понятно, что для государства не может быть более настоятельной потребности, как поднятие уровня и правильная организация этого необходимого ему орудия. Мы уже видели, что подбор людей составляет одну из важнейших задач государственной власти. Но когда этот подбор предоставлен чистому произволу, он становится делом случайности. В бюрократическом порядке, где от

вершины идет обширная организация, разветвляющаяся по всем концам земли, это менее всего допустимо. Лицо, стоящее наверху, может не обладать тем глубоким знанием людей, которое требуется для хорошего выбора. Чем более его окружают соблазны, чем более оно является предметом угодливости и лести, тем легче оно может быть обмануто. Ближайшие советники обыкновенно имеют в виду прежде всего удержать свои места, а для этого требуется устранить всякое опасное соперничество; вследствие этого способные люди не только не выдвигаются, а, напротив, устраняются. На всех ступенях иерархии господствуют угодливость, nepoтизм и протекция. По известному изречению Бомарше: «Быть посредственным и ползать, с этим всего можно достигнуть». В представительных государствах к этому присоединяется необходимость угодить людям, которых поддержка нужна при выборах или в парламенте. Вместо того чтобы служить орудием для общественных целей, управление становится, таким образом, поприщем, на котором разыгрываются всякие частные интересы.

Умалить это неизбежное зло можно только установлением общих условий и правильного порядка восхождения по служебной лестнице.

Первое и главное условие состоит в требовании образования. Только этим можно поднять умственный уровень бюрократии...

Если образование служит главным условием для поднятия умственного уровня служащих, то для поддержания их нравственного уровня необходимо более или менее обеспеченное положение. Когда служащий не в состоянии содержать себя жалованием, он волею или неволею обращается к другим путям, часто незаконным, пользуясь своим служебным положением для получения частных выгод, и за это с него нельзя взыскивать, ибо есть ему нужно. Ничтожные оклады служат верным средством для распространения лихоимства, а раз оно внедрилось, оно охватывает и высшие ступени, где им удовлетворяются уже не материальные нужды, а потребности роскоши. Всего хуже, когда в высших сферах получают громадные оклады, а в низших служащие нищенствуют. Тут к материальной нужде присоединяются чувства оскорбления и зависти. Это — лучшая почва для распространения революционных идей. Конечно, государство не может всех своих служащих поставить в условия безбедного существования. Чем оно само беднее, тем менее оно в состоянии это сделать. Но требуется не избыток, а, во всяком случае, обеспечение необходимого. Здесь, как и везде, средний уровень есть то, к чему следует стремиться.

К материальному обеспечению должно присоединяться и нравственное ограждение. Надобно, чтобы служащий, добросовестно исполняющий свои обязанности, знал, что им не могут помыкать по произволу и лишить его того, на что он имеет право. Только этим охраняется в нем чувство нравственного достоинства, а также и любовь к своему делу. Лишь при таком условии возможно развитие класса частных и трудолюбивых чиновников, какой требуется в государственном управлении. Но именно в этом отношении бюрократическая служба представляет наиболее затруднений. Административный чиновник — не судья, который изрекает приговор по своей совести, а потому может и должен быть поставлен в совершенно независимое положение. Администратор обязан исполнять приказания начальства. От усмотрения этого начальства зависит оценка его деятельности и его способностей. Тут произвол неизбежно играет более или менее значительную роль. Если, как делается в Германии, положение чиновников обставляется более или менее значительными гарантиями, если самое прохождение службы совершается в строгом законном порядке, то этим самым приносятся в жертву некоторые из существенных качеств хорошего управления: подвижность, решительность, быстрота. Именно через это бюрократия превращается в неуклюжую, неповоротливую машину, в которой господствуют рутинная и формализм, глухнут высшие человеческие способности.

Чем сложнее и совершеннее бюрократический механизм, тем необходимее рядом с ним открыть для этих высших способностей другое, более широкое поприще, где они могут развиваться и выказываться на просторе. В представительных государствах таким поприщем служит парламентская деятельность. Она дает то, чего не в состоянии дать никакая бюрократия; здесь, в живой борьбе сил при обсуждении высших государственных вопросов, выдвигаются способнейшие люди, во всей свежести их политического таланта, не связанного рутинными формами и не заглохшего в многолетнем восхождении по чиновной лестнице. Парламент служит рассадником истинно государственных людей, широко понимающих общественные задачи и умеющих их осуществить. В этой школе воспитывались английские государственные люди, которые могут служить образцом практического такта и политической мудрости. В ней воспитывается и самое общественное мнение, которое приобретает через это политический смысл и способность здраво судить о людях и вещах. В государствах, где политическое представительство не существует, эта школа должна заменяться широким развитием местного самоуправления, которое, хотя в

меньшей степени, давало бы возможность свободного проявления и развития человеческих сил и способностей, помимо узких рамок бюрократической среды. Выборные должности, связанные не с одним только внешним почетом, а с настоящею практическою деятельностью и ответственностью, могут служить рассадником полезных государственных деятелей, если только правительство умеет ими пользоваться и выбирает людей не по их податливости, а по их способностям.

Широкое развитие общественной самодеятельности необходимо и для самой бюрократии. Это одно, что ставит ее в надлежащие рамки и исправляет многие из присущих ей недостатков. Только в постоянном, живом соприкосновении с независимыми общественными силами она в состоянии выйти из своей рутинной инерции и наполнить свою формальную деятельность жизненным содержанием. Только встречая всюду живые преграды, она привыкает сдерживать свой произвол и приобретает умение ладить со свободными людьми, не требуя от них безусловного подчинения, а оказывая им уважение и стараясь удовлетворить законным их нуждам, что и составляет истинную цель управления. Именно в административной области всего более необходимо взаимное ограничение независимых сил, которое одно обеспечивает свободу и права граждан, а вместе и законный ход правительственной деятельности. Безграничный произвол администрации есть худшее, что может представлять управление. Но против него бессилен контроль отдаленной центральной власти; его могут сдерживать только независимые общественные силы.

Из этого ясно, что государственное управление тогда только достигает истинной своей цели, когда оно слагается из различных, сдерживающих друг друга элементов. Мы видели, что оно разделяется на центральное и местное. Рассмотрим характер и свойства обоих.

С бюрократией тесно связана централизация, то есть подчинение местного управления центральной власти, к которой восходят важнейшие местные дела и которая по всем концам страны рассылает свои приказания. Бюрократия именно и служит органом этой системы. Токвиль, а за ним многие другие публицисты, допуская политическую централизацию, касающуюся общегосударственных дел, восстают против централизации административной, о которой здесь идет речь. Они видят в ней величайшее орудие деспотизма и пагубу государства. Управление при такой системе превращается в мертвую машину, получающую направление сверху и подавляющую в обществе всякую самодеятельность. Этот

вопрос горячо обсуждался в особенности во Франции, где централизация действительно достигла преувеличенных размеров. Но признавая тот вред, который может произойти от чрезмерного развития этого начала, нельзя не сказать, что критика его противников страдает значительной односторонностью.

Хорошо организованная централизация бесспорно представляет весьма крупные выгоды. Во-первых, она придает единство и силу правительственной власти, а в этом состоит первая потребность государства. Посредством централизации верховная власть может быстро, энергически и беспрепятственно действовать на всех концах территории. Везде она находит готовые орудия и средства. Располагая громадными силами, она может свободно передвигать их с места на место по мере нужды. Сопротивление здесь почти невозможно. Администрация действует, как один человек, не встречая препятствий. Этим обыкновенно облегчается действие и достигаются такая энергия и такая быстрота, которые при другой системе немислимы.

Во-вторых, относительно самого решения местных дел, центральная власть имеет некоторые неоспоримые достоинства. Она возвышается над местными партиями, отношениями и интересами. Играя роль беспристрастного судьи, который имеет в виду только благо целого, она охраняет интересы меньшинства против несправедливых решений или пренебрежения со стороны большинства, а также интересы будущих поколений против неблагоприятных и своекорыстных стремлений настоящих.

В-третьих, центральная власть обыкновенно обладает и большим знанием дела. Если она менее знакома с местными потребностями, зато она часто видит дальше и шире, она лучше соображает отношения различных частей управления, наконец, она обладает административными и юридическими понятиями, которые слишком часто отсутствуют на местах.

В-четвертых, располагая большими средствами, она в состоянии сделать то, что не под силу отдельным местностям. Она приходит на помощь местностям бедным, а где есть пособие, там есть и контроль. При недостатке местных сил она посылает собственных агентов, которые вносят новую жизнь в провинциальную глушь. Хороший администратор иногда в несколько лет может сделать для провинции больше, нежели местное управление могло бы совершить в течение полувека. Во Франции памятно управление Тюрго в Лимузене.

В-пятых, центральная власть обыкновенно обладает и большею инициативой. Имея в виду общие потребности, она понуждает местные власти

выходить из рутинного покоя и приняться за улучшения. В Англии реформы местного управления, как то: общественного призрения, городского хозяйства, полиции, начались, когда за них деятельно принялась центральная власть. Во Франции, при введении закона о народном образовании, в 1833 году, правительство принуждало многие общины давать деньги, в которых они отказывали.

В-шестых, центральная власть одна может соображать местные потребности с государственными. Те и другие находятся в тесной связи. Общие финансы, общая безопасность и общее благосостояние зависят от местных финансов, от местной безопасности и от местного благосостояния. Центральная власть воздерживает решения местных властей, не соответствующие государственным интересам, и распространяет на все местности меры, необходимые для всех. Только с помощью централизации устанавливается истинная солидарность между различными частями государства; последнее становится организмом, живущим общою жизнью.

Рядом с этими неоспоримыми выгодами централизация, особенно при плохом устройстве и при отсутствии всякого общественного контроля, может, однако, сделаться источником величайших зол. Они отчасти лежат в самом ее существе, но они значительно усиливаются теми условиями, среди которых она действует, и в особенности стремлением всякой односторонней системы преувеличивать свое начало. Недостатки ее следующие.

Во-первых, стоя на вершине здания, центральная власть часто не имеет надлежащего знакомства с местными делами. Она видит их издали, большею частью на бумаге, через посредство бюрократии, которая, как мы видели, нередко представляет их в совершенно искаженном виде. Вследствие этого исходящие от центра решения часто идут вразрез с истинными потребностями населения, а принимаемые ею общие меры оказываются неприложимыми к местным условиям.

Во-вторых, центральная власть не имеет и достаточно интереса в местных делах. Ее внимание устремлено в другую сторону; она имеет в виду общие государственные потребности и политическое положение. Местные интересы кажутся ей слишком мелкими и ничтожными; у нее нет достаточного побуждения ими заняться, и она ими пренебрегает, полагаясь на своих агентов. К этому присоединяется дух однообразия, которым бывает одержимо центральное правительство. Оно все хочет подвести под одну мерку, везде ввести одинаковые

правила, упуская из вида разнообразие условий и потребностей. Местной жизни не позволяют развиваться самостоятельно; она движется по предписаниям сверху.

В-третьих, централизация неизбежно ведет к медленности в производстве дел. Если исходящие сверху приказания исполняются быстро, то восходящие кверху и возвращающиеся обратно бумаги, проходя через многообразные инстанции, претерпевают убийственное замедление. Канцелярское производство с делом не спешит: часто нужны справки и сношения, иногда совершенно пустые, которые идут тем же порядком. А между тем, на месте дело не терпит; зло может сделаться неисправимым, прежде нежели получится надлежащее разрешение. В самих центральных управлениях накапливается такое множество дел, которое почти превосходит человеческие силы. Министры принуждены проводить большую часть времени в том, что подписывают бумаги, о которых имеют самое поверхностное понятие. Ничтожные дела отвлекает их от более важных.

В-четвертых, обыкновенным спутником медленности является формализм. Все, что сказано выше о недостатках бюрократического делопроизводства, не только прилагается вполне к централизации, но и усиливается ею. При централизации формализм необходим, ибо однообразная форма одна дает возможность быстро обзирать дела и знакомиться с их содержанием. Только при установлении общей формы всякий знает, что ему делать и где что найти. Чем сложнее машина и чем больше накапливается дел, тем это требование становится настоятельнее. Но именно через это водворяется господство бумажного производства, отрешенного от действительности и убивающего всякое живое содержание.

В-пятых, при таком искусственном привлечении всех важных и даже неважных дел к центру последний получает неподобающее развитие, в ущерб оконечностям. Все сосредотачивается в столице, а в провинциях всякая жизнь гложет и замирает. Выходит уродливое тело с непомерно развитою головой и атрофированными членами. Это явление замечается именно во Франции. Вследствие этого удар, направленный в голову, имеет результатом поражение всего организма. Всякий переворот, совершавшийся в Париже, встречает в провинциях немедленную и беспрекословную покорность.

Но всего хуже, в-шестых, то, что эта система отучает граждан от самостоятельности. Они привыкают во всем ожидать решений от правительства, за всем обращаться к государству. И у частных лиц и у местных властей опускаются руки, когда всякое начинание обставлено бесчисленными формальностями и

должно пройти через бесконечный ряд инстанций прежде, нежели получится какой-нибудь результат, иногда вовсе даже не тот, который желателен. То свободное развитие сил, та бодряя уверенность в себе, которые составляют признаки крепкого народа, здесь совершенно теряются.

При таких великих качествах и столь же крупных недостатках централизация очевидно имеет большее или меньшее значение, смотря по условиям, среди которых она действует, и тем потребностям, которым она отвечает. Жизнь вызывает преобладание той или другой ее стороны, делает ее полезною или вредною. Поэтому нельзя судить о ней, а надобно рассматривать ее в отношении к состоянию общества, к которому она прилагается.

Здесь, как и во всех явлениях государственной жизни, повторяется общий закон, что чем меньше единства в обществе, тем сосредоточеннее должна быть власть. Поэтому централизация прежде всего необходима при создании сильных государств. Там, где общество раздроблено на мелкие союзы, облеченные более или менее державными правами, и одна часть населения поработана другой, подчинение всех общему центру может быть произведено только действием сверху. Центральная власть принуждена шаг за шагом собирать раздробленные члены, подчинять себе одно за другим права, на которых утверждается самостоятельность местных властей, наконец, давать защиту подвластному населению. Этим путем создается живое единство народа, без которого чисто политическое объединение остается мертвой формою. Действием центральной власти разносятся всюду общие понятия и привычки, создаются общие условия и удобства жизни; перед всеми воздвигается единое отечество, в котором все чувствуют себя солидарными. В этом заключается историческое значение централизации в европейских государствах. Упускать это из вида, как делал Токвиль в своей книге о Старом порядке и Революции, есть антиисторический прием.

Те же потребности являются и после глубоких потрясений, когда взаимные отношения общественных классов обострились и по всем концам земли кипит мелкая, но упорная борьба страстей и интересов. При таких условиях только усиленная централизация может водворить мир и упрочить новый порядок. Таково именно было положение Франции после Революции. Не падение старых преград, как думал Токвиль, а новые потребности, вытекшие из переворота, вызвали деспотизм Наполеона. Поэтому установленная им централизация сохранилась даже после его падения, когда водворились либеральные

учреждения. Именно она дала новому общественному порядку ту устойчивость, которая позволила Франции противостоять всем последующим переворотам. Политическая власть ниспровергалась, но администрация стояла незыблемо, и под ее покровительством общество быстро оправлялось от всех потрясений. Эту заслугу не следует умалять.

Наконец, централизация необходима и там, где государству грозит постоянная внешняя опасность. Тут центральная власть должна иметь все государственные силы под руками и располагать ими мгновенно, при первой потребности. Всякое промедление или задержка могут быть губительны. Таково положение Франции в настоящее время. Мы видим, что не политические заблуждения, не стремление правителей к деспотизму, а временные и местные условия народной жизни вызывают тот или другой порядок управления. Критика централизации, упускающая их из вида, по необходимости будет односторонняя и поверхностная.

Но там, где этих условий нет, несомненно, что избыток централизации может породить величайшее зло; тут выступает уже не полезная, а вредная ее сторона. При нормальных условиях, при уравновешенных отношениях преувеличение одностороннего начала отражается пагубно на всей государственной жизни. Высшая цель государства состоит не в усилении власти, а в том, чтобы каждый общественный элемент получил надлежащее развитие и занял подобающее ему место в общем организме. Эта цель достигается только ослаблением централизации и предоставлением большей самостоятельности местному управлению...

Местное самоуправление в свою очередь имеет присущие ему выгоды и недостатки. Выгоды его громадны.

Во-первых, местные нужды ближе всего местным жителям. Они знают свои дела лучше, нежели кто-либо другой. Собственный интерес побуждает их делать то, что полезно для всех, изыскивать для этого наилучшие средства и производить улучшения с наименьшими тратами. Они способнее всех надзирать и за исполнением, ибо все дело у них на глазах и близко касается каждого. Всякая деятельность идет успешнее, когда люди делают свои дела, нежели когда они ведутся посторонними лицами, в них не заинтересованными. Это истина самая простая и очевидная.

Во-вторых, самоуправление развивает в гражданах самодеятельность, энергию, предприимчивость, следовательно, ведет к высшему развитию

общественных сил. Люди привыкают полагаться на себя, а не ожидать всего от правительства.

Через это, в-третьих, в провинциях развивается местная жизнь, которая привязывает к себе людей. Общественная жизнь равномернее распределяется по всему государству, а не стягивается искусственно к центру, оставляя члены бессильными.

В-четвертых, самоуправление связывает администрацию с народом. Принимая участие в управлении, каждый видит в общественном деле свое собственное и готов содействовать ему всеми силами. Этим люди отвлекаются от частных интересов и привязываются к общественным. Развивается общественный дух, который служит одною из лучших опор разумного правительства.

В-пятых, самоуправление дает гражданам и ближайшее практическое знакомство с общественными делами. Они научаются знать, чего можно и чего нельзя требовать от правительства. Политическое образование принимает направление не теоретическое, а практическое. Безрассудные притязания и легкомысленные суждения разбиваются об опыт и не находят себе почвы.

В-шестых, самоуправление является школою и для более широкого поприща. Государство может набирать отсюда образованных и опытных деятелей; получают государственные люди, знакомые с общественными вопросами не кабинетным только образом, а из практики, видевшие их в приложении, в связи с их собственными интересами, одним словом, с живым пониманием. В представительном порядке этим устанавливается и поддерживается живая связь между избирателями и избираемыми. Участием в местных делах приобретаются доверие и влияние. Местный деятель является в парламенте представителем местных нужд и интересов; он знает, как общие меры применяются к действительной жизни, какое они встречают сочувствие или противодействие, наконец, каково в данную минуту общественное настроение, которое центральное правительство, предлагая те или другие меры, всегда должно принимать во внимание...

Все это, однако, составляет лишь высшую, идеальную сторону местного самоуправления. В действительности же оказываются многие другие черты, которые, особенно при неблагоприятных условиях, выступают наружу и значительно видоизменяют эту привлекательную картину.

Во-первых, личный интерес, которым люди связываются с местными делами, далеко не всегда служит надежным руководителем. Общественный

интерес все-таки совсем не то, что свой собственный. Кто с большим рвением занимается своим делом, тот часто оказывает весьма мало усердия, когда нужно участвовать в деле общем. Нерадение лиц, облеченных правами, к избирательным собраниям есть явление, весьма обыкновенное. Еще более самопожертвования требуется от тех, которым вверяется заведование общественным делом. Жалованье, если оно есть, обыкновенно так скудно, что не может служить приманкой. Вознаграждением служит, главным образом, тот почет, который приобретает общественною службой. Но местный почет далеко не всем представляется привлекательным...

Во-вторых, провинция часто не обладает достаточным количеством образованных сил для хорошего управления. Способнейшие лица стремятся к центру, а на местах остаются люди, более практически знакомые с делом, нежели широко образованные. Между тем, для администрации в сколько-нибудь широком объеме, особенно при постоянном соприкосновении местных дел и властей с общими, одной практики недостаточно. Тут нужны более обширные взгляды, знакомство с государственными потребностями и с юридическими началами управления. Администрация есть наука; практика же, отрешенная от образования, ведет к рутине, к узости взглядов, к предпочтению ближайших интересов отдаленным, хотя и существенным, к погоне за мелочами в ущерб более важным делам...

В-третьих, в провинциальном кругу развивается узкий местный дух, застарелый и мелочный. Личные отношения играют тут более важную роль, нежели общие интересы. На широком политическом поприще личные отношения должны, по крайней мере, прикрываться общими целями; человек может иметь успех только действуя во имя общей идеи. В тесном кругу местной жизни, где интересы не довольно значительны, чтобы умственно и нравственно поднимать людей, где происходят непрерывные столкновения, где мелочные сплетни и раздоры получают неподобающее развитие, личные отношения заслоняют собою общественные. Часто лица выбираются и дело делается более на основании искательства, интриг, родства и кумовства, нежели из внимания к общественной пользе. Провинция всегда более или менее заражена этими недугами, но в еще большей степени она проникается этим мелочным духом, если она не находится в живом общении с центром и не примыкает к общим интересам.

В-четвертых, каково бы ни было самоуправление, оно во всяком случае утверждается на владычестве большинства. Вследствие этого интересы

меньшинства всегда подвергаются опасности оставаться в пренебрежении или быть принесенными в жертву. Это слабая сторона всякого свободного правления, где нет высшей, сдерживающей и умеряющей власти; но в тесном объеме местной жизни, где отношения мельче и общие вопросы часто заслоняются чисто личной враждою или приязнью, эта опасность еще гораздо значительнее. Здесь партия, основанная на личных видах и отношениях, может получить перевес и распоряжаться всем для собственных выгод...

Из этого ясно, до какой степени важно для успешного действия местного самоуправления правильное его устройство. Оно дает преобладание тому или другому элементу, а с тем вместе перевес получают или выгоды или недостатки учреждений. В Общем Государственном Праве мы рассматривали разнообразные формы, в которые слагаются различные сферы местной жизни, области, округа, общины. Здесь мы не станем вдаваться в эти подробности, а ограничимся общими началами административной политики в приложении к местному самоуправлению.

Первое и основное правило состоит в том, что местные учреждения должны быть построены на тех началах, на которых строится самое общество. Здесь, более нежели где-либо, приложим общий закон, что в учреждениях должно выражаться действительное отношение общественных сил. Местное самоуправление есть именно организация общества, как оно есть, а потому преобладать в нем должны те элементы, которые преобладают в самом обществе; остальным же должно быть присвоено то место, которое принадлежит им по внутреннему их развитию и по той роли, которую они играют в общественной жизни...

Но для успешного действия последних требуется не одна только правильная их организация. Существенное значение имеет и отношение их к центральной власти. Связь может быть двоякая: политическая и административная. В первом отношении важно влияние политической свободы на местное самоуправление. Недостатки последнего, проистекающие от низкого уровня провинциального быта, в значительной степени ослабевают под влиянием политических интересов, направляющих умы к высшим целям. Политическая свобода выводит местную жизнь из того застоя, в котором она коснеет, когда она остается оторванной от центра; в нее вносится новый дух; исключительное господство мелких местных интересов уступает место более возвышенным стремлениям. Рядом с этим, однако, являются и весьма существенные невыгоды,

которых мы коснемся ниже при изложении политики партий. Здесь мы остановимся исключительно на отношениях административных.

И в этой области недостатки, присущие местному самоуправлению, сами собой указывают на необходимость вмешательства центральной власти. Если центральное управление, как мы видели, требует выполнения местным, то и последнее, в свою очередь, требует выполнения центральным. Здесь, как и везде, нужны взаимные сдержки и соглашение противоположных начал. В этом отношении существенное значение имеет та доля самостоятельности, которая предоставляется местным учреждениям, и то подчинение, в которое они ставятся в отношении к органам правительства...

Военное управление. Государство имеет нужду в защите против внешних врагов и в средствах заставить других уважать его права. Этой цели служат военные силы, сухопутные и морские. Войско употребляется и для охранения внутреннего порядка и безопасности; оно составляет одно из главных орудий власти. Требуя от подданных безусловного повиновения в области гражданских отношений, государство должно иметь в руках такую силу, которая бы значительно превосходила всякие частные силы, могущие возникнуть в обществе. Отсюда важное политическое значение военного управления.

Войско может быть устроено различным образом. В древних республиках господствовала система всеобщего вооружения. Каждый гражданин был вместе и воин. Он обязан был всегда идти по призыву отечества. Это вытекало из самого характера древней жизни. Гражданин прежде всего принадлежал государству; главное его призвание состояло в политической деятельности, а частные занятия были для него делом второстепенным. Поэтому пользование политическими правами и исполнение политических обязанностей, в том числе и военной службы, неразрывно связывались с правом гражданства. Вместе со свободой гражданину вручалось и оружие для ее охранения. Только по недостатку настоящих граждан призывались и неполные граждане — метойки и вольноотпущенные, а в случае крайности оружие вверялось и рабам.

Эта система, основанная на самозащите свободных лиц, могла держаться только пока существовала свобода. Когда же древние республики пали и на развалинах их возникли обширные монархии, естественно водворилась система вербованных войск. Таковы были войска Римской Империи, которые управляли судьбами мира.

На совершенно иных началах строилось средневековое ополчение. Среди варварских племен, покоривших Римскую Империю, господствовал дружинный порядок. Дружина была не что иное, как толпа людей, собранных около вождя, выдающегося своей доблестью, знатностью или могуществом. Это было частное товарищество для военных предприятий. Всякий член дружины обязывался верностью и повиновением вождю, но принадлежность к дружине была добровольная...

Этим частным характером отношений, составлявшим, как мы знаем, отличительную черту средневекового порядка, феодальная система отличается от других подобных явлений, основанных точно так же на связи поземельного владения с военной службой, но вытекающих из начал государственных. Такова была установившаяся в древней России поместная система. В средние века у нас, так же как на Западе, военная сила князей основывалась на частных договорах с боярами и слугами. Но при постоянном передвижении бояр эти договоры были временные и не связывались с поземельным владением, которое при тогдашних условиях имело мало значения. Эта связь установилась только тогда, когда на развалинах удельной системы возникло единое государство, а с тем вместе прекратились переезды бояр. Служилым людям, превратившимся в холопов государя, стали раздавать поместья, с которых они несли свою службу. Это было нечто аналогичное феодальной системе; и здесь и там службу несло особое военное сословие, связанное с землею. Однако различие между ними было громадное: поместная система основывалась не на частных отношениях помещика к господину, а на общей государственной обязанности служилого сословия. Из этого вытекало другое начало, столь же существенное: феодальные обязанности были определенные; вассалы обязаны были служить только известное число дней, после чего они могли уходить; обязанности же помещиков определялись единственно потребностями государства. Они должны были являться по всякому призыву верховной власти и оставаться на службе, пока их не распускали. Основание различия заключалось в том, что феодальная система выражала в себе господство частного права, а поместная система была установлена возникшим государством.

Но недостатки обеих были одни и те же. Военные люди собирались только во время войны, следовательно, не могли иметь привычки действовать вместе. Самое собрание этих ополчений было дело не легкое, а потому государство не

всегда могло располагать своими силами. Развитие государственных потребностей привело к установлению постоянных войск.

И эта система проходила через различные видоизменения. Прежде всего явились наемные войска. Таковы были итальянские кондоттиеры и немецкие ландскнехты. Частные люди собирали около себя дружину и предлагали свои услуги за деньги. Эта форма должна была скоро исчезнуть, как совершенно несовместная с государственным порядком. Отлична от нее система вербованных войск. Здесь само правительство нанимает желающих служить, как туземцев, так и иностранцев. Эта система основана на полной свободе лиц, но она возможна только там, где вследствие особенных условий страны не нужно держать большого постоянного войска. При усиленных государственных требованиях приходится прибегать к принудительной службе. Последняя, в свою очередь, может быть двоякого рода: войско может или составлять отдельное сословие, или пополняться общею повинностью граждан. Военное сословие может не быть наследственным; оно образуется вследствие того, что военная служба составляет не срочную повинность служащих, а призвание всей жизни. Такого рода военными сословиями были у нас в древности стрельцы и другие подобные им войска; таковы же были турецкие янычары и египетские мамелюки. Таковы, в сущности, до новейшего времени были и наши солдаты; набираясь из податных сословий, они не только сами до старости должны были нести военную службу, но и дети их становились солдатами. К той же категории относится и господствовавшая у нас в первой половине XVIII века принудительная служба дворянства. С Петра Великого поместная система, позволявшая служилым людям жить на местах, заменилась пожизненною службой в постоянном войске. Но такая повинность слишком тяжело падает на подлежащие ей сословия, а потому она рано или поздно уступает место системе наборов, которая, признавая военную повинность общей для всех граждан или, по крайней мере, для массы народонаселения, выделяет из них путем очереди или жребия некоторую часть, обязанную в течение известного числа лет оставаться под знаменами. Эта система впервые была введена во Франции во время Революции и затем принята другими европейскими государствами. Однако и на этом дело не остановилось. Потребовались новые напряжения, вследствие чего военная повинность распространилась в большей или меньшей степени на всех способных носить оружие. Пример подала Пруссия после 1806 года. Громадные ее успехи в

новейшее время заставили и других последовать ее примеру. В настоящее время эта система установилась почти во всех европейских государствах.

Система вербованных войск удержалась в Англии, в Голландии, а также в Соединенных Штатах. В Англии, кроме того, есть и обязательная милиция для внутренней защиты. Но она редко собирается и потеряла всякое значение. Недостаток войска восполняется корпусами волонтеров, которые упражняются и в мирное время.

В Швейцарии существует система общего вооружения, но более в виде милиции. Вследствие нейтрального положения Союза постоянного войска здесь нет, но все граждане обязаны носить оружие. Исключение делается только для неспособных и для некоторых общественных должностей, взамен чего лица, пользующиеся льготой, уплачивают особую военную подать. Милиция собирается ежегодно на непродолжительные сроки для военных упражнений; но она обязана всегда явиться по призыву правительства...

Система всеобщей военной повинности, установленная ныне в Германской Империи, основана на том, что каждый гражданин обязан прослужить известное число лет в военной службе. Но так как количество людей велико и содержание их всех под знаменами было бы слишком обременительно для государства и для общества, то из числа подоспевших к службе, обыкновенно двадцати- или двадцатиоднолетних, в действительную службу принимается только известная часть, определяемая ежегодно и назначаемая по жребию, как в системе наборов; остальные же причисляются к запасу. Самый срок службы назначается короткий: три года под знаменами и четыре в запасе. Однако и по истечении этих сроков гражданин еще не освобождается от службы; он поступает в ландвер, или милицию, где он служит еще пять лет. Наконец, прослужившие эти сроки до 42 лет включительно могут, в случае нужды, призываться к общему ополчению (Landsturm).

В других государствах приняты другие сроки и другие названия. Так, например, во Франции призываемый обязан прослужить пять лет в действующем войске, четыре года в запасе, затем пять лет в территориальной армии, соответствующей милиции, и пять лет в резерве территориальной армии, соответствующем ополчению. У нас для вынужденных жребий устанавливается пятнадцатилетний срок службы, из которого шесть лет на действительной службе и девять лет в запасе. Не вынужденные жребия, а равно и уволенные из запаса, до сорокалетнего возраста причисляются к ополчению, которое созывается в случае

нужды особыми манифестами. Многим из призываемых даются большие или меньшие льготы, по семейному положению, например, единственным сыновьям, а также семействам, уже поставившим рекрута, или же по особому призванию, например, учителям и лицам духовного звания. Устанавливаются также общие льготы по образованию. Учащимся вообще даются отсрочки. Наконец, допускаются вольноопределяющиеся, которые, прослужив один год в действительной службе, перечисляются в запас и могут посвятить себя другим занятиям. Это делается с целью облегчить приготовление к профессиям, требующим значительной умственной подготовки. Воинская повинность не должна лишать общество самых полезных деятелей на гражданском поприще. Поэтому все подобные льготы совершенно уместны. О замещении сказано выше. Так как исполнение воинской повинности предполагает способность носить оружие, то, разумеется, исключаются больные, увечные, малорослые, вообще имеющие физические недостатки, препятствующие исправлению военной службы. Но так как ношение оружия есть вместе с тем право, которое сообщает известную честь, то исключаются иногда и опороченные судом.

При системе всеобщей повинности ополчение связывается с войском; но при системе наборов оно может составлять совершенно отдельное учреждение. У нас, как сказано, оно сзывается только в чрезвычайных случаях, в военное время. Как постоянное учреждение, оно может исполнять обязанности местной внутренней стражи, служа вместе с тем помощью для войска в случае нужды. Такова была существовавшая прежде во Франции национальная гвардия, наподобие которой устроена и бельгийская гражданская гвардия (*garde civique*). Первоначально это учреждение возникло во времена Революции. Это было народное войско в противоположность правительственному. В нем видели существенную гарантию закона и свободы. Оно учреждается по общинам и здесь несет местную, обыкновенную службу, в качестве внутренней стражи. Но в случаях чрезвычайных часть его может быть мобилизована в помощь войску, образуя подвижную национальную гвардию. Обязанность служить распространяется не только на граждан, но и на поселенных в местности иностранцев, в пределах известного возраста. При этом, однако, допускаются многочисленные исключения для лиц, занимающих общественные должности. Кроме того, для действительной службы может требоваться ценз, или достаточное состояние, чтобы сшить себе мундир. Через это охранение внутренней безопасности вверяется достаточным классам. Вследствие народного характера

этого учреждения офицеры в нем выборные; начальники же назначаются главою правительства из списка представляемых ему кандидатов. При введении всеобщей воинской повинности это учреждение потеряло свое значение.

При изложении государственного устройства было уже объяснено, что количество ежегодного набора, а равно и сроки службы определяются законодательною властью. В конституционных государствах это делается с участием народного представительства, ибо здесь дело идет о правах и обязанностях граждан, а также о количестве требуемых расходов. Через это палаты сохраняют некоторое влияние на войско, которое, по существу своему, находится в полном распоряжении верховной правительственной власти. Иногда, в виде исключения, количество набора определяется на несколько лет вперед, например, в Германии в настоящее время на семь лет. В Англии при системе вербованных войск ежегодно парламентом издается так называемый Акт о возмущении (Mutiny Act), которым правительство уполномочивается содержать известное количество постоянного войска.

Законом определяется и организация военных сил. Она приспособляется к их задаче — служить орудием государственной власти для исполнения государственных целей. Для этого необходимо, чтобы все части быстро и беспрепятственно подчинялись общему направлению. В этих видах требуется: 1) установление строгих правил дисциплины; 2) единоличное начальство над каждой отдельною частью: коллегиальное управление допускается лишь по заведыванию хозяйством; 3) иерархическое подчинение начальств для того, чтобы сохранить единство направления. Одним словом, главные начала, на которых держится войско, суть дисциплина и субординация. Для охранения их учреждается военный суд, более строгий и быстрый, нежели суды обыкновенные.

Из этих начал истекает общее правило, что войско рассуждать не может. Оно должно только повиноваться. Поэтому каждый вступающий в его ряды приносит присягу в безусловном повиновении начальству (Fahneneid). С этим связана и военная честь; нарушение повиновения есть нарушение чести, присвоенной военному званию. Эта честь вытекает из высоких обязанностей, которые войско призвано исполнять относительно отечества.

Однако особенно в конституционных государствах такое безусловное повиновение начальству легко может прийти в столкновение с обязательным для всех граждан повиновением закону. Войско подчиняется правительственной власти, а эта власть ограничена. Если она захочет употребить военную силу для

низвержения конституционного порядка, то войско, в силу обязанности безусловного повиновения, должно служить орудием величайшего беззакония. Так и случилось во Франции 18-го Брюмера и 2-го Декабря.

Для предупреждения этого зла заставляют иногда войско присягать в верности не только королю, но и конституции. Насколько подобная присяга совместна с военным званием, это вопрос спорный.

Противники конституционной присяги утверждают, что она противоречит присяге военной. Если войско обязывается безусловным повиновением, то оно не может рассуждать, согласно ли данное повеление с конституцией или нет. Это — вопрос юридический, часто весьма тонкий и спорный, который войско решать не может. Если оно вправе отказать в повиновении под предлогом, что приказание противоречит конституции, то нет более субординации, а с тем вместе невозможен и порядок. В таком случае при всяком народном восстании во имя конституции войско должно решать, кто прав: восстающие или правительство? То есть оно становится верховным судьей государственных вопросов, а это совершенно извращает его роль, а вместе предупреждает возможность быстрого подавления восстаний и может даже вести к междоусобной войне, если одна часть войска считает повеление конституционным, а другая — нет.

На это защитники конституционной присяги возражают, что войско, как и всякая другая часть государства, не может стоять вне закона. Если оно не обязано повиноваться конституции, то начальник войска становится безусловным властителем государства. Он имеет в руках силу, превосходящую всякую другую, и может безнаказанно нарушать закон. Военная присяга не должна противоречить общей присяге, в силу которой граждане обязываются не нарушать законов и уважать установленные власти.

С этим последним нельзя не согласиться: если конституционная присяга не должна противоречить присяге военной, то и военная присяга не должна противоречить конституционной. Из этого не следует, однако, что войско должно становиться судьей всякого приказа и исполнять его только тогда, когда оно согласно с конституцией. Охранение и толкование закона принадлежит не войску, а верховной власти, главным образом, власти законодательной, присвоенной народному представительству. Если граждане восстают во имя конституции, то восстание частных лиц, во всяком случае, есть нарушение закона, а потому войско обязано его укротить. Против незаконных действий правительства должно действовать законными средствами, а не возмущением. Но, с другой стороны,

если войско употребляется правительственной властью для низвержения народного представительства, то обязанность повиновения прекращается, ибо войско наравне со всеми гражданами обязано уважать законом установленные власти. Здесь опять оно не может рассуждать, кто прав и кто виноват. Оно обязано подавить восстание против законных властей, но оно не вправе ниспровергать самые власти. В этих пределах конституционная присяга не заключает в себе ничего, что бы противоречило требованиям общественного порядка и назначению войска. При всем том на практике могут встретиться столкновения обязанностей, но они более решаются духом, господствующим в войске и в народе, нежели юридическими постановлениями. Как народные революции, так и правительственные перевороты выходят из пределов закона, и если они бывают иногда неизбежны, то они всегда оставляют по себе печальные следы.

С требованием дисциплины и субординации естественно связано назначение начальствующих лиц высшею властью. В древних республиках были выборные военачальники. Так, Римляне выбирали консулов и военных трибунов. Но в то время войско и народ составляли одно, и дух дисциплины был так крепок, что выборные вожди встречали полное повиновение. Как же скоро этот дух ослабел, так войско стало любимых своих вождей провозглашать правителями и таким образом сделалось решителем судеб государства. О выборном начале в национальной гвардии как народном ополчении говорено выше.

Совершенно своеобразный способ назначения существовал в Англии до недавнего времени. Там офицерские места продавались и покупались. Через это они доставались в руки богатых и знатных лиц, которые служили более из чести. Такой порядок был явлением аристократического строя; но он совершенно противоречит государственным началам, а потому был, наконец, отменен.

Правительственное назначение должно, однако, совмещаться с соблюдением иерархического порядка службы, который составляет существенную принадлежность войска; этим охраняются и права служащих...

Общее управление войском как в тактическом, так и в хозяйственном отношении сосредоточивается в военном министерстве. Раздробление управления на части, как было, например, в Англии до Крымской кампании, ведет только к бесконечным пререканиям и неурядицам. Но при единстве управления необходимо и разделение на части, которые при столь сложном устройстве требуют особенных приемов, а нередко и особенной техники. Таковы: 1)

генеральный штаб, заведующий передвижениями; 2) артиллерийская часть, заведующая вообще вооружением; 3) инженерная часть, заведующая постройкой, защитой и осадой крепостей; 4) комиссариатская и интендантская часть, заведующая обмундированием и продовольствием; 5) медицинская часть; 6) аудиториат, или военно-судная часть; 7) управление военно-учебными заведениями, приготовляющими офицеров; наконец, 8) казначейская и контрольная часть...

4. Политический вопрос в России

Слово «консерватор» сделалось у нас пугалом. При этом звуке русский либерал кипит злобой. Консерваторы виноваты во всем: и в нашей лени, и в нашем невежестве, и во взятках, которые существуют тысячу лет, и в том, что Россия не так богата, как Англия, и в том, что привозится больше товаров, нежели вывозится, и в том, что нельзя выпустить сразу на 500 миллионов новых ассигнаций, и в том, наконец, что с неба не падает талисман, который бы внезапным чудом разрешил все общественные вопросы к удовольствию всех и каждого. Консерватор у нас — синоним с тупым равнодушием к общественному благу, с презрением к народу, со своекорыстием вельмож, с нахальством чиновников, с лестью, обманом и лихоимством. В его черной душе таится одно лишь гнусное стремление к чинам и карьере. Малейший оттенок консерватизма немедленно ставит человека в разряд отсталых, отпетых людей и делает его предметом насмешек, брани и клеветы.

Что же это, в самом деле? Что такое консерватизм, который возбуждает столь благородное негодование? Что за прогресс, которого мы должны желать, как манны небесной? Обращаясь к другим странам, мы видим, что там во главе охранительной партии стояли часто люди далеко не рядовые. Великий Питт был консерватор, сэр Роберт Пиль был консерватор; Гизо, Нибур, Савиньи были консерваторы. Везде, где существует политическая свобода, охранительная партия является одной из действующих сил; без нее политическая жизнь становится почти невозможной. Очевидно, что тут нечто более, нежели тупая рутина или привязанность к материальным выгодам, которые доставляются существующим порядком. В основании этой силы лежат начала, которые коренятся глубоко в свойствах человеческого духа и управляют развитием человеческих обществ.

Многие представляют себе прогресс в виде бесконечного движения вперед. Точно люди взапуски бегут к скрывающейся вдали цели. Первенство принадлежит тому, кто бежит скорее, кто, скинув с себя все ненужное бремя, даже самую одежду, налегке пускается в путь и перегоняет соперников. Или, если мы представим человеческое общество в виде корабля, плывущего по волнам истории, то прогрессисты этого рода сочтут себя обязанными столпиться на самой передней части носа, забывая, что не оттуда управляют рулем; они найдут ход корабля слишком медленным, они ополчатся на капитана за то, что он не

распускает всех парусов; они захотят опередить само судно, кидаясь вперед в волны океана, не имеющего ни границ, ни покоя, как их собственные требования и мечты. Другие пассажиры, напротив, вознегодуют на то, что корабль идет не тем путем, каким бы они хотели. Они также кидаются в волны, только не спереди, а сзади, и так же, как первые, исчезают в безбрежном океане напрасных сожалений. А корабль идет себе своим мерным ходом, оставляя позади и негодующих, и нетерпеливых. Экипаж и пассажиры распределяются в нем каждый на своем месте; сзади всех стоит кормчий, который управляет его бегом. Вой бури, колыхание океана, крик и толки пассажиров — все это нипочем. Беда только, если кормчий покинет свое место и побежит вперед за прогрессистами или же своротит судно против ветра и волн, в угоду вздыхателям о былом.

Прогресс не состоит в вечном, безостановочном движении вперед. История народов — не вода, которая течет непрерывно, потому что не имеет в себе твердых стихий, которые удерживали бы ее на месте. История есть развитие внутренних сил, углубление в себя, изложение тех начал, которые лежат в существе человеческого духа. Они-то составляют основу общественной организации; около них, как около зерна, группируются кристаллы общественной жизни.

Общество состоит из лиц, из которых каждое имеет свою самостоятельную жизнь, свой маленький мир частных стремлений и интересов. Но лица не замыкаются в этой тесной сфере; это не рассеянные единицы, которые скрепляются внешней механической силой. Духовная жизнь человека состоит в единении с другими; лица связываются между собой общением мыслей, интересов, нравственных идей, в силу которых человек видит в человеке товарища, помощника и брата. Эти общие начала суть исторической силы, которая владеет над людьми и соединяет их в постоянные, более или менее прочно организованные группы. Таковы: семейство, сословие, церковь, государство.

Если бы эти скрепляющие, зиждущие начала общественного устройства вечно оставались одни и те же, общество пребывало бы неподвижным. Его развитие, как рост дерева, состояло бы единственно в прибавлении новых ветвей к существующим, в количественном возрастании сил. Но человеческий дух, углубляясь в себя, излагая свои определения, проходит через различные формы, которые, составляя развитие одной духовной природы, тем не менее, качественно отличаются друг от друга. Вследствие этого историческое развитие представляет

ряд органических формаций, из которых каждая имеет свои связующие начала, нередко противоположные прежним. Отсюда борьба старого с новым, отсюда движение, которое изменяет существующее устройство. Но цель всякого движения не просто освобождение лица от прежних определений, а переход к новым органическим началам, к новому, крепкому строению жизни. Движение для движения не только бессмысленно, но и губительно для общества. Одной проповедью свободы, одним разрушением старого, в надежде, что из этого что-нибудь выйдет, водворяется только анархия, которая, в силу присущей человеку потребности органических начал, сама приводит к реакции, но которая слишком дорого обходится народу, не умевшему ее предупредить.

Из этого отношения основных начал жизни к элементам движения ясно отношение охранительной партии к прогрессивной. Последняя представляет в обществе элемент движения. Задача ее — не дать существующему порядку застояться, окаменеть в своем устройстве; она пробуждает дремлющие силы и содействует переходу жизни в новую, высшую форму. Но чисто прогрессивное направление неспособно к организации; за прелестью свободы, за беспокойством движения оно слишком часто забывает, что общество нуждается в твердых основах, в постоянных жизненных началах, за которые бы оно могло держаться, вокруг которых оно могло бы окрепнуть. Уразумение этих жизненных основ — вот задача охранительной партии. Она их недремлющий сторож и защитник. Она допускает перемены только во имя начал организующих, а не разлагающих.

Таково существенное значение консервативного направления, такова роль его в обществе. При этих основных чертах оно может, однако, принимать различные виды.

Главная сила охранительной партии всегда лежит в бессознательном инстинкте народных масс. Огромное большинство людей живет непосредственным чувством, привычкой, безотчетным приобщением к той среде, в которой они родились, воспитались и действуют, с которой переплетены все их интересы. Нужен в обществе страшный разлад или вопиющая неправда, чтобы возбудить в массах ненависть к существующему порядку. Пока жизнь сносна, народ естественно подчиняется силе обычая, дорожит преданием, отвращается от новизны и преклоняется перед вековым авторитетом.

Но на бессознательном чувстве народа нельзя основать разумной гражданской жизни. Высшее значение человека состоит в сознании; в нем та духовная сила, которая движет историю народов. Поэтому во главе общества

всегда стоят высшие классы, в которых развивается разумное сознание. Если охранительная партия хочет удержать свое общественное значение, она, в силу неизбежного закона, должна возвести свои начала к сознательной мысли. «Сознавай себя или гибни!» — таков приговор истории.

Между тем, и на вершинах общества охранительное направление нередко опирается на одну рутину, на слепую привязанность к старине, на идолопоклонство перед существующим порядком. Пока общество дремлет, это направление может в нем господствовать, но как скоро пробудилась общественная мысль, оно с трудом противостоит напору даже слабого понимания. Окончательно оно удержаться не в силах. В руках консерваторов-рутинистов существующий порядок обречен на падение.

Никакая общая теория не может служить основанием для охранительной системы по той простой причине, что устройство и потребности обществ разнообразны до бесконечности и изменяются исторически. Нет сомнения, что человеческие общества зиждутся на некоторых общих началах, одинаково необходимых для всех. Власть, суд, закон составляют принадлежность каждого государства. Но на таких отвлеченных принципах невозможно основать практической программы и положительного политического направления. Тут нужно содержание более живое, более близкое к действительным, местным условиям среды. Охранительные начала в каждом обществе почерпаются не из теорий, а из действительности, они даются историческим развитием народа и настоящим его состоянием.

Если мы взглянем на те охранительные системы, которые имели успех, мы увидим, что они держались именно этого практического направления. Английские консерваторы не строят всемирных учений, они действуют во имя исторических начал английского народа, изменяя их сообразно с наступающими потребностями. Наполеон III противопоставил революции те элементы власти, которым основание положено было французскими королями и которые утверждены могучей рукой Наполеона I. Но и французская империя не отрицает потребности свободы. Конституционные начала вводятся более и более, по мере того, как Франция, к ним привыкшая, ощущает в них нужду.

В каждом данном государстве предстоит та же практическая задача. Охранительные начала будут иные в демократическом направлении, иные в конституционной монархии, иные в самодержавии. Те либеральные учреждения, которые, при известном состоянии общества, служат опорой порядка, при других

обстоятельствах производят общее расстройство. Ведь охранительная партия должна опираться на то, что есть, а не на то, чего можно бы желать.

Первое место в существующих основах общежития занимают те начала, которые утвердились преданием, которые получили силу вековым своим значением в истории народа. Они составляют краеугольный камень всякого общественного устройства. Не слепая привязанность к старине придает им это значение, а тот простой факт, что всякое общественное начало тогда только приобретает действительную силу, когда оно что-нибудь произвело, когда с ним связаны жизненные интересы граждан, когда люди получили к нему уважение вследствие принесенной им пользы и той внутренней крепости, которую оно проявило на деле. Чем продолжительнее эта деятельность, тем самое начало становится более могучим.

Но исторические начала изнашиваются, слабеют, теряют прежнее свое значение. Держаться их во что бы ни стало, при изменившихся обстоятельствах, при новом строении жизни, — значит лишать себя всякой надежды на успех. Это романтизм, а не охранительное направление.

Если охранительная партия не хочет намеренно связать себя по рукам и по ногам и ограничиться ролью жертвы, обреченной на заклятие, — она не может быть врагом свободы и преобразований. Либеральные законы, незыблемые гарантии свободы могут стать более прочной твердыней общественного порядка, нежели шаткость чиновничьего произвола. Но и в преобразованиях консервативная партия ищет тех основных положений, из которых может развиваться прочная организация. Она остается верна своему характеру. Ее созидающему духу противны мечтательные требования, общие фразы, неопределенные надежды, беспокойное брожение, разрушение во имя скрытых сил и неизвестного будущего. Она тогда только соглашается на изменение существующего, когда на месте старого можно поставить новое, столь же, если не более прочное, и тогда она это новое охраняет с такой же непоколебимой энергией, с какой некогда охраняла отжившую старину.

Таким образом, если характер охранительного направления вечно остается один и тот же — привязанность к основным началам гражданского устройства в противоположность элементам движения, то содержание его изменяется с изменением самой жизни народа. Вся задача сводится, следовательно, к практическому пониманию существующего; надобно отгадать те силы, которые

имеют в себе залог прочности, которые в данную минуту должны лежать в основании общественной организации.

При обыкновенном течении жизни сделать это не трудно. Настоящее тесно связано с прошедшим; в жизни действуют те элементы, которые выработались исторически, которые явны для каждого, от которых даже отрешиться нелегко. Совсем другое, когда общество находится в состоянии переходном, когда оно обновляется всецело, когда преобразования идут по всем частям. Здесь мудрено сказать, что следует сохранить и с чем надобно проститься, что имеет в себе достаточную силу для дальнейшего существования и что износилось, обветшало и должно быть отброшено, как лишнее существенного значения.

В таком положении находится теперь Россия. Что сохранять там, где все изменяется? Благоразумно ли задерживать движение там, где все стремится к новому порядку?

Россия обновляется; все части государственного управления подвергаются преобразованию; все движется, стремится, волнуется, негодует; везде борьба со старым порядком и пламенные надежды на новый. На чем тут остановиться? Где найти точки опоры?

Если мы взглянем на ту работу, которая предстоит и законодателю и обществу, задача покажется нам громадной, почти необъятной. Одно освобождение крестьян — такой жизненный переворот, какие случаются веками. От общего государственного строения до частного быта все разом сдвигается с места и получает новое направление. К этому присоединяются преобразование суда, финансов, администрации, распространение просвещения, огромные экономические предприятия, наконец, искоренение всех зол, которые накопились веками и накопились у нас на сердце: лжи, лихоимства, неправды, притеснений. Русское общество отвернулось от своего прошлого; оно хочет надеть на себя новый лик и явиться преображенным в сонме европейских народов.

Громадность подобной задачи не может не смутить всякого, кто посмотрит на неё хладнокровнее. Если мы развернем страницы истории, мы увидим, что подобные переломы в народной жизни совершались либо деспотизмом, либо революцией, лучше сказать — деспотизмом сверху или деспотизмом снизу. Иначе и быть не может. Там, где замешано столько противоположных интересов и страстей, самых близких человеку и самых живых, там разом повернуть и порешить дело можно только насилем. Где одновременно расшатываются все основы здания, нужна всеподавляющая сила, чтобы сдержать поколебленное

общество. Такой силой может быть или энергия масс, или рука деспота. Нетерпеливые нововводители бессознательно напрашиваются на то или другое. Но те, которые не хотят ни железного ига властителя, ни буйства революционных страстей, могут желать только прогресса умеренного и постепенных преобразований. Время — великий деятель, который укрощает страсти, примиряет с переменами, прилаживает интересы к новым условиям, убеждает людей в необходимости сделок и уступок. Когда, под влиянием времени, известное преобразование, глубоко охватывающее жизнь, окрепло и установилось, когда общество применилось к новому порядку, тогда безопасно приступать к дальнейшему реформизму. Но разом изменять все, затрагивать все страсти, все интересы — значит возбуждать брожение, с которым не всегда легко справиться.

Недоумение увеличивается, если мы посмотрим на те силы, с которыми Россия приступает к своему обновлению. Несмотря на возбужденные надежды, на проснувшуюся жизнь, несмотря на действительные гражданские успехи, которые мы сделали в последние годы, русское общество представляет в настоящую минуту весьма громадное зрелище. Никогда еще не оказывалось такого разлада между величием цели и ничтожеством средств, между требованиями и делом. С одной стороны — безграничные притязания, непоколебимая самоуверенность, исступленная критика, громкие фразы; с другой — самое скудное образование, отсутствие первоначальных понятий, шарлатанство, лень, своекорыстие, нетерпимость, неспособность к практической деятельности, страсть к эдиктам при совершенном равнодушии к пользе отечества. Под покровом любви к свободе, сознания права, восторженного стремления к лучшему порядку в обществе скрываются: раздражение личных интересов, злоба на отнятое право над человеком, политическое легкомыслие, страсть к шуму, опьянение той общественной пляской, в которой тысячи голосов режут зараз, не понимая друг друга и ругаясь на все стороны.

Теперь, когда дышать стало свободнее, когда преобразования на каждом шагу открывают новую возможность действовать, все еще продолжается прежний вопль. Мало того: он усиливается с каждым днем. Никто не хочет видеть того, что совершилось и совершается; преобразования встречаются всеобщим равнодушием, если не враждою. Забывают громадные государственные меры и устремляют все внимание на мелкие интриги бюрократов. Все требуют новых перемен в ожидании, что мановением волшебного жезла разрешатся наши

затруднения; все убеждены, что стоит правительству захотеть — и водворится всеобщее благоденствие. Как будто изменением статей Свода Законов, да сменой нескольких администраторов, да еще новым и новым разглагольствием возможно обновить Россию! Мы ищем лекарства не там, где оно находится. И корень зла, и средства врачевания лежат не в учреждениях, не во внешних условиях, а в нас самих. Настоящая наша задача состоит не в стремлении к новому, не в перемене людей и учреждений, а в работе над собой, в исполнении того, что уже дается жизнью. Нам нужно отрезвиться, заняться делом, разумно взглянуть на то, что нас окружает, подготовиться к той широкой деятельности, которая нам предстоит. А для этого необходимо воздержание. Не в безмерных требованиях, не в бесплодном раздражении найдем мы путь к лучшему порядку, а в спокойной работе мысли и в серьезной практической деятельности.

Это успокоение страстей, это возвращение общества к внутренней работе может совершиться двояким образом. Или твердая рука власти, пресекая всякие неумеренные проявления, неуклонно направляя народ к предположенной цели, несмотря на шум и волнение, заставить общество от бесплодных криков обратиться к тому, что практически невозможно; или же само общество образумится, придет в себя, поймет, наконец, свое положение и предстоящее ему дело. Последний путь несравненно лучше первого. Насильно данное направление никогда не может быть так плодотворно, как самостоятельная мысль. Насилие производит раздражение и равнодушие. Только мысль, созревшая в самом человеке, дает ему ту силу воли, то самообладание, которые необходимы для разумной деятельности. Поэтому в настоящее время в том положении, в котором находится Россия, дело первостепенной важности — возникновение в обществе независимых сил, которые поставили бы себе задачу охраны порядка и противодействие безрассудным требованиям и анархическому брожению умов. Только энергия разумного и либерального консерватизма может спасти русское общество от бесконечного шатания. Если эта энергия появится не только в правительстве, но и в самом народе, Россия может без опасения глядеть на свое будущее.

Нельзя скрывать от себя тех трудностей, которые предстоят образованию консервативного мнения в настоящую пору. Общество влечется в одну сторону, вследствие данного ему толчка; приобретенная скорость усиливает это движение. Возможно ли ему противодействовать. Брать против течения всегда нелегко; у нас это вдвойне трудно, потому что не за что ухватиться, не на что опереться. К чему

служат воззвания к разумным силам, увещания насчет потребности порядка там, где не существует никаких гражданских понятий, где уровень просвещения не дает даже первоначальных сведений о праве, об обязанностях, о государственном устройстве, где всякое слово понимается в превратном смысле, где все хотят разом кричать и никто не расположен слушать? Возможен ли дружный отпор там, где люди не имеют довольно энергии, чтобы стоять на собственных ногах и общими силами отражать удары, а предпочитают предаваться отрешению потока или слабодушно становиться поодаль, пожимая плечами? При нашей бесконечной распушенности, при вялости нашего нрава, при том хаосе, который у нас господствует, остается единственная надежда на силу вещей, на окончательное торжество благоразумия в массах. Но на этом не следует ни успокаиваться, ни слабеть. Если русское общество способно к самостоятельной деятельности, то из этой бродячей массы, в которой все ускользает из рук, должны выделиться основные направления — зародыши партий. Теперь настала для этого пора; теперь наше дело — идти к этому внутреннему строению общества, без которого невозможна политическая жизнь.

Другое важное препятствие, которое представляется у нас образованию охранительной партии, состоит в трудности откровенно обсуждать все вопросы, вполне высказывать свою мысль. Где не допускается порицание, невозможна и похвала; остается, следовательно, молчать. Трусовость и лень с жадностью хватаются за этот предлог, чтобы устраниваться от деятельности. На этом выезжают и противники того направления, которое имеет большую возможность высказываться явно. В нашей литературе, которая не знает деликатности ни в чем, в этом случае вдруг является необыкновенная деликатность: не смей говорить против тех, кто не может вполне высказать свою мысль! Привилегия слова дается косвенной оппозиции.

Какими же началами может руководствоваться охранительное направление в России? Какие элементы дает ему старый порядок и что приобретает он в новом? Укажем на некоторые основные точки опоры.

Первый элемент, который дается нам историей и который является насущной потребностью настоящего времени, это — сила власти.

Всякое общество требует известного единства. Без него невозможны ни общая жизнь, ни порядок, ни гражданское устройство. Это единство может установиться двояким образом: согласием общественных сил и действием правящей власти. Недостаток одного из этих элементов может восполниться

только усилием другого. Чем меньше единства в обществе, тем труднее связать общественные стихии, тем сильнее должна быть власть. Старое рушилось, новое не успело окрепнуть; никто не знает за что держаться. В такие времена наименее возможно внутреннее общественное единство, согласное действие различных общественных сил, а потому тем необходимее крепкая власть, которая могла бы сдерживать влекущиеся врозь стихии.

Отличительная черта русской истории, в сравнении с историей других европейских народов, состоит в преобладании начала власти. Со времени призвания Варягов, когда новгородские послы, ровно тысячу лет тому назад, объявили неспособность общества к самоуправлению и передали землю во власть чужестранных князей, общественная инициатива играла у нас слишком незначительную роль. Русский человек всегда был способен подчиняться, жертвовать собой, выносить на своих плечах тяжелое бремя, на него возложенное, нежели становиться зачинателем какого бы то ни было дела. Только в крайних случаях, когда государству грозило конечное разрушение, народ вставал как один человек, изгонял врагов, водворял порядок и затем снова возлагал всю власть и всю деятельность на правительство, возвращаясь к прежнему, страдательному положению, к растительному процессу жизни. Власть расширяла, строила и скрепляла громадное тело, которое сделалось русской империей. Власть стояла во главе развития; власть насильно насаждала просвещение, обнимая своей деятельностью всю жизнь народа — от государственного устройства до частного быта. Величайший человек русской земли, Петр Великий, сосредоточивает в себе весь смысл нашей прошедшей истории. И теперь еще этот характер не изменился: правительству принадлежит инициатива и исполнение тех великих преобразований, которые составляют честь и славу нашего века.

Таким образом, вся русская история вела к преобладанию начала власти; оно сохранило свое значение до настоящего времени. Теперь мы чувствуем потребность в большей самостоятельности, нежели прежде; мы хотим свободы, общественной инициативы, и это желание вполне законно, потому что без этого невозможны ни разумная жизнь, ни полное развитие внутренних сил народа. Но это стремление, плод созревающей мысли, не должно становиться в разрезе с тысячелетней историей отечества; новая сила не должна явиться враждебной той, которая руководила нами до сих пор. Особенно в настоящем кризисе, при тех реформах, которые совершаются, при той незрелости, которой мы страдаем, при том брожении, которое господствует в обществе, сильная власть нужнее, нежели

когда-либо. Она должна размножиться, явиться на всех концах, во всех углах России.

К счастью, наше правительство не нуждается в материальном подкреплении. Средства, которыми оно располагает для охранения внутреннего порядка, огромны. Случайно возникающие волнения представляют легкую игру на поверхности общественного организма. Но кроме материальной силы, нужна сила нравственная. Она основывается на любви народной и на поддержке со стороны разумных элементов общества. Первая не отойдет от правительства, освободившего крестьян; но в последнем отношении нельзя не заметить, что в русском обществе издавна произошел разлад. Либеральные меры, которые были приняты в продолжение последних лет, не только не излечили застарелой болезни, а по-видимому, напротив, усилили раздвоение. Здесь лежит зло, на которое нельзя не обратить внимания, потому что оно лишает общественные силы возможности действовать согласно. Каждый русский человек, которому дорого отечество, должен по мере возможности содействовать единению, а не растравлять легкомысленно раны и не усиливать напрасного раздражения.

Конечно, восстановление этой связи, прежде всего, зависит от самой власти. Она тем более может рассчитывать на поддержку со стороны разумной части общества, чем тверже и рассудительней она действует, тем менее она остается в одиночестве, чем более она старается изведать настоящие нужды края и удовлетворить существенным потребностям народа. Но охранительное направление в обществе не может и не должно отказать власти в своем сочувствии и в своей поддержке при виде тех громадных реформ, которые ею совершаются, того желания добра, которое проявляется во множестве либеральных мер, и тех препятствий, которые предстоят на пути. Одолеть их можно только дружной деятельностью всех, а не внутренним разладом.

При этом охранительное направление удерживает всю свою независимость. Оно не отказывается от свободы суждения и не готово выступить на защиту каких бы то ни было мер. Общественное мнение — не бюрократия, обязанная исполнять и поддерживать данные ей предписания; это — самостоятельная сила, выражение свободной общественной мысли. Охранительная партия в обществе может выражать одобрение только тому, что согласно с ее собственными началами. В ней не найдут сочувствия ни реакция, ни заискивание популярности, ни подавление свободы, ни скороспелые нововведения. Но она не станет легкомысленно ополчаться на власть, подрывать

ее кредит, глумиться над мелочами, упуская из вида существенное, поднимать вопль во имя частных интересов, забывая общую пользу. Охранительная партия, преимущественно перед другими, должна быть готова поддерживать власть, когда это только возможно, потому что сила власти — первое условие общественного порядка.

Главное орудие власти в государственном управлении составляет бюрократия. Это опять элемент, который дается нам историей и современной жизнью.

В настоящее время бюрократия подвергается у нас таким же, если не большим, нападкам, как и консерватизм. Она корень всего зла; она стала между верховною властью и народом, задерживая правду, распространяя ложь, обращая все на свою собственную пользу. Неудовольствие, идущее от противоположных концов, сливается против нее в общий обвинительный голос.

Нельзя не сказать, что бюрократия во многих отношениях заслужила это общественное недоверие. Она долгое время была всемогуща и употребляла это положение во зло. Медленность, формализм, лихоимство, притеснения, своекорыстные виды, равнодушие к общему благу — вот явления, которые слишком часто встречаются в ее рядах и которые довели ее до той степени непопулярности, на которой она ныне стоит. Но не надо упускать из виду другой стороны дела. Несмотря на свои недостатки, бюрократия даже теперь заключает в себе едва ли не большинство образованных сил русской земли. А прежде и подавно; какой же образованный человек не вступал в служебные ряды? Если у нас существует гражданское устройство, если пользуется внутренней безопасностью, если помещики давно перестали разбойничать на больших дорогах, если есть средства сообщения, если устроены училища, гимназии, университеты, если в провинциях есть архитекторы, медики, инженеры, если законы собраны в общий свод, то мы всем этим обязаны бюрократии.

Как бы то ни было, бюрократия представляет действительную силу, без которой власть обойтись не может, без которой немислимо государственное управление. Русская бюрократия показала на деле если не свое нравственное достоинство, то свою внутреннюю самостоятельность, свою способность действовать, охранять порядок, устраивать и скреплять государство. При бедности наших общественных сил таким элементом пренебрегать нельзя. Нам бюрократия совершенно необходима. Ее надобно по возможности очистить, возвысить, сдерживать в пределах законности, окружить гарантиями, поставить под

контроль гласности, ограничить самоуправлением сословий, но она неизбежно должна остаться одной из существенных опор государственного порядка и внутреннего благоустройства.

История не выработала нам даже зачатков правильного судоустройства. Тут нечего сохранять; тут все предстоит начинать сызнова. Надобно положить первые основания специальному сословию судей и адвокатов и поставить их под контроль гласности. Пока этого нет, пока судьи набираются случайно, по выбору, или по значению, из людей, которые никогда не готовились на это поприще и не видят в водворении правды призвания жизни, пока судопроизводство покрыто канцелярской тайной, нельзя говорить о суде как о существенном элементе государственного благоустройства. Тут не помогут благие намерения. Наилучшие судьи, действующие втайне, а тем более власть, карающая административным путем, всегда подвергнутся нареканиям в несправедливости. Доверия к своим приговорам они внушить не в силах. А без суда, независимого в своих действиях, представляющего гражданам надежную гарантию, нет сознания права, нет уважения к закону. Охранение права и порядка ниспадает в руки полиции; на место суда водворяется расправа, на место закона — произвол. Таков действительно преобладающий характер нашего гражданского развития; оно всегда скреплялось властью, а не законом.

За недостатком суда современная жизнь представляет нам другой элемент, который может служить противодействием излишнему расширению бюрократии. Это — сила корпоративного устройства, сословного и общинного, в особенности первого, которое обнимает более широкую сферу и имеет значение не только местное, но и государственное. Корпоративное начало не всегда и не везде играет одинаковую роль. Отношение его к свободному развитию общественных сил представляет аналогию с отношением власти к свободе. Корпорации тем нужнее, чем менее общество имеет стремления группироваться около разумно понятых интересов, чем менее отдельные лица способны собственной энергией и соединением сил поддерживать начала гражданственности. Там, где корпорации не разбились движением истории, где они не превратились в ветхий остаток исчезнувшей жизни, они могут отвечать двум весьма существенным потребностям общества.

С одной стороны, корпоративное начало служит опорой порядка, зерном общественной организации. Оно связывает лица в постоянные союзы, подчиняет их общему духу, заставляет их примыкать к общим интересам. В корпорации

каждый находит принадлежащее ему место; права и обязанности определены; деятельность совершается в начертанном законом круге. Это — школа гражданской жизни и одно из самых сильных противодействий всякого рода безмерным требованиям и притязаниям.

Деятельность бюрократии ограничивается силой корпораций. Это два элемента, которые друг друга уравнивают. Их взаимодействие, обеспечивая все интересы, представляется лучшим путем для развития нашего государственного быта. Как бюрократию следует не уничтожать, а утвердить, улучшая, так и корпорации следует укреплять, упрочивая их права, пополняя их новыми элементами, когда они в том нуждаются, и сближая их в общей деятельности, чтобы достигнуть согласия общественных сил.

Все это — стихии, которые даны нам историей. Но охранительная партия может столь же твердо стоять и за новое начало, за новое учреждение, если оно обещает сделаться зерном прочной государственной организации. Таким учреждением представляется нам «Положение» 19-го февраля...

Если мы прислушаемся к тому общественному говору, который раздается со всех концов России, и тайно и явно, и в клубах, и в гостиных, и в печати, то, несмотря на разнообразие направлений, мы легко заметим один общий строй, который владычествует над всем. Нет сомнения, что в настоящую минуту общественное мнение в России решительно либерально. Это не случайное направление, не легкомысленное увлечение общества. Либеральное движение вытекло из жизненной необходимости; оно порождено силой вещей. Отрицание старого порядка явилось как прямое последствие его несостоятельности. Для всех стало очевидным, что без известной доли свободы в благоустроенном государстве нельзя обойтись.

Такое явление не может не порадовать тех, кому чувство свободы глубоко врезалось в сердце, кто питал и лелеял его в тишине своих дум, в сокровенном тайнике своей души, в то время, когда оно изгонялось из общества, как возмутительное и преступное. Свобода — лучший дар, данный в удел человеку; она возвышает его над остальным творением; она делает из него существо разумное, она налагает на него нравственную печать. В самом деле, какой поступок имеет цену в наших глазах? Какому деянию приписываем мы нравственную красоту? Не тому, которое совершается по внешнему предписанию,

из страха или из слепого поклонения владычествующим силам, а тому, которое вытекло из недостижимой глубины совести, где человек, наедине с собою, независимый от чуждых влияний, решает сознательно и свободно, что он считает добром и долгом. Нравственное величие человека измеряется этой непоколебимой внутренней силой, недоступной внушениям и соблазнам, этой твердой решимостью, которая неуклонно следует свободному голосу правды, которую не сдвинут с места ни иступленные вопли толпы, ни угрозы, ни насилие, ни даже мучения. За внутреннюю свободу человека умирали христианские мученики. И мысль человеческая истекает из неизведанной глубины свободного разума. Та мысль крепка, плодотворна, способна действовать на волю и переходить в жизнь, которая не наложена и не заимствована извне, а переработалась в горниле сознания и является выражением свободных убеждений человека. Внутри сознания раскрывается бесконечный свободный мир, в котором, как в центре, отражается вселенная. Здесь человек — полновластный хозяин; здесь он судит и насилие, которое налагает на него руку, и безумие, которое хочет заглушить голос разума; здесь вырабатываются те идеи, которым суждено изменить лицо земли и сделаться путеводным началом для самых дальних поколений.

Свобода совести, свобода мысли — вот тот жертвенник, на котором неугасимо пылает присущий человеку божественный огонь; вот источник всякой духовной силы, всякого жизненного движения, всякого разумного устройства; вот что дает человеку знания бесконечные. Все достоинство человека основано на свободе; на ней зиждутся права человеческой личности. Как свободное существо человек гордо поднимает голову и требует к себе уважения. Вот почему, как бы низко он ни упал, в нем никогда не изглаживаются человеческие черты; нравственный закон не позволяет смотреть на него с точки зрения пользы или вреда, которые он приносит другим. Человек — не средство для чужих целей, он сам абсолютная цель. Свободный человек вступает и в общество. Ограничивая свою волю совместно с волей других, подчиняясь гражданским обязанностям, повинуюсь власти, представляющей идею общественного единства и высшего порядка, он и здесь сохраняет свое человеческое достоинство и прирожденное право на беспрепятственное проявление разумных своих сил. Общество людей — не стадо бессловесных животных, которое доверяется на попечение пастуха до тех пор, пока не поступит на убой. Цель человеческих союзов — благо членов, а не польза хозяина. Власть над свободными гражданами делает пастырем народов

то высокое достоинство, перед которым с уважением склоняются люди, и нет краше, нет святее этого призвания на земле, нет ничего, что бы могло наполнить сердце человека таким чувством гордости и обязанности.

Идея свободы сосредоточивает в себе все, что дает цену жизни, все, что дорого человеку. Отсюда то обаяние, которое она имеет для возвышенных душ, отсюда та неудержимая сила, с которой она охватывает в особенности молодые сердца, в которых пылает еще весь идеальный жар, отделяющий человека от земли. Глубоко несчастлив тот, чье сердце в молодости никогда не билось за свободу, кто не чувствовал в себе готовности с радостью за нее умереть. Несчастлив и тот, в ком житейская пошлость затушила пламя, кто, становясь мужем, не сохранил уважения к мечтам своей юности.

В зрелом возрасте идея свободы очищается от легкомыслия, от увлечения, от раздражительного беспокойства, от самонадеянного отрицания, от своеволия, не признающего над собой закона, она сдерживается пониманием жизни, приравнивается к ее условиям; но она не исчезает из сердца, а, напротив, глубже и глубже пускает в нем свои корни, становясь твердым началом, которое не подлежит колебаниям и спокойно управляет жизнью человека.

Мы, давнишние либералы, вскормленные на любви к свободе, радуемся новому либеральному движению в России. Но мы далеки от сочувствия всему, что говорится и делается во имя свободы. Подчас ее и не узнаешь в лице самых рьяных ее обожателей. Слишком часто насилие, нетерпимость и безумие прикрываются именем обаятельной идеи, как подземные силы, надевшие на себя доспехи олимпийской богини. Либерализм является в самых разнообразных видах, и тот, кому дорога истинная свобода, с ужасом и отвращением отступает от тех уродливых явлений, которые выдвигаются под ее знаменем.

Обозначим главные направления либерализма, которые выражаются в общественном мнении.

Низшую степень занимает либерализм уличный. Это скорее извращение, нежели проявление свободы. Уличный либерал не хочет знать ничего, кроме собственного своеволия. Он, прежде всего, любит шум; ему нужно волнение для волнения. Это он называет жизнью, а спокойствие и порядок кажутся ему смертью. Где слышны яростные крики, неразборчивые и неистощимые ругательства, там, наверное, копошится и негодует уличный либерал. Он жадно сторожит каждое буйство, он хлопает всякому беззаконию, ибо само слово «закон» ему ненавистно. Он приходит в неистовый восторг, когда узнает, что где-

нибудь произошел либеральный скандал, что случилась уличная схватка в Мадриде или Неаполе: знай наших! Но терпимости, уважения к мысли, уважения к чужому мнению, к человеческой личности, всего, что составляет сущность истинной свободы и украшения жизни, — от него не ожидайте. Он готов стереть с лица земли всякого, кто не разделяет его необузданных порывов. Он даже не предполагает, что чужое мнение могло явиться плодом свободной мысли, благородного чувства. Отличительная черта уличного либерала та, что он всех своих противников считает подлецами.

Все должны подойти под один уровень, одинаково низкий и пошлый.

Второй вид либерализма можно назвать либерализмом оппозиционным. Но, Боже мой! Какая тут представляется пестрая смесь людей! Сколько разнородных побуждений, сколько разнохарактерных типов от Собакевича, который уверяет, что один прокурор — порядочный человек, да и тот свинья, до помещика, негодующего за отнятие крепостного права, до вельможи, впавшего в немилость и потому кинувшегося в оппозицию, пока не воссияет над ним улыбка, которая снова обратит его к власти! Кому не знакомо это критическое настроение русского общества, этот избыток оппозиционных излияний, которые являются в столь многообразных формах: в виде бранчливого неудовольствия с патриархальным и невинным характером, в виде презрительной иронии и ядовитой усмешки, которые показывают, что критик стоит где-то далеко впереди, бесконечно выше окружающего мира, в виде глумления и анекдотцев, обличающих темные козни демократов, в виде неистовых нападок, при которых в одно и то же время с одинаковой яростью требуются совершенно противоположные вещи, в виде поэтической любви к выборному началу, к самоуправлению, гласности, в виде ораторских эффектов, сопровождаемых величественными позами, в виде лирических жалоб, прикрывающих лень и пустоту, в виде беспокойного стремления говорить и суетиться, в котором так и проглядывает огорченное самолюбие, желание придать себе важности, в виде злорадства при всякой дурной мере, при всяком зле, постигающем отечество, в виде вольнолюбия, всегда готового к деспотизму, к независимости, всегда готовой ползать и поклоняться. Не перечтешь тех бесчисленных оттенков оппозиции, которыми изумляет нас русская земля. Но мы хотим говорить не об этих жизненных проявлениях разнообразных наклонностей человека; для нас важен оппозиционный либерализм как общее начало, как известное направление,

которое коренится в свойствах человеческого духа и выражает одну из сторон или первоначальную степень свободы.

Самое умеренное и серьезное либеральное направление не может не стоять в оппозиции с тем, что не либерально. Всякий мыслящий человек критикует те действия или меры, которые не согласны с его мнением. Иначе он отказывается от свободы суждения и становится присяжным служителем власти. Но не эту законную критику, вызванную тем или другим фактом, разумеем мы под именем оппозиционного либерализма, а то либеральное направление, которое систематически становится в оппозицию, которое не ищет достижения каких-либо положительных требований, а наслаждается самим блеском оппозиционного положения. В этом есть своего рода поэзия, есть чувство независимости, есть отвага, есть, наконец, возможность более увлекающей деятельности и более широкого влияния на людей, нежели какие представляются в тесном кругу, начертанном обыкновенной практической жизнью. Все это невольно соблазняет человека. Прибавим, что этого рода направление усваивается гораздо легче всякого другого. Критиковать несравненно удобнее и приятнее, нежели понимать. Тут не нужно напряженной работы мысли, внимательного и отчетливого изучения существующего, разумного постижения общих жизненных начал и общественного устройства; не нужно даже действовать, достаточно говорить с увлечением и позировать с некоторым эффектом.

Оппозиционный либерализм понимает свободу с чисто отрицательной стороны. Он отрешился от данного порядка и остался при этом отрешении. Отменить, разрешить, уничтожить — вот вся его система. Дальше он не идет, да и не имеет надобности идти. Ему верхом благополучия представляется освобождение от всяких законов, от всяких стеснений. Этот идеал, неосуществимый в настоящем, он переносит в будущее или же в давно прошедшее. В сущности, это одно и то же, ибо история, в этом воззрении, является не действительным фактом, подлежащим изучению, не жизненным процессом, из которого вытек современный порядок, а воображаемым миром, в который можно вместить все, что угодно. До настоящей же истории оппозиционный либерал не охотник. Отрицая современность, он поэтому сам отрицает и то прошедшее, которое его произвело. Он в истории видит только игру произвола, случайности, а пожалуй, и человеческого безумия. К тому же настроению мысли принадлежит и поклонение неизведанным силам, лежащим в таинственной глубине народного духа. Чем известное начало дальше от

существующего порядка, чем оно общее, неопределеннее, чем глубже скрывается во мгле туманных представлений, чем более поддается произволу фантазии, тем оно дороже для оппозиционного либерализма.

Держась отрицательного направления, оппозиционный либерализм довольствуется весьма немногосложным боевым снарядам. Он подбирает себе несколько категорий, на основании которых он судит обо всем; он сочиняет себе несколько ярлычков, которые целиком наклеивает на явления, обозначая тем похвалу или порицание. Вся общественная жизнь разбивается на два противоположные полюса, между которыми проводится непроходимая и неизменная черта. Похвалу означают ярлычки: община, мир, народ, выборное начало, самоуправление, гласность, общественное мнение и т.п. Какие положительные факты и учреждения под этим разумеются, ведает один Бог, да и то вряд ли.

В практической жизни оппозиционный либерализм держится тех же отрицательных правил. Первое и необходимое условие — не иметь ни малейшего соприкосновения с властью, держаться как можно дальше от нее. Это не значит, однако, что следует отказываться от доходных мест и чинов. Для природы русского человека такое требование было бы слишком тяжело. Многие и многие оппозиционные либералы сидят на теплых местечках, надевают придворный мундир, делают отличную карьеру и, тем не менее, считают долгом, при всяком удобном случае, бранить то правительство, которому они служат, и тот порядок, которым они наслаждаются. Но чтобы независимый человек дерзнул сказать слово в пользу власти — Боже упаси! Тут поднимается такой гвалт, что и своих не узнаешь. Это — низкопоклонство, честолюбие, продажность. Известно, что всякий порядочный человек должен непременно стоять в оппозиции и ругаться.

Если либеральное направление не хочет ограничиваться пустословием, если оно желает получить действительное влияние на общественные дела, оно должно искать иных начал, начал зиждущих, положительных; оно должно приноравливаться к жизни, почерпать уроки из истории; оно должно действовать, понимая условия власти, не становясь к ней в систематически враждебное отношение, не предъявляя безрассудных требований, но сохраняя беспристрастную независимость, побуждая и задерживая, где нужно, и стараясь исследовать истину хладнокровным обсуждением вопросов. Это и есть либерализм охранительный.

Свобода не состоит в одном приобретении и расширении прав. Человек потому только имеет права, что он несет на себе обязанности, и наоборот, от него можно требовать исполнения обязанностей единственно потому, что он имеет права. Эти два начала неразрывные. Все значение человеческой личности и вытекающих из неё прав основано на том, что человек есть существо разумно-свободное, которое носит в себе сознание верховного нравственного закона и в силу свободной своей воли способно действовать по представлению долга. Абсолютное значение закона дает абсолютное значение и человеческой личности, его сознающей. Отнимите у человека это сознание — он становится наряду с животными, которые повинуются влечениям и не имеют прав. К ним можно иметь привязанность, сострадание, а не уважение, потому что в них нет бесконечного элемента, составляющего достоинство человека.

Но верховный нравственный закон, идея добра — это непремненное условие свободы не остается отвлеченным началом, которое действует на совесть и которому человек может повиноваться и не повиноваться по своему усмотрению. Идея добра осуществляется во внешнем мире; она соединяет людей в общественные союзы, в которых лица связываются постоянной связью, подчиняясь положительному закону и установленной власти. Каждый человек рождается членом такого союза. Он получает в нем положительные права, которые все обязаны уважать, и положительные обязанности, за нарушение которых он подвергается наказанию. Личная его свобода, будучи неразрывно связана со свободой других, может жить только под сенью гражданского закона, повинаясь власти, его охраняющей. Власть и свобода точно так же нераздельны, как нераздельны свобода и нравственный закон. А если так, то всякий гражданин, не преклоняясь безусловно перед властью, какова бы она ни была, во имя собственной свободы обязан уважать существо самой власти.

Сущность охранительного либерализма состоит в примирении начала свободы с началом власти и закона. В политической жизни лозунг его: либеральные меры и сильная власть — либеральные меры, представляющие обществу самостоятельную деятельность, обеспечивающие права и личность граждан, охраняющие свободу мысли и свободу совести, дающие возможность высказываться всем законным желаниям; сильная власть, блюстительница государственного единства, связующая и сдерживающая общество, охраняющая порядок, строго надзирающая за исполнением закона, пресекающая всякое его нарушение, внушающая гражданам уверенность, что во главе государства есть

твердая рука, на которую можно надеяться, и разумная сила, которая сумеет отстоять общественные интересы против напора анархических стихий и против воплей реакционных партий.

В действительности государство с благоустроенным общежитием всегда держится сильной властью, разве когда оно склоняется к падению или подвергается временному расстройству. Но временное ослабление власти ведет к более энергическому ее восстановлению. Горький опыт учит народы, что им без сильной власти обойтись невозможно, и тогда они готовы кинуться в руки первого деспота. Опыт же обличает всю несостоятельность оппозиционного либерализма. Отсюда то обыкновенное явление, что те же самые либералы, которые в оппозиции ратовали против власти, получив правление в свои руки, становятся консерваторами. Это считается признаком двоедушия, низкопоклонства, честолюбия, отрекающегося от своих убеждений. Все это, без сомнения, часто справедливо; но тут есть и более глубокие причины, которые заставляют самого честного либерала впасть в противоречие с собой. Необходимость управлять на деле раскрывает все те условия власти, которые упускаются из вида в оппозиции. Тут недостаточно производить агитацию, надобно делать дело; нужно не разрушать, а устраивать, не противодействовать, а скреплять, и для этого требуются положительные взгляды и положительная сила. Либерал, облеченный властью, поневоле бывает принужден делать именно то, против чего он восставал, будучи в оппозиции. Мне случилось по этому поводу слышать от знаменитого Бунзена следующий характеристический анекдот, который показывает, как на это смотрят государственные люди в свободных странах. Когда О' Коннель был выбран дублинским мэром, Бунзен, бывший тогда прусским посланником в Лондоне, спросил у сэра Роберта Пилья, в то время первого министра: не беспокоит ли его этот выбор? «Совсем напротив, — отвечал сэр Роберт Пиль, — для усмирения демагога нет лучшего средства, как дать ему какую-нибудь власть в руки; он по необходимости становится ее защитником».

Живучесть народа познается особенно во времена бедствий. Когда после поражения народ воспрянет с обновленной силой, примется за излечение своих внутренних язв и поднимется на новую высоту, то это служит залогом великой будущности. Так поднялась Пруссия после Венского погрома; так обновилась и Россия после Крымской кампании. Это составляет одну из величайших страниц в ее истории. Но, в отличие от Пруссии, обновление России не было делом великого государственного человека, который смелой рукой взялся за кормила

правления и двинул народ на новый путь. В России все совершенные преобразования созрели уже в общественном сознании; программы их были намечены в ходившей по рукам рукописной литературе; по важнейшим вопросам выработаны были целые проекты частными людьми. Не на вершинах правящей бюрократии, а среди второстепенных деятелей, стоявших в близкой связи с литературными и общественными кругами, нашлись руководители этого движения; на помощь призваны были выдающиеся люди из общества, которых влияние имело решающее значение. И на местах нашлись ревностные исполнители великого дела; если они составляли меньшинство, то все же это было меньшинство значительное и просвещенное. Оказалось, что русское общество стояло неизмеримо выше Николаевского правительства. Несмотря на суровый гнет, который над ним тяготел, оно сохранило в себе и живую мысль, и самоотверженные силы. Его, как младенца, держали в пеленках в то время, как оно, созревши, готово было зажечь новой жизнью. Для счастья России нашелся Государь, который, не под гнетом неотразимой нужды, как Фридрих Вильгельм III, а после честного мира по собственной инициативе принялся за великую задачу, собрал вокруг себя лучших людей и исполнил все то, что было предназначено общественной мыслью.

Одно за другим совершались великие преобразования, которые дали новое устройство русской земле. Прежде всего, надобно было отменить крепостное право. Это был вопрос, давно назревший и требовавший разрешения. Крепостное право было установлено в то время, когда все сословия были прикреплены к государственной службе. Для того чтобы помещики могли нести свою повинность, надобно было дать им власть над крестьянами. На этом порядке создалось и выросло русское государство. Но времена изменились; государство окрепло и не нуждалось уже в обязательной службе. Помещики были от нее освобождены, а крестьяне все еще оставались крепостными. Это была вопиющая несправедливость, которой требовалось положить конец. Это сознавал не только либеральный Александр I, но и суровый Николай.

Но это было только начало. Затем последовал целый ряд преобразований, которыми созидался новый общественный порядок на почве гражданской свободы.

Россия вся преобразилась и готова была зажечь новой жизнью. От прежнего как будто не осталось и следа. Даже в материальном отношении страна получила новый вид. Она покрылась сетью железных дорог, промышленность

получила небывалый подъем. Это был величайший перелом в русской истории. Крепостное дотоле общество каким-то чудом становилось свободным и разом приобретало все условия образованного быта. Те, которые пережили это время, не могут вспомнить о нем без сердечного умиления.

Эта светлая картина имела, однако, и свои темные стороны.

Тридцатилетний гнет, подавляющий всякую мысль, не проходит даром. Он оставил о себе следы, которые не замедлили обнаружиться. Общество, связанное по рукам и ногам, не смеющее двинуться, естественно не могло приобрести ни жизненного опыта, ни верного взгляда на вещи. Если просвещенное меньшинство пришло к ясному сознанию положения и выработало даже целую программу преобразований, то в массе русского общества бродили только смутные понятия, без всякой определенной точки опоры. Стеснение умственной деятельности влекло за собой крайнюю скудость теоретического образования, а жизненная практика не в состоянии была его заменить, ибо старая, вытекшая из жизни понятия и привычки, не могла пригодиться для новых порядков. Преобразованный строй требовал новых взглядов и новых приемов, которые нужно было выработать из слагающихся на практике отношений. Реформы Александра II так быстро изменили весь облик русской земли, что обществу трудно было найтись в этом водовороте. Многим может показаться, что они совершились слишком поспешно, что общество надобно было постепенно приучать к новому порядку вещей. Но дело в том, что они были слишком долго задержаны. Когда правительство, вместо того чтобы вести народ путем постепенных улучшений, останавливает всякое движение и подавляет всякую свободу, оно неизбежно приводит к необходимости крутого перелома. Приходится разом наверстать потерянное время. Умы успели созреть уже настолько, что они не довольствуются полумерами. Преобразования Александра II были наименьшим, что можно было дать русскому обществу, и, как уже замечено выше, оно быстрым их усвоением показало, что оно было к ним готово. Оно бы и справилось с ними, несмотря на быстроту перемены, если бы к этому не примешались явления другого рода.

Естественное последствие угнетения мысли состоит в том, что она вдается в крайнее направление. Одна крайность всегда вызывает другую. Чем больше мысль стеснена, тем больше в ней возбуждается ненависть ко всякому стеснению, и чем менее практическая жизнь дает простора для деятельности, тем больше люди способны увлекаться теоретическими построениями. В царствование

Николая I, особенно последние его годы, русскому человеку нечего было более делать, как фантазировать, а так как образование было скудное и наука не полагала предела воображению, то последнее предавалось разгулу. Уже в то время социалистические идеи были в полном ходу среди учащейся молодежи. С введением большей свободы пропаганда приняла более широкие размеры. Сочинения социалистического и материалистического содержания ходили по рукам в рукописях и брошюрах. Центром этой пропаганды сделалась петербургская журналистика, которая задалась целью подорвать всякий авторитет и явно проповедовала социалистические и материалистические идеи, выставляя их идеалом будущего, к которому надобно стремиться всеми средствами. Для руководивших ею писателей законный порядок, право, политическая свобода были только пустыми словами или орудиями для достижения иных целей. Мужик, закрепощенный в общину, и фабричный рабочий, связанный по рукам и ногам в государственной артели, — таков был единственный их идеал, и к этому они направляли недоучившееся юношество, жадно внимавшее их словам.

Трудно было придумать направление более вредное для тех задач, которые предстояли России. В то время как русское общество должно было усвоить себе новые для него гражданские начала, требовавшие разумного понимания действительности и бережного отношения к свободе и праву, ему внушали, что все это вздор, что весь существующий порядок обречен на гибель; нахватавшиеся разных вершков журналисты старались перепутать у него все понятия, подорвать в нем всякое доверие ко всему, что возвышается над уровнем толпы; они поддерживали бессмысленное брожение, когда нужно было спокойствие, возбуждали смуты и тем самым вызывали реакционные меры. Казалось бы, что правительство могло найти в здоровых элементах опору против этих стремлений. Но тут было затруднение другого рода, порожденное точно так же системой предшествовавшего царствования. Оно заключалось в том глубоком недоверии к правительству, которое под гнетом николаевского деспотизма укоренилось в русском обществе. Не только люди крайних мнений, но и вся мыслящая часть общества привыкла смотреть на правительство как на своего врага. Поэтому когда оно, уступая потребностям времени, принялось за преобразование, оно не нашло дружной поддержки. Ни защитники, ни противники нововведений не верили в твердость и последовательность правящей власти. Этому в значительной степени способствовали те колебания, которым подвергались преобразовательные стремления, и те интриги, которые велись

противоположными партиями вокруг престола. Когда же преобразования были установлены на твердой почве закона, исполнение их было вверено людям, не внушавшим ни малейшего доверия обществу. Главные деятели по освобождению крестьян были удалены, и во главе управления были поставлены чистые бюрократы. Отчасти в этом заключалась политическая мысль: царь хотел успокоить дворянство, у которого отнимались права. Если выработка закона происходила путем борьбы, то исполнение должно было совершаться путем примирения. Но для того чтобы действовать примирительно, нужно внушать доверие, а именно этого-то и не было. Один из великих недостатков самодержавной власти состоит в том, что она склонна смотреть на людей, как на простые орудия: что прикажут, то и будет сделано, а о том, что для разумного и плодотворного исполнения нужны мысль и воля, что существенным элементом всякого управления является нравственный авторитет людей, стоящих во главе, нет и помину. Понятно, что при таких условиях правительство, совершившее величайшие преобразования, не находило в обществе надлежащей поддержки. Враги нововведений становились к нему в явную позицию и стремились к ограничению верховной власти, с целью взять исполнение в свои руки; защитники же преобразований, удаленные от дел и не доверяя твердости правительства, давали ему расправляться, как оно знает. Отсюда то странное явление, что всякий человек, который дерзал сказать слово в пользу власти, водворявшей в России начала свободы и права, подвергался порицанию и гонению именно со стороны людей либерального лагеря. На него указывали, как на казенного писателя, преданного правительству и ищущего карьеру. И правительство, со своей стороны, не только не поддерживало своих защитников, а напротив, готово было при первом случае выдать их с головой.

При таком настроении социалистическая пропаганда естественно не встречала противодействия, внимание правительства и общества было поглощено совершавшимся в отечестве великим делом, и она воспользовалась этим для тайной организации. В то самое время, как с высоты престола даровалась свобода двадцати миллионам русских людей, как происходил величайший переворот в русской истории, издавались печатно-подпольные прокламации, приглашавшие к истреблению не только всей царской семьи, но всего дворянства и высшего чиновничества. Университеты волновались, и правительство не знало, что с ними делать. Оно вздумало принять крутые меры, но это только усилило волнение. В Петербурге распространились поджоги, которые приписывались той же тайной

организации; произошел страшный пожар Апраксина двора. Провинция спокойно совершала дело освобождения, но в столицах господствовало невообразимое и бессмысленное брожение умов.

К внутренним затруднениям присоединялись внешние. Вспыхнуло польское восстание. Поляки не сумели воспользоваться благими стремлениями Александра II. Им были сделаны крупные уступки. Наместником Царства назначен был либеральный брат государя, одушевленный в отношении Польши самыми доброжелательными намерениями. Главным его пособником был государственный муж из Поляков, человек, одаренный умом и энергией, способный вести свое отечество по пути правильного и постепенного развития, стремившийся дать ему самую широкую автономию. Но полякам нужно было все или ничего. Они хотели силой вырвать то, что давалось им медленным процессом гражданской жизни. В этом сказался тот недостаток политического смысла, который издавна характеризовал этот даровитый и несчастный народ.

Все это естественно вытекало из положения вещей и оправдывалось обстоятельствами. К сожалению, русское правительство сочло нужным окончательно уничтожить самостоятельность Царства Польского, включив его в состав русской Империи. Это была крупная политическая ошибка. Нельзя искусственным, чисто механическим образом привязывать к телу член, который не связан с ним органически. Польша всегда была и есть больное место России; но наружная болезнь менее опасна, нежели вогнанная внутрь. Уничтожение самостоятельности Царства Польского и все стремления к обрусению края не содействуют сближению его с Россией, а, напротив, возбуждают в населении только большую ненависть к иноземному владычеству. Своим безумным восстанием Поляки надолго отдалили возможность правильного решения вопроса; но и меры, принятые русским правительством, нисколько не приближают нас к этой цели. На исходе XIX века это остается грозным вопросом будущего.

С польскою смутой русское правительство справилось. Не так легко было справиться с внутренним брожением. Увлеченная социалистической пропагандой часть русской молодежи пошла в народ. Распространялись всякого рода ложные слухи; фабриковались фальшивые манифесты. Подпольные листки печатались в тайных типографиях и рассылались всюду. Очевидно, все это имело в виду произвести восстание дикой массы против правительства и высших классов. Меры, которые принимала испуганная власть, только усиливали зло. По всем

углам России ссыльными разносились революционные идеи; множество семейств, пораженных в самых святых своих чувствах, становились во враждебные отношения к правительству. Нигилисты, через это не только не ослаблялись, а, напротив, получали еще большую силу. Они сложились в крепкую организацию, имевшую своим центром Женеву и пускавшую свои разветвления всюду. Эта сплоченная шайка поставила себе задачу терроризировать русское правительство и преследовала свою цель с удивительной последовательностью и умением. Начался целый ряд убийств среди белого дня на улицах столицы, шеф жандармов пал жертвой злодеев. Сам царь преследовался, как дикий зверь. В него неоднократно стреляли и делались подкопы под железные дороги на его пути; произошел взрыв Зимнего Дворца. И при этом виновные в большинстве случаев ускользали из рук неумелой и ошалевшей полиции. Казалось, вся энергия, к которой способен русский человек, сосредоточилась в этом скопище для дела чистого безумия. Подобно тому, как сумасшедший проявляет иногда изумительную хитрость в достижении своих бессмысленных целей, русские нигилисты как будто направили весь свой ум и всю свою волю на то, чтобы сбить Россию с правильного пути, водворить в ней полный хаос и тем самым в конце концов вызвать самую суровую реакцию. Одно время потерявшее голову правительство думало обратиться к содействию общества. Призванный к власти Лорис-Меликов хотел успокоить умы либеральными уступками. Печать вздохнула свободнее; множество ссыльных были возвращены. Изготовлен был даже проект созыва выборных лиц для совещания по законодательным вопросам. Но безумные нигилисты не дали совершиться этому делу. Убийство царя положило конец всяким либеральным начинаниям.

В России реакция началась еще при Александре II. Она была единственным результатом нигилистического движения. Она обнаружилась как в правительстве, так и в обществе. В правительственных сферах во главе ее стоял тогдашний шеф жандармов, ничего не понимавший в государственном управлении кроме полицейских мер, и подыскивавший себе пособников из легковесных гвардейцев и бюрократов. В значительной части России введено было положение усиленной охраны; на место законного порядка водворился произвол.

Историческая задача нового царствования раскрылась сама собой. Царствование Александра III все определилось катастрофой 1 марта, так же как царствование Николая I определилось возмущением 14 декабря. В обоих случаях

наступила реакция, часто неумелая и шедшая через край, но вызванная предшествующими событиями. Царствования же их преемников должны были снова поставить Россию на путь правильного развития. Однако между обеими эпохами была существенная разница. Александру II предстояло совершить все упущенное родителем, преобразовать русскую землю на новых началах. Перед Николаем II не было таких трудных задач, ибо величайшие преобразования были уже совершены. Нужно было, прежде всего, восстановить их в полной силе, сделать их истиной и утвердить на них прочный законный порядок вещей. Это не было бы неуважением к памяти отца, а просто сознанием того, что разные времена и царствования имеют разные задачи. Нельзя же оставлять людей целые десятки лет в осадном положении; надобно наконец возвратиться к нормальному порядку, и перемена царствования представляет для этого самый удобный повод. Если бы молодой царь, даже не делая шага вперед, пошел по пути, указанному дедом, то благоразумные русские люди были бы довольны. Они с тревогой обращают свои взоры к престолу, спрашивая себя, что возьмет верх: добрая ли натура царя или влияние окружающих, которые, конечно, ничего другого не желали, как продолжения произвола, удовлетворяющего его интересам и составляющего единственно доступное ему орудие действия?

Первый шаг был горьким разочарованием. На приеме собравшихся со всей России предводителей дворянства царь счел нужным в резких выражениях дать отпор адресу Тверичей, которые весьма в почтительной форме просили о восстановлении законного порядка. Он обозвал эти стремления «бесмысленными мечтаниями».

Бедная Россия! А сколько в ней было хороших сил! Сколько благородных стремлений! И как, в сущности, легко было бы правительству, понимающему свое призвание, править этим добрым, умным, податливым, но вместе энергичным и даровитым народом! Нужно только, чтобы оно покровительствовало не тому, что есть в нем худшего, а тому, что есть лучшего, не раболепству и угодничеству, а здоровым и независимым элементам. Нынешняя политика есть повторение политики пореформенного времени; она неизбежно приведет к тем же результатам; сперва к умственному и нравственному понижению общественного уровня, что уже наступило, а затем к какой-нибудь катастрофе, которая выбьет Россию из ложной колеи, в которой она застряла, и заставит ее снова вступить на правильный путь закономерного развития.

Но катастрофа, во всяком случае, есть дело случайное. Она может быть близкая или отдаленная; она может быть вызвана внутренними смутами или внешними событиями: все это — тайна истории. Задача мыслящей части русского общества состоит в том, чтобы заранее подготовиться к лучшему порядку вещей. Надобно выяснить себе настоящее положение дел, знать, чего следует желать и к чему идти. В дореформенное время лучшие умы наметили уже всю программу будущих преобразований; поэтому они и совершились легко. Обязанность мыслящих людей в настоящее время состоит в том, чтобы точно так же выяснить себе и обществу назревшие задачи русской жизни.

Эти задачи уже не те, которые предстояли в дореформенное время. То, что тогда намечалось, теперь уже совершено. Исправить искажения и возвратиться к нормальному порядку вещей не представляло бы большой трудности; но надобно ясно уразуметь, при каких условиях это возможно, а для этого нужно знать, где лежит главная причина зла.

Для всякого мыслящего наблюдателя современной русской жизни очевидно, что главное зло, нас разъедающее, заключается в том безграничном произволе, который царствует всюду, и в той сети лжи, которой сверху донизу опутано русское общество. Корень того и другого лежит в бюрократическом управлении, которое, не встречая сдержек, подавляет все независимые силы, и более и более захватывая власть в свои руки, растлевает всю русскую жизнь. Это — зло стародавнее, но казалось, что мы нашли из него выход. Великое значение преобразований Александра II заключалось именно в том, что, устроив русское государство на новые для него начала свободы и права, они давали общественным силам возможность стать на свои ноги. Эти преобразования обнимали, однако, не все стороны государственной жизни. Между тем как внизу все перестраивалось заново, наверху все оставалось по-старому. На первых порах это было полезно, ибо всеобщая ломка могла повести к общему крушению. Только при сохранении твердого центра, который давал нужную точку опоры, преобразования могли совершиться мирно и правильно. Но рано или поздно противоречие между старым и новым должно было сказаться: или бюрократия должна была подавить независимые общественные силы, или последние должны были изменить приемы и привычки бюрократического управления. Нигилистическое движение дало карты в руки бюрократии, и она воспользовалась этим для подавления общественных сил и для искажения созданных реформой

учреждений. Очевидно, что возвратиться к нормальному порядку можно только положив предел бюрократическому произволу.

Но ограничить бюрократию невозможно, не коснувшись той власти, которой она служит орудием и которая еще чаще служит ей орудием, то есть неограниченной власти монарха. Пока последняя существует, безграничный произвол на вершине всегда будет поражать такой же произвол в подчиненных сферах. Законный порядок никогда не может упрочиться там, где все зависит от личной воли и где каждое облеченное властью лицо может поставить себя выше закона, прикрыв себя Высочайшим повелением. Если законный порядок составляет самую насущную потребность русского общества, то эта потребность может быть удовлетворена только переходом от неограниченной монархии к ограниченной. В этом и состоит истинное завершение реформ Александра II. Иного исхода для России нет.

Против такого взгляда, без сомнения, поднимется вопль со стороны всех теоретических и практических поклонников самодержавия, которые видят в нем нечто такое, что неразрывно срослось с самой жизнью русского народа. Нам давно на два лада повторяют, что русский народ в одного царя верит, его одного любит, что для него царь такая же святыня, как и самое Божество. Указывают на то, что самодержавие создало, устроило и просветило русскую землю, что оно связано со всеми ее преданиями и ее развитием; уверяют, что без него Россия распадется на клочки; иные возводят даже этот национальный кумир в идеал государственного устройства.

Из всех этих разглагольствований можно принять во внимание весьма немного. Раболепные толки о мистическом единении царя с народом, которое существует будто бы только у нас и нигде более, тогда как история западноевропейских стран представляет тому самый назидательный пример, следует предоставить официальным адресам, чиновничьим донесениям и известного разряда газетным статьям. Seriously обсуждать вопрос можно только с политической точки зрения.

Самодержавие несомненно имело великое историческое значение, как у западных народов, так и в особенности у нас. Оно собрало и устроило русскую землю, насадило в ней просвещение; наконец, оно освободило народ и поставило на ноги общественные силы. Но этим самым оно совершило свое призвание. Неограниченная монархия есть образ правления, пригодный для младенческих народов, отнюдь не для зрелых. Как скоро общественные силы начинают расти,

так она становится помехой развитию. Она может довести народ до известной, довольно низкой ступени, но никак не далее. Высшее развитие совершается уже в оппозиции неограниченной власти, которая хочет подавить свободное движение жизни, но не в силах это сделать, ибо ребенок вырастает наконец из пеленок. Когда же, вынужденная неотразимыми жизненными потребностями, она водворяет наконец либеральные начала, она тем самым полагает основание своему упразднению. Провозглашение всеобщей гражданской свободы есть знак, что общество созрело и может стоять на своих ногах; за этим неизбежно должна следовать свобода политическая. Раньше или позднее это совершится, зависит от местных и временных условий; но это непременно должно быть, ибо это в порядке вещей.

Те, которые ссылаются на тесную историческую связь между монархом и народом, не хотят знать законов и условий исторического развития. Вообразить, что один и тот же образ правления пригоден для народа, находящегося в крепостном состоянии, и для гражданского быта, основанного на свободе, есть политический абсурд. Крепостное право, так же как и самодержавие, имеет свое историческое назначение; оно также содействует скреплению государства. Недаром оно, силой вещей, установилось у нас при утверждении государственного порядка. Оно тесно связано и с самым образом правления: крепостное право внизу порождает крепостное право наверху, и обратно. Пока все низшее население находится в рабстве, иного государственного устройства быть не может, кроме аристократии или чистой монархии. Но последняя ведет к объединению, а первая — к раздорам. Вследствие этого установление неограниченной монархии, при этих условиях, становится требованием государственной жизни и залогом высшего общественного развития. Но как скоро крепостное право отменено внизу, так требуется упразднение его и наверху. Тогда для народной жизни наступают иные задачи, свобода представляет свои права. Когда подумаешь, что единая воля иногда вовсе к тому не подготовленного лица, не имеющего ни высоких способностей, всегда составляющих исключение, ни надлежащего опыта в государственных делах, по собственному усмотрению должна управлять пятьюдесятью или даже ста миллионами людей, со всеми бесконечно сложными отношениями, вытекающими из свободы, то все безумие подобного порядка вещей представляется с полной ясностью. Тут нечего ссылаться на помощь Божью. Бог помогает не тем, кто себя превозносит и не терпит границ своей воли, а тем, кто смиренно сознает собственную слабость и

свой произвол подчиняет закону. Из истории мы знаем, что Бог не вдохновляет хватающихся за свою власть самодержавных монархов: слишком часто они являются недостойными своего положения и делают такие крупные ошибки, которые ведут их к гибели, а государство — к разорению.

В России мы тоже видели, как в царствование Николая I вся мыслящая часть русского народа смотрела на правительство, как на своего врага. Даже великие реформы Царя-Освободителя не могли излечить общество от этого глубокого вкоренившегося недуга, и благодетель своих подданных пал жертвой гнусного заговора. Последовавшая затем реакция всего менее способна была залечить эти раны. Вместо того, чтобы опираться на здоровые общественные силы, правительство выказывало им полное недоверие, а недоверие, в свою очередь, вызывает недоверие. Между правительством и обществом образовалась глубокая пропасть, которую не могут перепрыгнуть льстивые заверения в преданности и любви. Всякий, живущий в России, знает, что эти заверения не что иное, как выражение официальной лжи, которая господствует у нас сверху донизу. В действительности никто не доверяет правительству; всякая его мера встречается с опасением. И это недоверие вполне понятно при том нравственном уровне, на котором стоят у нас правящие сферы. Самодержавная власть русских царей превратилась в игральное личное интересов самого низменного свойства.

Выйти из этого положения она может только преобразовавшись сама, после всех тех преобразований, которые она совершила в стране. Установив всеобщую свободу, поставив общество на ноги, она должна довершить свое дело, ограничив сама себя. Это и составляет настоящую ее задачу. Только этим она может вырваться из той растлевающей среды, которой она окружена; только этим путем возможно водворение в России законного порядка и обуздания всюду давящего нас произвола. Но готово ли русское общество к такой перемене? Не внесет ли она еще большую смуту в и без того уже ослабленный организм?

Если бы дело шло о замене неограниченной монархии парламентским правлением, то, конечно, об этом, при настоящих условиях, не может быть речи. Парламентское правление требует политической опытности, образования, сложившихся партий. Всего этого у нас нет. Но вопрос ставится гораздо проще. Требуется положить предел неограниченной власти и вырвать монарха из развращающего влияния господствующей бюрократии. А для этого достаточно созвать в столицу собрание выборных, например, по два или по три человека от каждого губернаторского земства, и дать ему обсуждение законов и бюджета.

Если, рядом с этим, преобразовать Государственный Совет в Верхнюю Палату, очистив его от тех элементов, которые находятся там только по чину, то конституционное устройство готово. Не нужно много ломать себе голову.

Но необходимо, чтобы выборное собрание непременно было облечено правами. Совещательное собрание, мнению которого можно следовать или не следовать, всегда будет в руках правящей бюрократии, а ее-то именно и следует обуздать.

И у нас внешняя катастрофа может ускорить процесс общественного сознания. Она может последовать неожиданно-негаданно. Поводов к столкновениям при нынешнем напряженном состоянии Европы слишком много. Державы стоят во всеоружии друг против друга, постоянно увеличивая свои военные силы, и всякая искра может произвести пожар. При самом миролюбивом настроении правительство может быть против воли вовлечено в войну. Если такое столкновение случится, то, очевидно, оно произойдет между Россией и Францией с одной стороны и Германией во главе тройственного союза с другой. Материальными силами обе стороны более или менее равны; но судьба народов решается не одной материальной силой. В исторической борьбе победителем выходит тот, кто носит в себе высшие духовные начала. Что же могут противопоставить Россия и Франция организованной мощи Германии, опирающейся на тот энергический подъем народного духа, который был последствием побед и объединений Германии, в которой железная дисциплина сочетается с широким развитием свободы? Во Франции мы видим только внутреннюю неурядицу и разлад, в России — произвол и притеснения. Анархия и деспотизм — вот все, что эти две державы могут сулить современному человечеству. Бесспорно, и в нынешней Германии есть многие темные стороны: страшное развитие милитаризма, бездушное подавление подчиненных народностей. Реалистическая политика государственного человека, совершавшего ее объединение — искоренила в некогда идеалистическом народе чувство гуманности и справедливости. Победа Германии, в свою очередь, едва ли принесет пользу человечеству. Но все же в ней есть культурные начала, которые блекнут в руках волнующейся французской демократии и совершенно отсутствуют в России. А главное, в ней есть подъем народного духа, который во Франции принижен позорным поражением и разрывается на клочки внутренними раздорами партий, а в России совершенно подавлен гнетущим его деспотизмом. Чтобы выйти победительницей из борьбы, Россия должна пробудить в себе этот

дух, а это возможно сделать только полной переменой всей внутренней политики. Русский народ должен быть призван к новой жизни утверждением среди него начал свобода и права...

1861–1903 гг.

Приложение

РЕЧЬ Б.Н. ЧИЧЕРИНА, МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО ГОЛОВЫ, 16 мая 1883 г.

Прежде всего, считаю долгом поблагодарить вас от души за ту высокую честь, которую вы мне оказали, пригласив сюда своим гостем. Я этим обязан, конечно же, не себе, а тому, что я состою представителем Москвы. Вы хотели почтить древнюю столицу, в которой все мы, русские люди, видим нравственное средоточие русской жизни. Как представитель Москвы, приношу вам глубокую благодарность и смею уверить, что если русские города чувствуют свою живую связь с Москвой, то и Москва не менее живо чувствует такую же связь со всеми частями своего государства. Москва перестала быть местопребыванием высшего управления, но она осталась главою русских городов...

Желательно, милостивые государи, чтобы нынешнее наше собрание не прошло бесследно, чтобы оно было началом единения земских людей на пользу отечества. Это единение составляет насущную нашу потребность. Мы переживаем трудные времена. Мы принуждены оберегать как зеницу ока то, что нам всего дороже, самую святыню русского народа. Мы радуемся, когда день прошел благополучно, между тем как все должно быть исполнено доверия и любви. России в настоящее время приходится вести борьбу уже не с внешними врагами, а с собственными своими сынами, посягающими на мирное и правильное ее развитие. Все мы алчем и жаждем законного порядка, а есть ли возможность утвердиться законному порядку среди тех ужасных преступлений, которые заставили содрогнуться всю русскую землю? Тут приходится усиливать полицейский надзор, облекать власти чрезвычайными полномочиями, приостанавливать законные гарантии свободы. Все остальное должно быть отложено до более благоприятного времени, когда нам удастся осилить удручающее нас зло. Сумеем ли мы это сделать?

Всем нам, милостивые государи, известно, что это зло само по себе не так страшно, как оно кажется по своим последствиям. Та партия, которая производит всю эту смуту, весьма немногочисленна. Она вербуетя из недоучившейся молодежи, сбитой с толку и развращенной нелепыми учениями. Что же дает ей

силу? Единственно то, что она дисциплинирована, между тем как все остальное разрознено и разобщено. Одно правительство, очевидно, не в состоянии справиться с этой задачей. Оно может действовать только внешними средствами, а внешние средства бессильны против внутренней болезни: тут необходимо воздействие самого организма; нужно содействие общества. Возможность этого содействия существует; начало ему положено в великих преобразованиях прошедшего царствования. По всей русской земле созданы самостоятельные центры жизни и деятельности. Эти учреждения нам дороги; мы видим в них будущность России. Но все это разрознено, а потому бессильно. Петр Великий любил сравнивать тогдашнюю Россию с «рассыпанною храминою», требующею руки зодчего. Нынешняя, обновленная Россия тоже подобна рассыпанной храмине, но в отличие от прежней тут требуется не одна рука зодчего, надобно, чтобы сами камни стремились сложиться в стройное здание. Старая Россия была крепостная, и все материалы были страдательными орудиями в руках мастера; нынешняя Россия — свободная, а от свободных людей требуется собственная инициатива и самодеятельность. Без общественной самодеятельности все преобразования прошедшего царствования не имеют смысла. Мы по собственному почину должны сомкнуть ряды против врагов общественного порядка. А для этого необходимо прежде всего, чтобы люди узнали друг друга, чтобы они обменялись мыслями, чтобы они протянули друг другу руку. Вот этому-то и может служить нынешнее наше собрание, в этом смысле я говорю, что оно может сделаться началом единения земских людей.

Пройдет немного дней — и все мы вновь рассеемся по всем концам нашего обширного отечества. Но если мы унесем отсюда сознание общей связи и потребность совокупной деятельности, наше собрание не исчезнет бесследно. Дух, Милостивые государи, не знает границ, он связывает людей, разделенных тысячами верст, в одно живое, органическое целое.

Таковы наши стремления, таковы наши мечты. Враги свободных учреждений, те, которые видят единственное спасение в голом начале власти, могут усмотреть в них опасность, пожалуй, увидят в этом нечто революционное. Мы можем равнодушно взирать на эти нарекания. Мы знаем, что нас воодушевляет одно доброе общее чувство, которое служит нам связью и которому мы готовы жертвовать всем. Мы не становимся в оппозиционное отношение к правительству, мы не требуем себе прав. Мы спокойно ожидаем, когда сама власть признает необходимым наше содействие; но когда этот зов последует — он

не должен застигнуть нас врасплох: мы должны быть готовы. И мы можем быть уверены, Милостивые государи, что пора этого зова не слишком отдаленная.

Ни внутреннее положение России, ни положение Европы не обещают нам периода долгого мира. Могут настать грозные времена, которые потребуют напряжения всех сил земли русской. Но если эти времена застанут нас соединенными, нам нечего опасаться. Крепкая единодушием своих сынов, Россия выдержит все бури, так же как она выдерживала до сих пор все постигшие ее испытания. И она явит миру новые силы духа, не только те, которые возбуждаются действием сверху, но и те, которые вызываются в народе внутренним, живым движением свободы.

Милостивые государи, я поднимаю бокал за единение всех земских сил для блага отечества!³

³ См. подробно о политической, научной и общественной деятельности Б.Н. Чичерина в его «Воспоминаниях» (ч. I, II, III)

**ЧЕСТВОВАНИЕ ПАМЯТИ Б.Н.ЧИЧЕРИНА
В СЛАВЯНСКОМ КЛУБЕ В КРАКОВЕ
28 ФЕВРАЛЯ 1904 г.**

(Речь профессора М. Здзеховского)

В некрологах, печатавшихся у нас по поводу смерти Бориса Чичерина, его изображали другом Польши. Это неточно. Условие дружбы есть близкое знакомство. Между тем Чичерин не знал ни польского языка, ни литературы; на основании же того, что ему было известно из нашей истории, он нас судил строго. С польским обществом у него не было никаких сношений. Я имел счастливый случай сблизиться с ним на закате его дней, и вскоре после этого он писал мне: «Вы первый Поляк, заявивший сочувствие моим взглядам и во мне искавший сближения с Русскими». Следовательно, не в знакомстве и не в симпатии к нам следует искать источник его благородного отношения к нашему народу, но гораздо глубже, а именно в высоком нравственном характере его личности. Он был до глубины души проникнут абсолютным характером нравственного закона — и в этом состоит отличительная черта его духовного склада. Он всем своим существом, не допуская никаких уклонений, никаких уступок и уверток, предавал себя внутреннему голосу совести, который Кант назвал категорическим императивом и который служит основанием нравственному закону, составляющему безусловное требование для всякого разумного существа. Этот моральный догматизм в связи с унаследованным от Гегеля догматическим направлением философской мысли рождал в нем склонность к умственному абсолютизму, не допускавшему никаких возражений; результаты, к которым он приходил путем размышлений, имели для него математическую достоверность и представлялись в форме заповедей, обязательных для всех и исключающих возможность всякого спора. Эта нетерпимость отталкивала многих от него и была причиной его сравнительно малой популярности в русском обществе и его одиночества, но отсюда же исходила его глубокая и неумолимо суровая честность в суждении о людях и народах; в применении нравственного закона он безусловно отвергал всякую попытку мерить политику иной мерой, чем частную жизнь. Как ни выгодно с политической точки зрения притеснение покоренных народов, «но перед нравственным судом, — писал он в своей «Политике», — интересы притеснителей стоят наравне с интересами воров и разбойников». Россию он

любил горячо, и поэтому он тем страстнее желал ее видеть в согласии с нравственным идеалом, а так как требование нравственности было пограно именно по отношению к нашему народу, то искупление этого греха он считал первым долгом истинной русской политики. И из этого сознания нравственного долга истекали его взгляды на польско-русские отношения...

Гегель провозгласил государство — и именно Прусское Государство — совершеннейшим произведением обоготворенного им человека, ученики же его, поставив на место Пруссии Россию, стали проповедовать веру в мессионическое призвание России, долженствующей осчастливить мир водворением лучшего христианского порядка, основанного на русских началах православия и самодержавия. Идея представителей этого течения (Кириевские, Хомяков, К. Аксаков) стала впоследствии орудием националистической реакции и обрусительной политики. От односторонности этих направлений спасла Чичерина философия Канта. Проникающая ее аффирмация нравственного долга не дала доступа искушениям национализма и индивидуализма. Кто ставит долг на первом месте, тот не станет учить о правах личности и народов независимо от их обязанностей.

Чичерин верил в Гегеля; он смотрел на его философию как на высочайшую вершину, которой достигла человеческая мысль, и видел в ней введение к абсолютной философии, т.е. к абсолютному познанию истины. И наподобие многих других учеников Гегеля он пытался исправить пробелы в системе своего учителя и создать собственную систему, которая должна была служить завершением труда Гегеля. Таким образом, вращаясь в сфере гегельянства, Чичерин находился в противоречии с теоретической частью учения Канта, отвергавшего возможность абсолютного знания, но, с другой стороны, глубокое проникновение значением нравственного начала, как в области мысли, так и на поприще жизни, свидетельствовало о благотворном влиянии практической философии Канта, оно углубляло в нем религиозное чувство ответственности человека перед Богом и спасало от крайностей гегельянства, т.е. от отрицания Бога, свободы и нравственности, составляющего неизбежный вывод из основных положений философии Гегеля.

В этом и заключается самобытность и возвышенность философских идей Чичерина; «идеализм 40-х годов» нашел в нем свое лучшее воплощение. Вместе с этим мысль Чичерина, благодаря присутствующим в ней элементам «кантизма», является связующим звеном между эпохой Гегеля и тем, что мы считаем самым

здоровым и сильным в современных стремлениях философии. Нисходя в глубь совести, вникая в раздающийся в ней императив, который заставляет признать веру в Бога первым нравственным долгом человека, эта философия стремится к углублению религии, она укрепляет связь человека с Богом, она основывает ее не на шаткой почве рационализма, но на глубочайшем требовании человеческой природы, она знает, что «Бог не есть внешний факт, который невольно навязывается нам, но внутренняя истина, которая нравственно обязывает нас добровольно признать ее». И я думаю, что будущие исследователи философии Чичерина оценят ее и возвеличат именно с этой точки зрения, т.е. как переход от рационалистической односторонности так называемого абсолютного идеализма Гегеля к восходящему нравственному догматизму.

Специальность Чичерина составляло законоведение. В продолжение многих лет он занимал в Москве кафедру государственного права. В 80-х годах он состоял там же городским головой, и ему пришлось представлять первопрестольный город России во время коронации Александра III. На обеде губернских городских голов он произнес тогда, как хозяин Москвы, приветственную речь, в которой, подняв бокал «за единение всех земских сил для блага отечества», он выразил надежду, что правительство пригласит эти силы к содействию, так как «без общественной самодеятельности все преобразования царствования Александра II не имеют смысла». За эту речь смелый оратор подвергся опале и был вынужден бросить поприще общественной и государственной службы. Он поселился в своем имении и всецело предался научному труду. Наука составляла с тех пор его единственное утешение, тем более, что одновременно с политическими невзгодами его стали поражать удары судьбы в семейной жизни: смерть лишила его всех детей и он остался в одиночестве с супругой, неотлучной сотрудницей его до последних минут жизни.

История русского права, государственное право, философия права и другие отрасли философии поочередно привлекали его творческую мысль. Юристы ценят более всего его труды в первой из названных областей науки. Как исследователь государственного права и политики он занял одинокую высоту, недоступную заурядным ученым и публицистам. На первый взгляд могло казаться, что будучи представителем либерализма в самом широком смысле слова и противником русской государственной политики, Чичерин выражал целое общественное течение, но на самом деле он принципиально отличался от других русских либералов в том, что составляло самую суть его мировоззрения: тогда как

либералы, преклоняясь перед материализмом и позитивизмом в философии, все более и более приближались к радикальным направлениям в политике, Чичерин развивал свои взгляды на почве идеалистической философии, которую он строго согласовал с христианским понятием Бога и человеческих обязанностей; это придавало его учению оттенок умеренности. Притом не признавая никакого противоречия между религией и нравственным законом с одной, и результатами научного исследования с другой стороны, он всем своим утверждениям, проистекавшим из признания религии и нравственного закона, придавал абсолютный характер. Так как целью государства, — учил он, — есть общее благо, то государство заключает в себе нравственное начало, и хотя опыт учит, что сильные государства неоднократно возникали при содействии безнравственных факторов, но наука должна показывать, что такие факторы непригодны для основания прочной гражданственности. В соответствии с этим, входя в ближе нас интересующую область отношений между властвующим народом и теми, которые им покорены, он утверждал, что господство над чужими народами сопряжено с высокой нравственной обязанностью, потому что общим правилом следует тут считать обязанность со стороны господствующего народа привлечь к себе покоренных, т.е. не только воздать им полную справедливость, но «стать выше их, излив на них новые, неведомые дотоле блага». С точки зрения этого правила, которое Чичерин считал научной аксиомой и нравственной догмой, он судил об отношении России к Польскому народу и приходил к безусловному отрицанию русской политики.

От уныния и пессимизма его спасала философия. С ее помощью он постигал тайны религии; она упрочивала в нем глубокую веру в окончательное торжество правды. Свою философскую деятельность он начал с объявления войны широко распространенному в России позитивизму. С успехом позитивизма, за которым неизбежно следовал материализм, он связывал современное политическое одичание. Позитивизм, суживая кругозор человека, низводя его мысль с неба на землю, ведет к понижению умственного и нравственного уровня общества: «Никогда, — писал Чичерин, — не было такого всеобщего шатания, такого умственного мрака, как именно теперь; сильная мысль, крепкие убеждения, высокие характеры становятся редкостью». Если утилитарная этика, выводимая из позитивизма, есть отрицание живой христианской этики, основанной на взаимодействии между Богом и человеком, то тем более сам позитивизм являлся, по мнению русского мыслителя, отрицанием

логики, «превращением разумного познания в чистую бессмыслицу». «Горе служителю науки, — писал он, — который погасил в себе светильник метафизики! Он осужден вечно пресмыкаться в низменностях реализма, потерявши даже память о том, что он рожден для иного знания и для иной жизни!»

Будущий прогресс человечества зависел, по мнению Чичерина, от возрождения философского идеализма. В этом заключалась его самая задушевная мысль. Он подробно развил ее в «Науке и религии», самом продуманном из своих сочинений, в котором он свел итоги всех исканий, всего труда своей жизни. Эта книга есть попытка синтеза вселенной, поражающая нас как обширностью знания, так и широтой кругозора; она представляет одно из самых смелых проявлений полета, человеческого духа в темные области грядущего; но будучи проникнут до дна души учением Гегеля, Чичерин явился слишком поздно или слишком рано для того, чтобы возбудить к своим воззрениям должное внимание...

Непоколебимое убеждение в близком торжестве идеализма было для русского мыслителя источником утешения, душевной бодрости и твердости в виду разочарований, приносимых ему каждым днем жизни. Считая религию, в противоположность Гегелю, высочайшим выражением человеческого духа, Чичерин придавал тем большее значение ожидаемому торжеству идеализма, призванного возродить и углубить религиозное сознание. «Религия относится к философии, — писал он, — как молитва к силлогизму». Философия есть отвлеченное познание абсолютного, религия — живое с ним взаимодействие, следовательно, религия выше философии. Но полнота общения с Богом зависит от полноты понимания — и тут предстоит философии важная задача приготовить человека к этому полному религиозному общению с Богом. И она вводит его вглубь абсолютного и преклоняет перед Всевышним Разумом, который в лице Христа, в воплощенном Слове своем, соединяется с естеством человека и объявляет ему свою волю...

Мои поверхностные и бессильные слова о деятельности человека, который в продолжение почти 50 лет не выпускал пера из рук и результаты своих мыслей и трудов изложил в 20 с лишком томах сочинений, обнимавших разнообразные области знания, я позволю себе дополнить и оживить воспоминаниями о моих личных отношениях с достойнейшим из русских мыслителей и отрывками из его писем ко мне.

В 1898 году г. Константин Володкович обратил мое внимание на III том «Государственной науки» Чичерина, в котором Б.Н. обстоятельно разобрал политику России в отношении к нам. Я тотчас же прочел названное сочинение и под первым и сильным впечатлением возвышенного образа мыслей автора я отправил к нему письмо с выражением моей благодарности и восторга. Через несколько дней я получил ответ. «Радуюсь, — писал Борис Николаевич, — что писанное мною доставило хотя некоторое нравственное удовлетворение людям, относительно которых мы много погрешили». Все письмо дышало глубокой грустью. Б.Н. жаловался в нем на убийственное влияние восстания 1863 года не только на Польшу, но и на Россию, где оно вызвало националистическую реакцию, за которой последовало политическое одичание, непрерывно возрастающее до сих пор. «Но кто верит, — кончал он, — в будущее человечества, тот должен думать, что это (русский национализм) явление временное. Я по крайней мере твердо убежден, что настанут лучшие дни, для которых и надобно свято хранить нравственное достояние народов, стараясь в особенности оберечь его от всего, что может наложить на него нравственное пятно. В этой возвышенной цели всегда сойдутся лучшие из Поляков и лучшие из Русских. В этой надежде желаю вам бодрости и терпения...» С тех пор он эту мысль повторял почти в каждом письме...

То чувство, что на всяком Русском тяготеет в известной мере ответственность за все то, что творится в России, особенно его угнетало. Ему было известно, что в ознаменование юбилея нашего университета он будет избран почетным доктором. Ввиду этого я убедительно приглашал его почтить наш праздник своим присутствием; некоторое время он собирался к нам, но потом бросил свое намерение, после же юбилея он так писал ко мне: «Радуюсь тому, что вам праздник удался, но не жалею о том, что меня там не было. В настоящее время положение Русского среди иностранцев весьма неловкое. Что может он сказать им о своем отечестве? Разве только то, что в нем не совсем еще заглохли те высшие начала справедливости и человеколюбия, которые составляют достоинство и красу человеческой жизни. Но ведь это очень мало»...

Этот идеалист, так сурово судивший о России и других ближе ему знакомых народах, смотрел на мало знакомых славян через призму своего идеализма и не верил, чтобы они могли чувствовать влечение к современной, русификационной страстью охваченной России. И перед величием мысли великого русского патриота и гражданина да покроет румянец стыда тех

славянских публицистов, которые политику, основанную на угнетении Грузин и Армян, Финляндии и Польши, представляют нравственной христианской политикой, обеспечивающей за Россией торжество над врагами!..

Вслушиваясь в дышавшие юношеским жаром речи Бориса Николаевича, я не мог предчувствовать, что черной тучей уже надвигалось на него несчастье, которое вскоре после нашего свидания лишило его возможности работать. Осенью того же года (1900) у него в деревне вспыхнул пожар; спасаясь, он подвергся сильным ожогам и вынужден был долгое время пролежать в постели. Несмотря на сильные страдания, он продолжал свои работы: он готовил к печати новое издание «Науки и религии» и составлял пятый том своей «Истории политических наук». «Удивительный человек, — писал тогда ко мне его родственник, — ему 72 года; голова его представляет одну сплошную рану; он лежит больной, намученный, а дух его все время остается ясен и могуч, он так же пламенно интересуется всем происходящим на свете». Немного оправившись, Б.Н. возобновил со мной переписку: «Письмо ваше, писанное еще в прошлом веке, дошло до меня только в нынешнем, с которым поздравляю вас, как молодого человека. Вы, вероятно, увидите то хорошее, что он с собою принесет, а я в мои лета уже на это не надеюсь. Пока не видать даже и признаков улучшения. Самое заветное мое желание состоит в том, чтобы он принес примирение двух братских народностей, которые XVIII век разделил, а XIX век не умел примирить. К этому должны быть направлены все мысли и деятельность молодого поколения, а нам, старикам, остается только благословить их на этот подвиг, уходя в могилу. Многие скажут, что это мечты, но это мечты, которые возвышают душу и для которых одних стоит работать, тогда как для современной жизненной дряни не стоит и пальцем шевельнуть».

С умилением читал я эти слова, как благословение старца, который, прощаясь со всем земным, передает мысль свою в руки своих молодых наследников на поприще борьбы за правду. И на самом деле эти слова были и благословением, и завещанием. Надломленный предшествующей болезнью организм Чичерина потерял силу сопротивления, и вскоре удар паралича окончательно сломал его. В тяжелом состоянии прожил он свои последние годы. За несколько месяцев до смерти он почувствовал улучшение, и я был до глубины души растроган его добротой и памятью обо мне, получив после двухлетнего вынужденного молчания два письма, продиктованные им, но подписанные собственной дрожащей рукой. Почерк был изменен до неузнаваемости.

У гроба Чичерина теснятся в сердце чудные его слова о бессмертии: «Человек не может примириться с мыслью, что любимое им существо превратилось в ничто, что тот разум, то чувство, которые составляли предмет глубочайшей его привязанности, исчезли, как дым, не оставив по себе и следа. Против этого возмущается все его существо. Устремляя в вечность свои умственные взоры, человек простирает в вечность и свои сердечные привязанности. А если таковы глубочайшие основы его естества, то предметом этой привязанности не может быть что-либо преходящее. Перед гробом любимого существа из глубины человеческого сердца опять вырывается роковой вопрос: зачем дано ему любить таким образом, если предмет этой любви не что иное, как мимолетная тень, исчезающая от первой случайности? Или зачем отнимается у него предмет любви, когда эта любовь есть самое высокое и святое, что есть в человеческой жизни? И тут на эти вопросы может быть один только ответ: бессмертие! Любовь, носящая в себе вечность, в себе самой заключает неискоренимое убеждение, что предмет ее вечен, так же, как она сама».

Разум заставил мыслителя преклониться перед Всевышним Разумом, который есть Свет света, абсолютная Истина и Любовь. Но прежде чем счастье вечного общения с Ним и полноты обладания истиной озарит человека в высшем сверхчувственном нездешнем бытии, его земное существование должно быть неусыпным стремлением к преобразованию условий здешней жизни по образу и подобию Истины. И в согласии с этим основным убеждением Чичерина правда в русской жизни составляла цель его стремлений. В последней своей работе, посвященной защите Финляндии, он, клеймя шовинистическое одичание русской политики, добавлял в конце, что, однако, «прежде всего» надо протянуть руку раздавленному Россией славянскому брату и поднять его из унижения, в котором мы сами его держим. От этого зависит будущее России, только тогда она вступит «на вершину могущества и славы!»

И с этой мыслью русский мыслитель перешел в высшее существование. Эта мысль составляет его завещание. И опять мы спрашиваем: где его продолжатели? О, если бы предзнаменованием лучшего будущего могли быть его собственные слова, писанные ко мне по поводу его же брошюры о Польском вопросе! Б.Н. уверял меня, что она не есть «голос вопиющего в пустыне», но выражение «настроения, господствующего в значительной части русского образованного общества»... «Я сообщал ее многим, и она возбуждала живейшее сочувствие и в старых, и в молодых». И на самом деле голоса этих друзей истины

раздаются ныне несколько чаще, и не следует терять надежды, что они станут звучать все громче и что среди раскатов грозы, надвигающейся с Дальнего Востока, в сотрясении, которое она несет с собой, Русь проявит те высшие начала своего духа, которые с первых дней ее истории, со времен сказочного богатыря Ильи Муромца, защитника всех угнетенных, обнаруживались в критических моментах ее жизни. Священный огонь этих начал зажигал души святых заволжских старцев, когда они бросали свои скиты, чтобы идти на мученичество, клеймя грехи князей и Церкви. Искры этого огня пылали еще в XVIII веке в сердцах тех, которые, подобно Новикову или Радищеву, восставая против господствующего разврата, искали новых нравственных и политических идеалов. Этот огонь был источником геройства декабристов; он охватывал Пушкина, Лермонтова и Гоголя в лучшие моменты их вдохновений; он нес с собой идеализм 40-х годов, воспламеняя творческие мечты Алексея Толстого и Тургенева; он горел в мрачной сатире Щедрина; озарил мистическим блеском ясновидение Достоевского; вспыхнул с новой силой в думах реформаторов общества — Герцена и Льва Толстого, и, согрев мысль Чаадаева, перебросился в пророческие размышления Вл. Соловьева... И кажется, как будто этот огонь опять прорывается наружу в слова некоторых писателей, произнесенных под первым впечатлением первых известий с Дальнего Востока; кажется, будто мы слышим в них голос совести, призывающий к единению с народами, которые волею исторических судеб связаны ныне с Россией, — к единению христианскому, основанному не на насилии, но на справедливости. Близкое будущее покажет, голос ли это совести, или только страха, и пожелает ли Россия взойти на те вершины нравственного обаяния и политического могущества, о которых мечтал Борис Чичерин.

Б.Н. ЧИЧЕРИН И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ РУССКОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ

**(Речь, произнесенная П.Б.Струве в заседании Русского Научного Института
в Белграде в 1928 г.)**

Б.Н.Чичерин представляется мне самым
многосторонне образованным и многознающим
из всех русских, а может быть, и европейских
ученых настоящего времени.

Владимир Соловьев (1897 г.)

I

Не может быть национального самосознания без исторической памяти. Мы должны поэтому блюсти нашу историческую память и помнить о тех людях и делах, которыми одухотворялась и строилась русская общественность.

Говоря недавно перед белградской публикой об Аксаковых, я указывал на смешение кровей, из которого, как некий благородный плод, получились те славные деятели русской литературы. То же мы встречаем в лице того великого русского ученого и общественно-государственного деятеля, столетие рождения которого мы сегодня справляем. Чичерины ведут свое происхождение от итальянца, приехавшего в Москву в свите Софии Палеолог, и в самом деле, не было ли в суровой логичности и в нравственной негибамости Бориса Николаевича Чичерина чего-то подлинно римского?

Прежде всего несколько биографических данных о Б.Н.Чичерине. Точные даты его рождения и смерти таковы: 25 мая 1828 г. — 3 февраля 1904 г. В 1849 г. Б.Н. кончает Московский университет по юридическому факультету. В 1856 г. он получает степень магистра за сочинение «Областные учреждения в России» и в 1861 г. делается профессором государственного права в Московском университете — 28 октября этого исключительного в истории России года он читает свою исполненную глубочайшей нравственной серьезности и сознания торжественности исторического момента вступительную лекцию к курсу государственного права. В 1866 г. Чичерин закончил книгу, долженствовавшую явиться его докторской диссертацией, — «О народном представительстве», но

еще ранее, в 1865 г., он от С.-Петербургского университета получает степень почетного доктора прав. В 1868 г. Чичерин оставляет Московский университет в знак протеста против нарушения прав автономного университета. В 1869 г. выходит в свет том I его «Истории политических учений», последний V том появляется в 1892 г. В 1882 г. Чичерин избирается в городские головы города Москвы. В связи с коронационными торжествами 1883 г. Б.Н. произносит замечательную речь, сдержанную, умеренную, консервативную, но не понравившуюся реакционным силам, тогда возобладавшим, и Чичерин должен оставить свой пост. Он окончательно, до самой смерти, удаляется в частную жизнь. В 1893 г. Императорская Академия Наук избирает Б.Н. в свои почетные члены. В конце XIX и начале XX века за границей (в Берлине) появляется анонимно ряд публицистических произведений Чичерина, которые не могли тогда увидеть свет в России. Из них главнейшее: «Россия накануне 20-го столетия» — автор на заглавном листе назвал себя «русским патриотом».

Человек, родившийся в первой трети XIX века и доживший до начала XX века, Б.Н. Чичерин принадлежал к одному из самых блестящих поколений русской общественности. Напомним, что он был только на 10 лет моложе Александра II, И.С. Тургенева, М.Н. Каткова, К.Д. Кавелина и Ф.И. Буслаева, родившихся в 1818 г., на 8 лет моложе С.М. Соловьева, на 5 лет моложе И.С. Аксакова, на 2 года моложе М.Е. Салтыкова-Щедрина и родился в один год с гр. Л.Н. Толстым, со знаменитым историком русской литературы М.И. Сухомлиновым, со знаменитым химиком А.М. Бутлеровым, со знаменитым публицистом Н.Г. Чернышевским. Годом позже Чичерина родились физиолог И.М. Сеченов и историк К.Н. Бестужев-Рюмин, столетие которых исполняется в будущем, 1929 году. Я называю рядом с Б.Н. Чичериным И.М. Сеченова и К.Н. Бестужева-Рюмина не по чисто хронологической ассоциации. Первый по своему материалистически-позитивистическому мировоззрению представлял едва ли не прямую противоположность Чичерину, который был ближе к людям 40-х гг., чем к своим сверстникам, пятидесятникам и шестидесятникам. К.Н. Бестужев-Рюмин, наоборот, в своем духовном и научном развитии был связан с семьей Чичериных. Бестужев-Рюмин, который, как домашний учитель, провел два с половиной года в имении Чичериных «Караул» Кирсановского уезда Тамбовской губ., дает такой отзыв об отце Б.Н. Чичерина: «Главную прелесть составлял хозяин. Ум Николая Васильевича был один из редких широких умов, которому все доступно и который всегда избегает крайностей». В воспоминаемую

Бестужевым-Рюминым поручу Б.Н. Чичерин по летам жил в «Карауле» и однажды К.Н. пришлось провести там с ним целую зиму...

II

Б.Н. Чичерин был современником четырех царствований: Николая I, Александра II, Александра III и Николая II. Он был ученый и общественный деятель; профессор Московского университета и городской голова города Москвы; историк и юрист; философ и общественный деятель, его учено-литературная производительность была громадна. Труды Б.Н. Чичерина составляют целую библиотеку — его «История политических учений» до сих пор в мировой научной литературе — единственное столь монументальное и столь многообъемлющее в своей области произведение. Как мыслитель, Б.Н. с изумительной энергией выполнял предположенную им философскую задачу. Для ее довершения он уже в преклонные годы посвятил несколько лет занятию высшей математикой и естествознанием, оставив и в этой области следы своей работы в виде нескольких специальных статей, предназначенных служить к подтверждению его философских взглядов. Столь законченного и разностороннего применения гегелевских начал не может указать и немецкая философская литература...

Личным знакомством и общением Чичерин был связан с Владимиром С. Соловьевым, который был на 25 лет его моложе, и с еще более молодыми мыслителями, кн. Сергеем и Евгением Николаевичами Трубецкими.

Несмотря на личное знакомство, весьма давнее, и на несомненное личное общение, Б.Н. Чичерин и Влад. Серг. Соловьев дважды довольно резко полемизировали. Впрочем, в 80-х гг. только Чичерин нападал на Соловьева по поводу его докторской диссертации «Критика отвлеченных начал», Соловьев же не отвечал Чичерину. В 90-х гг. они обменялись полемическими статьями, и резкость этой полемики поражает именно в 1897 г., когда оба, и Чичерин и Соловьев, бывший ровно на 25 лет моложе Чичерина, стояли на вершине их прижизненной славы. Соловьев, отбивавшийся от нападений Чичерина, при всем своем почтении и к учености, и к политическим взглядам Чичерина, не скупился на насмешки, почти переходившие в издевку, которые этот, быть может, искуснейший в истории русской литературы полемист оправдывал в данном случае «состоянием необходимой обороны» в идейном, но не личном смысле.

В лице Пав. Ив. Новгородцева, который был на 38 лет моложе Чичерина, последний протягивал руку своему отдаленному преемнику по юридическому факультету. С другой стороны, по гегелианству продолжателем Чичерина явился в наше время еще более молодой преподаватель Московского университета и доктор государственного права того же Университета, автор едва ли не лучшей философской монографии о Гегеле, — Иван Александрович Ильин.

Наконец, позвольте одно личное воспоминание и признание. Последним представителем русской «радикальной» публицистики, скрестившим шпаги с «либеральным консерватором» Чичериным был ваш покорнейший слуга. Это было сделано в статье, появившейся в 1897 г. и до сих пор являющейся едва ли не единственным опытом исторической оценки Чичерина как публициста и политика. В своем дальнейшем развитии я, полемизировавший с Чичериным «марксист» (никогда, правда, не бывший правоверным, а наоборот, всегда являвшийся еретиком в марксизме), пришел в своих собственных путях к общественно-политическому мировоззрению, близкому ко взглядам покойного московского ученого.

Впрочем, в 1897 году либеральные элементы учения Чичерина встречали сочувствие и признание во всех прогрессивных кругах русского общества, и это нашло себе отражение и в моей, довольно задорно, по-молодому написанной полемической статье против Чичерина. Еще ярче сочувствие это выразилось в том некрологе Чичерина, который я поместил в «Освобождении» за 1904 г. (№ 18 от 3 марта).

III

Осмысливая культурное и государственное развитие России, мы видим в нем в своеобразном сочетании и переплетении две основные проблемы: свободы и власти.

Ради интересов государства государственная власть отчасти допустила, отчасти сама произвела закрепощение массы населения служилому сословию как носителю и орудию управления.

Так получилось граничившее с рабством русское крепостное право и сословное расчленение русского общества.

А в интересах сосредоточения государственной силы сложилась в России наименее, может быть, чем где-либо, ограниченная индивидуальными и групповыми притязаниями государственная власть, самодержавная монархия...

Перед русской общественной мыслью с первых времен ее зарождения стали: 1) проблема освобождения лица и 2) упорядочения государственного властвования, введения его в рамки правомерности и соответствия с потребностями и желаниями населения.

Вот почему с тех пор, как возникла русская общественно-политическая мысль, она движется вокруг этих проблем и движется, так сказать, по двум параллельным осям: по оси либерализма и по оси консерватизма. Для индивидуальных сознаний эти оси по большей части никогда не сближаются и не сходятся. Наоборот, по большей части, они далеко расходятся.

Но были в русском духовном развитии яркие и сильные представители сближения и даже слияния осей либерализма и консерватизма. Суть либерализма, как идейного мотива, заключается в утверждении свободы лица. Суть консерватизма, как идейного мотива, состоит в сознательном утверждении исторически данного порядка вещей как драгоценного наследия и предания. И либерализм, и консерватизм суть не только идеи, но и настроения, точнее — сочетание осознанной идеи с органическим, глубинным настроением.

Особое место Б.Н. Чичерина в истории русской культуры и общественности определяется тем, что он представлял в ней самое законченное, самое яркое выражение гармонического сочетания в одном лице идейных мотивов либерализма и консерватизма. Это сочетание не было и до Чичерина новостью в духовно-общественной истории России. На свой особый лад это идейное сочетание выступает перед нами в великой законодательнице XVIII века Екатерине II. Своеобразное воплощение оно же нашло в величавой фигуре знаменитого деятеля четырех царствований, адмирала Н.С. Мордвинова (1754–1845), и его же мы встречаем у двух великих деятелей нашей культуры и общественности, у зрелого Карамзина (1766–1826) и созревшего Пушкина, и у того даровитого и блестящего писателя, который, будучи младшим другом-свойственником Карамзина и старшим другом-соратником Пушкина, пережил первого на 52, а второго на 41 год, у князя П.А. Вяземского (1792–1678). Вяземский едва ли не первый для России вычеканил формулу «либеральный консерватизм» и притом именно в применении не к кому иному, как к самому Пушкину.

Но если Екатерина II должна была, по своему положению самодержавной монархини, быть преданной консерватизму и в последнюю эпоху своего царствования вела даже реакционную политику, если Н.С. Мордвинов, будучи в области политической либералом, в области социальной всегда оставался консерватором и, скажем прямо, «крепостником», если и Карамзин, и Пушкин и, позже их обоих, кн. Вяземский утверждались в своем консерватизме по мере и в меру того, что они духовно созревали, то Чичерин, рано созревший духовный строй которого почти сразу отлился в какую-то твердую и крепкую форму, был всегда «либеральным консерватором», или «консервативным либералом». В общественно-политических взглядах Чичерина, конечно, наблюдается известное развитие. Выражаясь принятыми условными терминами политики, мы можем, пожалуй, сказать, что Чичерин с начала царствования Александра II по XX век «левел», но только потому, что будучи добросовестным наблюдателем и отзывчивым участником исторического процесса, он воспринимал и осознавал этот процесс как процесс глубоких, коренных изменений.

IV

В эпоху великих реформ, в конце 50-х и начале 60-х годов, Чичерин поместился на крайнем правом фланге прогрессивного течения русской жизни. Он был тогда гораздо «правее» М.Н. Каткова резко полемизируя в «Нашем Времени» Н.Ф. Павлова с «Современной Летописью» Катковского «Русского Вестника». Он смело выступил против Герцена в его же «Колоколе», выступил тогда, когда общественное мнение было за Герцена, и в этой полемике Чичерина с Герценом было гораздо больше идейного содержания, чем в позднейшей борьбе Каткова с издателем «Колокола».

Против Каткова Чичерин в ту эпоху отстаивал сословный строй аргументами реалистического консерватизма, твердо усвоившего себе, однако, известные начала либерализма.

Явно под влиянием знаменитого немецкого государствоведа, тоже гегельянца, Лоренца Штейна, московский профессор в своем «охранительном либерализме», который он противопоставлял и «либерализму уличному» и «либерализму оппозиционному», отпирался от реалистического тезиса почти по-марксистски: «всякая политическая организация основана на распределении существующих в народе общественных сил».

Интересно и знаменательно, что против Чичеринского направления, которое он сам признавал и характеризовал, как «особенное направление в русской политической литературе» и в котором его противники видели «несчастную доктрину», приносящую «все... в жертву государству», доктрину, по которой все исходит из власти и все возвращается к ней», в русской публицистике той эпохи выступили не только «Современник», в лице самого Чернышевского, и «Русское Слово» в лице совершенно ныне забытого публициста Гиероглифова, но и не кто иной, как главнейший публицист славянофильства Иван Аксаков. Юридическому историзму Чичерина Аксаков противопоставил исповедание естественного права. Тут перед нами столкновение не только мировоззрений, не только мироощущений, но и темпераментов. Сейчас могут сказать, что Иван Аксаков был не прав, характеризуя общественно-политическое мировоззрение Чичерина как «несчастную доктрину», с точки зрения которой «нет места, вне порядка государственности, никакому свободному творчеству народного духа». Чичерин вовсе не был и в ту эпоху ослепленным глашатаем «мертвого государственного механизма», как утверждал Аксаков. Идеи порядка и свободы имели для Чичерина одинаковое обаяние...

Утверждая, что «исторические начала всегда служат для охранительной партии самую твердую точку опоры», Чичерин в то же время хорошо понимал, что «исторические начала изнашиваются, слабеют, теряют прежнее свое значение, и что поэтому «держаться их во что бы то ни стало, при изменившихся обстоятельствах, при новом строении жизни, значит лишать себя всякой надежды на успех... Если старый камень силою векового трения обратился в песок, безумно утверждать на нем здание». Чичериным и тогда владела одна «единственная» и основная мысль либерального консерватизма: «сочетание порядка и свободы в применении к историческому развитию и современным потребностям».

Консервативный либерализм Чичерина, чуждый и народнической сентиментальности Кавелина, и позднейших мнимо консервативных крайностей Каткова, не имел ни тогда, ни позже никакого успеха ни в правящих сферах, ни в общественном мнении. Правда, в Петербурге в 60-х годах в бюрократических кругах иногда превозносили московского государствоведа, называя его *le grand* Чичерин, но там никогда не следовали всерьез за его указаниями в их полноте и по их духу.

В царствование Александра II Чичерин совершенно определенно в интереснейшей рукописной записке, подлинник которой в начале XX века я

держал в своих руках, категорически высказался в пользу русско-польского примирения и никогда не одобрял антипольской политики русского правительства. В таком же духе гораздо позже он выступил с критикой и осуждением антифинляндской политики царствования Александра III и Николая II.

В эпоху Лорис-Меликова Чичерин составил записку, в которой рекомендовал власти конституционную реформу. К этому же сводится и основной смысл его с присущим ему блеском написанного произведения «Россия накануне 20-го столетия», изданного на рубеже этого столетия в Берлине и явившегося как бы политическим завещанием знаменитого русского государствоведа.

Вообще историческую позицию Чичерина можно изобразить так: поскольку он верил в реформаторскую роль исторической власти, т.е. в эпоху великих реформ, в 50-х и 60-х годах, Чичерин выступал как либеральный консерватор, решительно борясь с крайностями либерального и радикального общественного мнения. Поскольку же власть стала упорствовать в реакции, Чичерин выступал как консервативный либерал против реакционной власти, в интересах государства отстаивая либеральные начала, защищая уже осуществленные либеральные реформы и требуя в царствование Александра III и особенно энергично и последовательно в царствование Николая II коренного преобразования нашего государственного строя.

Таким образом, Чичерин в своем духовно-общественном делании никогда не переставал неразрывно сочетать консерватизм и либерализм, являя в этом отношении самую законченную и яркую фигуру в истории духовного и политического развития России...⁴

⁴ «Любопытно отметить, что сборник интереснейших и блестяще написанных публицистических статей Чичерина, выпущенный в свет в 1862 г., в 1897 г., т.е. через 35 лет, не был распродан и продавался у издателя К.Т. Солдатенкова. Факт, показывающий, как равнодушна была русская читающая публика к политическим идеям такого мыслителя, как Чичерин.»